

Л.К.Новиков
Н.М.Дроздова

ОПЕРАЦИЯ

«ДЕТИ»

ОПЕРАЦИЯ

«ДЕТИ»

Авторы:

Л.К.Новиков
Н.М.Дроздова

г.Нижний Новгород
ООО «Стимул-СТ»
2022 год

ББК
УДК

Книга издана при финансовой поддержке Всероссийской общественной неправительственной организации "Союз Женщин России" при содействии Общественной организации "Ассоциация детского движения Нижегородской области" (В.А.Амосов, Н.А.Тарасов), областного актива детских и молодежных общественных организаций Нижегородской области, Нижегородского областного Совета женщин – регионального отделения ВОНО "Союз Женщин России" (Н.В.Маркова, О.В.Чиркина), организатора велопоходов по маршруту "Операция "Дети" А.А.Чкалова *под руководством Дроздовой Натальи Михайловны, ветерана Горьковского-Нижегородского телевидения, член Союза журналистов России, Лауреата премии г. Нижнего Новгорода*

Новиков Л.К., Дроздова Н.М.

Операция "Дети" – г.Нижний Новгород, 2022. – 204 с.

Эта книга о подвиге смоленских партизан и простых советских женщин Матрёны Исаевны Вольской, Варвары Сергеевны Поляковой и Екатерины Ивановны Громовой, которые в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов спасли 3225 детей с территории оккупированной Смоленской области.

Партизанская операция по спасению детей, которой руководила Матрёна Исаевна Вольская, стала самой масштабной за всю историю Великой Отечественной войны. Назвали ее – Операция "Дети".

Это рассказ о том, как новые поколения восстанавливают героические страницы нашей истории и помнят о тех, кто думал о будущем нашей Родины.

ББК
УДК

© Новиков Леонид Кондратьевич,
Дроздова Наталья Михайловна,
2022 год, с изменениями и
дополнениями.

МЫ – ПОМНИМ! МЫ – ГОРДИМСЯ!

С 23 июля по 14 августа 1942 года в годы Великой Отечественной войны прошла самая масштабная операция по спасению детей. Совместно со Ставкой Верховного главнокомандующего за один выход с территории оккупированной Смоленщины было спасено 3225 детей. Это подвиг трех простых советских женщин – Матрены Исаевны Вольской, Варвары Сергеевны Поляковой и Екатерины Ивановны Громовой, которые в годы войны были комсомолками-разведчицами Первой бригады партизанского соединения "Батя". 23 июля 1942 начался сбор детей в Духовщинском районе Смоленской области. 23 дня изнурительного перехода, длиною в 200 километров. 14 августа 1942 года поезд с 3225 детьми прибыл на перрон Горьковского железнодорожного вокзала. "Приняли от Вольской 3225 детей...". Матрена Исаевна Вольская после войны продолжила свою деятельность учительницей начальных классов в Смольковской средней школе Городецкого района.

Память о тех событиях мы храним и по сей день. В Нижегородской области в 2020-2021 учебном году проходила реализация областного патриотического проекта "Каждый шаг для ЖИЗНИ!". Это проект активистов детского движения и Российского движения школьников, в котором ребята принимали участие в тематических мероприятиях, посвященных изучению истории этого подвига. Одним из итоговых результатов реализации проекта является сборник тематических видеороликов. Мы рекомендуем вам посмотреть их и вместе с участниками съёмок пережить события того трагического и героического времени.

На одной из творческих тематических встреч в рамках областного патриотического проекта "Каждый шаг для ЖИЗНИ!" с автором книги "Операция "Дети" Дроздовой Натальей Михайловной прозвучала мысль об издании книги в новом формате для её распространения среди лидеров и активистов детского движения Нижегородской области,

учащихся школ, активистов военно-патриотических клубов и школьных музеев.

Общественная организация "Ассоциация детского движения Нижегородской области" совместно с Нижегородским областным Советом женщин – региональным отделением Всероссийской общественной неправительственной организации "Союз Женщин России", выступила с инициативой проведения областного патриотического проекта "Страницы памяти" и создания такой книги не только в твердом переплете и новом формате, но и в электронном варианте для того, чтобы с подвигом смоленских партизан: Никифора Захаровича Коляды, Матрены Исаевны Вольской, Варвары Сергеевны Поляковой и Екатерины Ивановны Громовой, с проведенной в годы Великой Отечественной войны Операции "Дети", с этой живой историей памяти могло познакомиться еще большее количество детей и подростков, учителей, педагогов. Всех, кто чтит память о подвиге наших предков и земляков.

Сейчас вы держите в руках книгу "Операция "Дети", в переиздании и перепечатке которой принимали участие более 50 активистов детского движения региона, активисты Российского движения школьников, лидеры областного актива детских и молодежных общественных организаций, а также активисты музея Смольковской средней школы Городецкого района, музея Средней школы №4 г.Бор, музея Школы №79 им.Н.А.Зайцева Сормовского района, г.Нижний Новгород, музея Городецкого Губернского колледжа, участники военно-патриотических клубов и движений Смоленской области. Это огромный труд во имя великого подвига! Для нас подвиг смоленских партизан и страницы этой книги – это живая история памяти, которую мы хранили, храним и будем хранить через поколения!

Мы – помним! Мы – гордимся!

От авторов и руководителей областных патриотических проектов "Каждый шаг для ЖИЗНИ!" и "Страница памяти"
В.А. Амосова, О.В. Чиркиной, Н.А. Тарасова

Книга издана при поддержке:

Плейлист тематических видеороликов по главам книги «Операция «Дети»»

Н.Н.Анищенков и Н.М.Дроздова на презентации книги об операции «Дети»

Сборник тематических видеороликов по главам книги «Операция «Дети»»

С ТЕРРИТОРИИ ОККУПИРОВАННОЙ СМОЛЕНЩИНЫ

3225

СПАСЁННЫХ
детей

МАТРЕНА ИСАЕВНА
ВОЛЬСКАЯ

23 ДНЯ

изнурительного
перехода

23 ИЮЛЯ - 14 АВГУСТА 1942 ГОДА

200

КИЛОМЕТРОВ
в пути

Торопец

Нелидово

Ильино

Белый

Королёвщина

Абрамовщина

Пречистое

Городец

Березуги

Аносинки

Слобода

Духовщина

Елисеевичи

МАРШРУТ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ДЕТЕЙ

К ЧИТАТЕЛЮ

(от авторов книги "Операция "Дети"

Л.К.Новикова и Н.М.Дроздовой)

Переход, о котором мы хотим рассказать, — лишь небольшой эпизод в истории Великой Отечественной войны. Тогда он воспринимался обычно.

Те, кто были его участниками, часто называют себя "смоленскими нижегородцами". Он начался 23 июля 1942 года в оккупированной Смоленщине и закончился 14 августа 1942 года на горьковской земле. Воспоминания его участников легли в основу этой книги. Они накапливались несколько лет. Один из авторов Л.К. Новиков — бывший партизан соединения "Батя" (Батя — Н.З. Коляда) вместе с красными следопытами школы № 4 г. Бор Горьковской области провел огромную работу по первому розыску участников перехода. Встречи со многими из них стали для ребят живым рассказом о войне. Обращение через газеты, телевидение ко всем, кто знал что-либо о переходе, расширяло границы поиска. Шли письма, а с ними — целые рассказы о пережитом. Накапливался материал, о котором необходимо было рассказать. Наконец, был найден человек, проделавший весь труднейший путь вместе с 3-тысячным ребячьим отрядом, — Матрена Исаевна Вольская. В годы войны — отважная разведчица в партизанском соединении "Батя", а после войны — учительница начальных классов Смольковской средней школы Городецкого района Горьковской области. Именно ей подпольным комитетом ВКП(б) Духовщинского района Смоленской области и штабом партизанского соединения "Батя" была поручена операция, получившая название "Дети".

Почти 50 лет отделяет нас от того момента, когда к перрону Московского вокзала подошел эшелон. Голодные, изможденные, но живые были доставлены в Горький ребята из Смоленщины. Задание, которое Матрена Исаевна Вольская получила в штабе партизанского соединения "Батя", было

выполнено. Три тысячи спасенных детей в скором времени работали и всеми силами приближали победу над врагом. Они, как и все, ждали Победу.

С того августовского утра 1942 года Матрена Исаевна Вольская ничего не знала о судьбе этих ребят. И лишь 30 лет спустя она встретилась с первыми пятнадцатью. В 1978 году ее не стало. Но поиск продолжался. В 1987 году группа велосипедистов, пройдя маршрутом 1942 года, внесла в списки найденных новые имена.

Все дальше от нас то суровое время. Но в памяти поколений должно остаться наше прошлое. Раскрой эту книгу, читатель! Прочти строки, посвященные твоим дедам, отцам и старшим братьям. И пусть никогда не повторится то, что пережили они.

ГЛАВА "ОККУПАЦИЯ"

Июнь сорок первого... Государственные экзамены в Дорогобужском педагогическом техникуме, где училась Мотя заочно, позади, осталось только получить документы. Стать учителем она решила давно и в техникуме училась с удовольствием. По окончании ее ждала работа, которую она любила, а главное, ждали ребята. И трудно сказать, кто кому был больше нужен — она детям или дети ей. Они не могли обходиться друг без друга.

Война ворвалась в жизнь, сломав все, о чем Мотя мечтала, думала. В коридорах техникума было беспокойно. Среди всеобщей сумятицы она вдруг увидела мужа.

— Миша!

— Я за тобой, Мотя! Доберемся быстро, у меня велосипед.

Весь двадцатикилометровый путь до Басина они проговорили без умолку. В ту летнюю июньскую ночь сорок первого года Мотя не могла и предположить, что год спустя, выполняя специальное задание, проделает путь, невероятный по своему замыслу. И ей придется отвечать не только за своих, басинских, ребят, но и за всю полуторатысячную армию, которую ей будет поручено вывести в тыл.

Враг рвался вглубь страны. Жители Басина с тревогой слушали по радио сводки Совинформбюро и читали газеты. 28 июня 1941 года "Правда" писала: "Война только начинается. Она, может быть, и не скоро закончится. Нам не вскружат голову удачи и победы в отдельных сражениях, нас не смутят и отдельные неудачи. Война, в которой участвуют миллионы, которую ведет великий народ, — это сложная, историческая борьба. Мы знаем одно: победа за нами.

Со стиснутыми зубами, собрав свою волю, с полным сознанием всех трудностей войны, мы будем готовить победу — готовить ежедневно, пока не сверкнет последний сокрушительный удар над германским фашизмом — злейшим врагом нашей страны и всего человечества".

Коммунистическая партия поднимала весь советский народ на разгром вторгнувшегося врага.

Когда фронт начал приближаться к Басино, Мотя вместе с ребятами ходила рыть окопы, противотанковые рвы в районе деревни, работала в колхозе на прополке льна, на косовице и уборке сена. Работали до изнеможения, знали, что это нужно Родине, фронту.

15 июля 1941 года над работавшими школьниками и взрослыми закружили немецкие самолеты, на бреющем полете строча из пулеметов. Вскоре появились бомбардировщики, ребята насчитали их больше сорока. Они сбросили свой груз на районный центр Духовщину. Это примерно в тридцати километрах от Басина. Зарево пожара на десятки километров освещало округу. В этот день уставшие, опустошенные вернулись в Басино. И вдруг вбегают мальчишка:

— Матрена Исаевна, Михаил Архипович! Немцы на большаке Смоленск — Демидов!

— Не может быть, — заволновалась Мотя. — Ведь только вчера слышали, что бои идут на Витебском направлении! Надо проверить самим!

И Миша вместе с учителем Варнавом Петровичем Лозовским, вооружившись биноклем, отправились в Сергиевский лес, откуда хорошо просматривался большак. Мотя, собрав у школы ребят, объяснила им, как надо вести себя в случае прихода немцев. Немцев еще никто из них не видел, представляли только по газетам и радиопередачам. Но главное, на что обратила внимание Мотя, — остерегаться, избегать фашистов, не попадаться им на глаза.

Наблюдая за большаком, Миша и Варнав Петрович видели, как сплошным потоком идут немецкие танки, артиллерия, мотопехота. Потом, когда они собрались вместе и обсуждали, что делать, и возникло решение: надо затаиться и вооружаться.

— Надо беречь детей. В лесу полно мин, снарядов, — сказала тогда Мотя.

— Верно, — подхватил Варнав Петрович. — Пусть о найденном оружии ребята рассказывают тебе, Мотя. Но к сбору и хранению их привлекать не стоит. Мало ли что может случиться. Пусть они считают, что мы его уничтожаем.

Вскоре мальчишки узнали, что в Никуленке, в четырех километрах от Басино, после отступления с боями нашей крупной войсковой части можно найти оружие. В тот раз Миша и Лозовский подобрали семь винтовок с отбитыми прикладами, станковый пулемет "максим" без замка. Принесли их ночью в деревню и спрятали. Пулемет опустили в заброшенный колодец, привязав его на веревке, а винтовки спрятали под штабеля досок у школы. Потом в колодце Миша сделал небольшую лесенку, а чтобы никто не видел, даже мальчишки, Мотя сама его оберегала. Всеми средствами решили тогда бороться с фашистами.

Миша — он преподавал в школе физику и математику — смастерил детекторный приемник и все думал, где бы его спрятать понадежнее, соблюдая все меры предосторожности.

Как-то Вольского остановила Наталья Ивановна Матвеева:

— Поговорить надо, Михаил Архипович. Время суровое. Вместе работать надо.

Михаил взглянул на нее и улыбнулся:

— Ох, Наталья Ивановна, от вас не спрячешься.

— А ты что же хотел, в одиночку? Я ведь за тобой и Мотей вот уже неделю наблюдаю. Шушукаетесь, что-то прячете, в лес то и дело бегаете. Конспираторы!

Вольский хорошо знал характер директора школы Натальи Ивановны Матвеевой. И если подошла она к нему сейчас — значит, приняла решение.

— Все вместе с фашистами бороться будем.

Приемник-то смастерил?

— Ну и ну, Наталья Ивановна! Об этом только я да Мотя знаем.

— Я же говорю, что конспирации тоже учиться надо. Вот тебе задание: приемник перенеси на школьный чердак. Все сообщения записывай. Организуй комсомольцев

в помощь. Листовки сейчас очень нужны. Только будьте осторожны. Меня информируй через связных. Действуй!

Вольский примчался домой и с порога крикнул:

— Мотя, теперь мы действуем организованно! Наталья Ивановна поручение мне дала! Надо листовки печатать!

— Ты, Миша, юркий, смотри, что делают мальчишки, — и Мотя показала, как по углам деревянной школы, сделанной "в лапу", лазят кверху мальчишки. — Вот посмотри и поучись.

Вечером Миша пошел к школе и попробовал залезть под крышу. Не сразу получилось, оказалось трудно! Но до фронтона долез. А потом, натренировавшись, залезал не хуже любого мальчишки. Выпилил аккуратно фронтоновые доски, сделал крышку — лаз на хитром замочке, который мог открывать только он. И два раза в неделю слушал приемник. А потом Зина Лозовская, дочь учителя Варнава Петровича, Мотя, Толя Егоров, сын подпольщика Егора Константиновича Егорова, и Пантелей Михайлович Акимов всю ночь строчили на тетрадных листочках "Вести с Советской Родины". За ночь получалось пятьдесят—шестьдесят листовок. Первые весточки появились в двадцатых числах июля сорок первого года, с сообщением о жестоких боях на Смоленском направлении. И каждая листовка заканчивалась словами: "Смерть немецким оккупантам!" В эти дни на Смоленском направлении шли наступательные и оборонительные бои. Подпольщики сообщили в одной из листовок о героизме и мужестве советских войск в боях за Ярцево. Группа войск под командованием генерала К. К. Рокоссовского освободила этот город, и все попытки фашистских оккупантов вернуть его были безуспешными.

Враг в первых числах августа вынужден был временно отказаться от молниеносного захвата Москвы, а ведь до этого немцы кричали: "Москва капут!" Мотя, Зина, Толя выходили ночами, клали листовки в почтовые ящики, бросали в домики, где собирался народ на работу. Все подпольщики заметили, как деревня сразу повеселела. Утром они видели

посветлевшие лица, нередко улыбки. Подпольщики поняли — их дело нужное, важное. Все делали дружно. Разведку вестей в округе Матвеева поручила Моте и Зине. Они постоянно пропадали по деревням, узнавая обо всем. Однажды мальчишки принесли радиоприемник, который до прихода немцев был в отделении связи. Осмотрев его, Миша сказал:

— Во-первых, дорогие мои ученики, никому ни слова. Немцы за эту штуку по головке не поглядят. Я его уничтожу, но все равно — никому ни слова.

Ребята молчали, но они наверняка знали, что ничего подобного их учитель не сделает.

А Миша, как только приемник попал к нему в руки, наладил его и, настроившись на волну, умудрялся записывать сводки даже в темноте. Слышимость была отличная, не то что на самодельном. Подпольщики радовались, услышав о приезде в Москву личного представителя президента США Рузвельта Гарри Гопкинса. Хотелось верить, что и это поможет борьбе с фашистской Германией. Слышали они и о наступлении наших войск с целью разгромить духовщинскую и ельнинскую группировки противника. Они написали листовку по сводке Совинформбюро от 22 августа 1941 года о двухмесячных итогах войны между гитлеровской Германией и Советским Союзом: "В войне против Советского Союза германская армия чинит неслыханные в истории войн преступления: пытается и зверски избивает мирных раненых красноармейцев и командиров, истребляет тысячи пленных советских жителей, не останавливается перед массовыми убийствами женщин и детей, дотла разоряет советские села и города, занимается грабежом и мародерством, насилует женщин и девушек. Гитлеровские орды предстали перед всем миром в отвратительном виде убийц и грабителей. Все это даром гитлеровским бандитам не пройдет. За свои неслыханные кровавые преступления им придется ответить. И они поплатятся кровью за кровь, смертью за смерть!"

Группа сопротивления в Басино жила и не давала немцам покоя. В нее входили Пантелей Михайлович Акимов,

Варнав Петрович Лозовский, Егор Константинович Егоров, Михаил и Матрена Вольские, Наталья Ивановна Матвеева, которая являлась руководителем подпольной партизанской группы.

В Духовщинском районе, кроме Басинской, были созданы Преображенская, Озерецкая, Петрищевская подпольные партизанские группы, а также они возникли в Гришкове, Крапивне, Тикунах, Медведеве и других местах.

Организацией и созданием подпольных партизанских групп руководил Духовщинский подпольный райком партии и его секретарь Петр Феоктистович Цуранов. Уже 17 июля 1941 года основной актив района, в том числе руководители райкома ВКП(б), ушел в подполье. Сорок пять коммунистов и около двадцати комсомольцев было отобрано для подпольной работы. Заранее были определены явки, имелся радиоприемник для связи. Нужно было развернуть агитационную работу среди населения, поднять народ на борьбу против немцев, наладить связи с коммунистами и комсомольцами, оставшимися на территории района, а также создать партизанские отряды для борьбы с врагом. В одном из своих писем жене Петр Феоктистович Цуранов сообщал: "...первые недели и месяцы подпольной работы были очень тяжелыми. Отрядов у нас в районе около десятка. Не знаю точно, по сколько бойцов в каждом отряде, в моем отряде больше ста бойцов. Все замечательный, отборный народ. Жил в Федорове, Гришкове, Петрищеве, Басине. Ночевать приходилось в поле, в лесу... Партизаны неуловимы. Замечательно то, что все население горячо поддерживает нас, помогает нам и ненавидит фашистов... Оставшись в районе, я исходил и исползал его вдоль и поперек. Пообходил всех коммунистов. Организовывал их в подпольные партийно-партизанские группы..."

На Смоленской земле, в том числе и в Духовщинском районе, зарождалось и оформлялось партизанское движение. Райкомы партии, партийные и комсомольские организации действовали в глубоком подполье.

Как-то во второй половине августа сорок первого, когда Мотя с Мишей была дома, Миша вдруг заметил идущего по улице человека.

— Не может быть! Мотя, ты посмотри, кто по улице идет!

Мотя взглянула и увидела Цуранова.

— Петр Феоктистович здесь, у нас? Слушай, а может, ошиблись? Ведь у Цуранова не было этой бороды, да и с тросточкой он никогда не ходил.

— Эх, Мотя, ты что, забыла, время какое сейчас?! Да ему и нельзя не маскироваться, ведь первого секретаря, считай, вся Духовщина знает!

— И все же надо проверить! — и Мотя, сорвавшись с места, бросилась на улицу. Одумавшись, что своим видом может выдать Петра Феоктистовича, она прошла мимо, внимательно взглянув на деревенского гостя. Тот, видимо, признал ее, улыбнулся. И эта улыбка, и слегка рассеченная нижняя губа, и глаза добрые, с густой сеточкой морщинок сказали Моте все. В дом она влетела со словами:

— Он, точно он, Цуранов! Я его сразу узнала! Миша, беги к Матвеевой, он туда ушел. Уговори его, чтобы у нас жил. У Натальи Ивановны нельзя, у нас безопаснее — рядом волость, немецкое начальство, да и мы вне подозрений.

Пока Миша ходил, Мотя все уже обдумала. Прежде всего — конспирация. А для этого она предложила в чулане вырезать за печкой две половицы, прорыть под полом и под стеной дома запасной выход в коридор. Оттуда можно было незаметно проскочить в огород по замаскированной тропе. Сделали они это вдвоем с Мишей буквально на одном дыхании. Мишина мама удивлялась:

— Что это за гость такой, коли вы ему в чулане место готовите?

Вечером пришел Цуранов. Все осмотрел, даже пролез разок по тайному ходу и работу одобрил. Дом Вольских стал явочной квартирой. Всю ночь они не сомкнули глаз, говорили, говорили:

— У нас с вами речь пойдет, — заметил Цуранов, — об установлении связи с партизанскими подпольными группами в Озерках, Преображенском, Петрищеве, Гришкове, Тикунах, Медведеве. Пора переходить к активным действиям: подрывать мосты, резать связь, налаживать разведку, иметь точную информацию обо всем, что происходит в районе. А вы молодцы. О ваших листовках наслышан. Но будьте осторожны. Конспирация в нашей работе — первейшее дело. И знайте, вы правая рука райкома во главе с членом райкома Матвеевой.

Все, что касалось налаживания связей с партизанскими группами и подпольем других сел, Петр Феоктистович поручил Моте. Не раз потом она выполняла и специальные поручения Цуранова, о которых даже Миша не знал. Весь инструктаж она получала от секретаря райкома, он был ее руководителем и наставником. Как-то он сказал Вольскому:

— Ты уж, Михаил Архипович, не обижайся на наши с Мотей секреты. У тебя своих дел полно, а потому в наши тебя не посвящаю. Все собранные материалы Мотя будет передавать мне лично.

Оба Вольских это хорошо усвоили. Как-то немцы пригласили в Петрищеве учителей и повели разговор об открытии школ в деревнях Петрищевского и Басинского сельсоветов. Все учителя возмутились. А когда о предложении немцев Мотя доложила Цуранову, он сказал:

— Вот вам-то и надо поработать, Матрена Исаевна. Вы для немцев женщина тихая, смиренная. Михаилу Архиповичу не надо, его и так знают, хватит с него!

"Хватит с него" — эти слова вновь напомнили Мише о недавно пережитом. Ведь за два года до войны он числился "врагом народа". Как-то на одной из политинформаций в школе он назвал ведущей силой февральской революции 1917 г. буржуазию. Информация была тут же доведена "до сведения", и как итог - исключение из комсомола, лишение возможности работать. Тогда пришлось уехать из родных мест, чтобы как-то прокормиться. Как он успел избежать

ареста и ссылки в лагерь — счастливая случайность. Несколько лет унижительной жизни, словно ты есть и тебя нет... И лишь в 1939-м, когда прошла волна бериевских временных послаблений, он смог восстановиться в комсомоле, вернуться к своей работе.

Вера в то, что была совершена чудовищная ошибка, а сам он был несправедливо оклеветан, оставалась еще долго. Лишь через много-много лет придет к нему осознание того зла и беды, которое осуществлял над его народом человек, с чьим именем они всю войну шли в бой. Но это было потом, после войны, а сейчас...

Негодование Миши не было границ:

— Это моя жена у фашистов работать будет? Нет!

— Вы поймите, ваш дом не должен вызывать у немцев ни малейшего подозрения, — убеждал Цуранов. — Не сердитесь на нее. Считайте, что это мое поручение.

Со школами у немцев ничего не вышло, а вот с ребятами Мотя в селах и деревнях встречалась постоянно. Они были ее настоящими друзьями и помощниками. От них узнавала все последние известия в округе. Мальчишки и девочки были наблюдательны, отчаянно смелы. Мотя страшно боялась за них. Но информация для Цуранова у нее всегда была свежая, как говорится, из первых уст. Выслушивая донесения Моти, Петр Феоктистович улыбался и говорил:

— Словно ясный месяц посветил!

Позднее он и придумал ей кличку Месяц.

Постепенно устанавливались связи с партизанами: сначала с Гришковским партизанским отрядом Сергеича (отряд Александра Сергеевича Туровского), потом с отрядом Федора Апретова, лейтенанта Красной Армии. Отряд находился в районе деревни Городище.

Эти партизанские отряды возникли по инициативе бойцов и командиров Красной Армии, оказавшихся в окружении.

Ходила Мотя много, наверно, легче было сказать, где она не бывала. Возникали и трудные положения. Выкручиваться приходилось не раз. Однажды шла из

разведки из Загусинья в Федяево. Неожиданно из-за мельницы появился полицай:

— А ну, красавица, пропуск! — и приставил штык ей к боку.

Стараясь не выдать волнения, Мотя в тон ему сказала, заметив, что тот подслеповат, а очки у него сползли:

— Ты что, Василий, сестру не узнаешь? — а сама тем временем по мосточкам, по мосточкам двигалась к мельнице.

— А ну, стой! Стой, тебе говорят! Сестренка отыскалась? Какой я тебе братец? Какой Вася?

— Неужто обозналась? Ай, батюшки! — и Мотя изо всех сил толкнула его в речку.

Пока полицай барахтался в воде, Мотин след простыл.

Критическая ситуация возникла как-то и в Басино. И тогда показалось, что все хорошо налаженное дело пойдет прахом. В Басино понаехало полно немцев. Неожиданно пошел сильный дождь. Немцы повыскакивали из школы, где остановились, и начали таскать доски из штабеля, чтобы укрыть что-то в машинах. А в штабеле были спрятаны винтовки. "Что делать? Обнаружат, сразу поймут, чьих это рук дело". Сними немцы еще несколько досок, и... Но дождь внезапно кончился.

Зимой, в феврале 1942 года, от детей волостного старшины Мотя Вольская узнала, что он составляет списки, в которые все записывает что-то, скрывая даже от семьи.

— Матрена Исаевна, а мы в этих списках видели вашу фамилию и Лозовских, зачем он это делает?" — спросили ребята. Мотя и виду не подавала, что догадалась о замысле волостного, только сказала:

— Немцы, наверное, требуют списки учителей для школ, которые хотят открыть. Волостной и старается, чтобы никого не забыть. А сама об этом рассказала подпольщикам. И был разработан план. Немцы и полицай устраивали банкет по какому-то поводу. Они перепились, оставили волость без часового. Миша с Лозовским подобрали ключи, открыли ящики и нашли те самые списки. Они уже были подписаны волостным старостой и готовы к отправке в демидовскую

администрацию. Изъяв их, все снова закрыли и вернулись домой. В списках оказалась вся подпольная группа, но фамилии Цуранова не было, значит, о нем никто и ничего не знал. Это было хорошо, но над подпольем нависла угроза. Правда, отряд Туровского вскоре сжег волость в Чижеве, и там сгорели не только приготовленные списки, но и все, что было награблено у населения, предназначенное немцам. Немецкие оккупационные власти запугивали население. На улицах были расклеены объявления немецко-фашистской полевой комендатуры с угрозой расстрела за саботаж и несоблюдение оккупационного режима:

"1. Кто будет захвачен в повреждении телефонных проводов или других военных приборов — будет расстрелян.

2. За хранение оружия военного, а также охотничьего, амуниции, всякого рода радиоаппаратов — подлежит расстрелу. Все вышеупомянутые предметы должны быть немедленно сданы местному немецкому коменданту. Склады оружия, снарядов, а также минные поля должны быть немедленно донесены. За такое донесение будут выдаваться награды.

3. О людях, не принадлежащих деревне или селу, а также о бывших красноармейцах должно

быть немедленно донесено, кто этого не сделает и будет скрывать — будет расстрелян.

4. Кто имеет сведения о партизанах — должен сделать донесение немецкой власти.

Поддержка и помощь партизанам будет наказываться виселицей.

5. Покидать места жительства воспрещается, кто будет на дороге или в лесах встречен — будет расстрелян.

6. При наступлении темноты до рассвета воспрещается покидать свои жилища.

Помогайте немецким войскам, и вам будет лучше житься!

Командующий германскими войсками".

Подпольщики соблюдали строгую конспирацию, чтобы не попасть в руки врагам. Ведь уже были случаи, что в районе несколько товарищей погибло.

И когда Цуранов порой у ходил от Вольских на сутки, а то и больше, он особенно тщательно анализировал каждую ситуацию, проверял весь путь, отправляя Мотю и заставши ее докладывать обо всем. — "В нашем деле мелочей быть не должно", — часто говорил он. Потом, когда Цуранов ушел от Вольских, эти советы, наставления Мотя не раз вспоминала.

В январе 1942 года Красная Армия разгромила немецкие армии под Москвой. Эта победа укрепила веру советских людей в успех борьбы, в окончательную и полную победу над фашистской Германией. Она еще больше укрепила готовность советских людей довести начатое дело до конца. Победа под Москвой явилась стимулирующим фактором в процессе развития и становления партизанского движения на Смоленщине. Партизанские отряды перешли от мелких операций к решению сложных задач: уничтожали вражеские гарнизоны, восстанавливали Советскую власть, проводили диверсии на вражеских коммуникациях.

К этому времени басинское подполье уже обрело крылья, были налажены связи, выполнялись конкретные задания. Подпольщики помогали красноармейцам и командирам нашей армии: доставали им хлеб, одежду, выводили в безопасную зону. Все чаще Вольские стали думать о том, чтобы тоже уйти в партизанский отряд. Но их очень тревожила судьба племянников Тани и Вани. Ведь под расстрел первыми стали попадать именно партизанские семьи. А остальные ребята? Их ученики, басинские мальчишки, девчонки?! Командир Красной Армии Поликарп Степанович, которого они укрывали, агитировал их уйти через линию фронта вместе с большой группой красноармейцев. Но одна мысль, что ребята останутся здесь одни, не давала Моте права даже подумать об этом. Все чаще стали доходить слухи о зверствах фашистов над детьми. В Петрищеве расстреляли четырех мальчишек: Петю Обручева — 12 лет, Толю Забавкина — 15 лет, Мишу Москалева и

Сережу Тупиченко — 14 лет за то, что они отказались рассказать о своих родных, ушедших в партизаны.

Мальчишки и девчонки военного времени не смогли скрыть свою ненависть к фашистам. Она была не только в словах, которыми они пользовались, не имея другого оружия, но и в глазах. И немцы это видели. Соппротивление детей вызывало у них особую ярость. В партизанские отряды то и дело поступали страшные вести: "В деревне Бурцево Духовщинского района фашисты собрали всех мальчишек-подростков, выстроили и тут же расстреляли. Основание — отказ мальчишек выполнять их приказы. Спасся только Миша Бабишкин, которого мать переодела в девчоночье платье".

Подпольщики все чаще стали говорить о том, как отвести беду от ребят.

— Ну как их удержишь? Мальчишек особенно?! — спрашивал Лозовский. — Им на все немецкие приказы наплевать! Ничего не боятся! Вы слышали, что они придумали? — И рассказал: — Мальчишки из Булгакова нашли винтовку, наган. А патронов нет. Но пострелять-то охота. Вот они и решили автоматные патроны переделать на наганные.

— Это как же? — удивилась Мотя.

— А вот как. Из автоматного патрона пульку вынут, порох высыпят и под напором воды, как поршнем выдавливают пистон. Потом пистон вставляют в гильзу наганного патрона, добавляют пороху, при этом пульку стачивают до нужных размеров и патрон готов!

— Ну изобретатели!

— Эти изобретатели учились стрелять рядом с деревней, а в ней — немцы!

— Уж не рук ли Петра Антонова это дело?

— Его!

— Смелый мальчишка! Все в партизаны рвется. Ох боюсь я! Их в Булгакове целая группа, как бы беды не вышло!

Мотя не случайно опасалась. Как говорят, в деревне шила в мешке не утаишь. Что у мальчишек есть оружие, кто-то, видимо, узнал. Однажды Пете, когда он вернулся домой после очередного сбора патронов, соседи сказали, что мать вызвали в полицию. Он тут же выскочил на улицу и увидел идущую с полицаем мать.

— Сынок, какое у тебя ружье? Отдай! — запричитала она.

Полицай, не говоря ни слова, схватил Петю и поволок. Со слезами бежала за ними мать, голося на всю деревню:

— Сыночек, отдай ружье, они убьют тебя!

Петю приволокли к бывшему сельсовету и поставили к стенке. Немец, стоявший напротив, взвел затвор. Мать бросилась на колени перед немцем.

— Мамка! Мамка! Не смей перед ними стоять — закричал Петя.

Именно в этот момент прибежал на выручку отец Петиного дружка Васи Белоусова.

— Не троньте Антонова, вот вам ружье! — и бросил винтовку.

"Винтовку-то принес, а затвор-то спрятал, — додумал Петя. — Ох хитер дядя!"

Только дома, увидев трясущуюся мать, понял всю серьезность происшедшего. Но не испугался, а решил помогать партизанам, а потом проситься в отряд.

— Нет, если уходить в лес и бить фашистов, то в наших краях, чтобы в любую минуту мы смогли прийти на помощь ребятам, — говорила на очередной встрече подпольной группы Мотя.

И вот решение принято. В феврале 1942 года почти в полном составе знакомыми тропами пришли басинские подпольщики в Гришково, в отряд Сергеича — Александра Сергеевича Туровского, который был командиром отряда.

В конце февраля 1942 года отряд Туровского выехал из Гришково и вел активные действия против фашистов. В ночь на 8 марта в бою в деревне Воскресенское были ранены

А. С. Туровский и Г.З. Соколов. Командиром отряда стал А. Е. Соколов, комиссаром П. Ф. Цуранов. Басинцы радовались, снова они вместе с Петром Феокистовичем, только теперь уже в партизанском отряде с оружием в руках, будут защищать свою Смоленщину.

ГЛАВА "БАТЯ"

В марте — апреле 1942 года, кроме Дорогобужского и Вадинского на юго-востоке, на северо-западе возникает Северо-Западный партизанский край, который удерживали партизанское соединение "Батя", полки С.В. Гришина, И.Ф. Садчикова и другие отряды.

Партизанские действовали под руководством Смоленского обкома ВКП(б) и подпольных райкомов партии, активно взаимодействовали с 4-й ударной и 41-й армиями, вышедшими в результате зимнего наступления на рубеж Велиж — Слобода — Демидов — Белый. На стыке Западного и Калининского фронтов был создан обширный партизанский край, занимавший восемь районов Северо-Запада Смоленщины. Освобождено свыше четырехсот населенных пунктов. И все это в тылу вражеских армий "Центр". После войны генерал-полковник гитлеровской армии Л. Рендулич вынужден был признать: "Весной 1942 года они (партизаны. — Л.Н., Н.Д.) уже представляли серьезную опасность для тыловых коммуникаций немецкой армии, поэтому для решительной борьбы с ними немецкому командованию приходилось стягивать в уже оккупированные районы большие силы..."

Ежедневно партизаны выводили из строя дороги, телефонную связь, взрывали мосты, склады с оружием и боеприпасами, уничтожали живую силу. Во что бы то ни стало немцам надо было ликвидировать эту брешь. Ведь партизанский край находился в тридцати-пятидесяти километрах от линии фронта, и через узкую горловину разрыв между фашистскими армиями, партизаны получали боеприпасы, переправляли в тыл семьи коммунистов, партизан, командиров красноармейцев. Партизанское соединение под командованием Бати переходило к крупным операциям по освобождению всей территории северо-запада Смоленской области. Так, в сводке Совинформбюро от 3 апреля 1942 года сообщалось: "Партизанские отряды Бати,

действующие в районах Смоленской области, наносят большой урон немецко-фашистским захватчикам. За время боевой деятельности партизаны истребили свыше 500 немецких оккупантов, взяли в плен 20 солдат и 2 офицера. Уничтожено три вражеских танка, 2 трактора-тягача, 120 автомашин и 300 подвод с боеприпасами и военными грузами, взорвано 36 мостов и сняты десятки километров телефонного провода. Отряды партизан захватили противника 2 миномета, 120 винтовок, 25 автоматов, десятки тысяч патронов.

За последний месяц партизаны освободили от гитлеровцев много сел и деревень. Недавно партизанские отряды Бати передали частям Красной Армии подарок от колхозников: 250 тонн муки и зерна, мяса, крупы и других продуктов".

Встретиться с Батей Михаилу Вольскому помог пулемет "максим", который он нашел в лесу в первые дни войны, а затем принес в отряд. Искал замок к "максиму", но безуспешно.

— Эх, какой пулемет пропадает, — не раз вздыхал Вольский.

— Слушай, — сказал ему как-то Туровский, услышав очередной вздох. — Встретиться бы тебе с Батей, объяснить, в чем дело, может, найдет он замок для твоего пулемета?

Миша так и сделал. С запиской от Туровского приехал за патронами для отряда в Корево, где находился партизанский штаб. В штабе Бати не оказалось. Велели искать по приметам: лет пятидесяти, невысокого роста, с руслановской бородой. Встретился с ним на улице, узнал, подал записку. Распоряжение о выдаче патронов Батя дал сразу. Миша решил спросить о замке.

— Это зачем? — поинтересовался Батя.

Вольский объяснил. Батя улыбнулся:

— Это хорошо, что в отряд пришел не с пустыми руками! Придется помочь. Но смотри, не подведи меня. Бей из этого "максима" так, чтобы фашистам жарко было! А сам-

то откуда? Они присели, Миша рассказал о своей деревне семье, о подполье.

— Значит, в отряде Туровского есть партизанская семья?! Мы сейчас начинаем работу по спасению семей партизан, партийного и комсомольского актива.

— А с ребятами что делать? — не удержался Вольский.

— Это, пожалуй, самый трудный вопрос. Но мы думаем об этом вместе с комсомолом. Ты сам-то комсомолец? Возможно, еще пригодится ваш с женой учительский опыт, — Батя посмотрел куда-то вдаль и горько вздохнул: — У меня ведь тоже двое ребят эвакуированы, а куда — до сих пор не знаю. Ребят спасти надо. И чем быстрее, тем лучше для них.

Они распрощались. Михаил смотрел вслед человеку, чье имя было сейчас у всех партизан на устах.

Кто же он, этот легендарный человек, за чью голову немцы сулили немалые деньги?

В день начала войны он сразу написал заявление: "Прошу направить..." Кратко сообщил, что имеет опыт гражданской войны, опыт партизанской и подпольной работы, а поэтому просит использовать его на работе в тылу гитлеровской армии. Размашисто расписался — Коляда.

Никифор Захарович Коляда (Батя) родился в крестьянской семье в 1891 году в деревне Костево, что рядом с г. Валки Харьковской области. Семье жилось нелегко, но отец мечтал обучить грамоте хотя бы одного из сыновей. Никифор был способным учеником. Закончено городское училище. Что дальше?

В далеком Харбине работает телеграфистом брат. И Никифор отправляется к нему, устраивается рабочим. В 1911 году, когда он возвращается на родину, его призывают в армию. 3 года службы и война. Его повышают в звании, награждают орденами.

Он проходит первую мировую войну от начала до конца. В июне 1917 года он, боевой офицер, становится председателем полкового комитета, а через полгода —

членом Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Валки.

Как плотно спрессовывает короткая автобиографическая справка целую человеческую жизнь!

И как за сухими цифрами годов высветить то, что было радостью, страданием, бурей чувств, словом, тем, что зовется жизнью? А ведь это была его, Никифора Коляды, жизнь. Она вобрала в себя все самые светлые и самые трагичные моменты истории страны. Он все время жил с революцией.

Март 1919-го. Коляда — командир партизанских отрядов в Подолии. 1920 год — он вступает в партию. Начинается японская интервенция, и Коляда уже на Дальнем Востоке — член Военного совета партизанских отрядов. Воюет бок о бок с Блюхером и Постышевым.

После гражданской он — студент Дальневосточного университета. Ему уже 34 года. В дипломе отмечено хорошее знание английского и китайского языков. А вскоре — Москва. Работу предлагают непривычную: коммерсант. Страна активно строилась, необходима валюта. Наш лес можно хорошо продавать за рубежом. Никифор Захарович "осваивает" коммерческое дело, колесит по всей стране, отбирая древесину на экспорт. В Москве семья, подрастают дети...

Его заявление на фронт было принято, и уже 7 июля 1941 года ЦК партии командирует его на Смоленщину для организации партизанского движения в тылу врага.

9 июля вместе с Л.В. Громовым, С.А. Вильдманом, К.П. Молчановым он прибывает в разрушенный, но еще отважно защищающийся Смоленск.

13 июля Смоленский обком партии сформировал партизанский отряд № 1 северо-западных районов области. Его командиром утверждается Н.З Коляда.

Когда он получил кличку "Батя", сейчас трудно сказать. Но брошенная один раз, она навсегда прикрепилась к нему, и без нее невозможно было представить командира. В кличке было все — и уважение, и некоторая боязнь (строг был, но справедлив), и любовь к человеку, для которого каждый

партизан был так же дорог, как самые близкие ему люди. А тут еще и внешность помогла: борода, шевелюра с проседью, словом, Батя и все.

Всего один месяц, как он на смоленской земле. Но уже 26 июля 1941 года в донесении генерала М.Ф. Лукина, командира 16-й армии, указывалось, что огромную помощь Красной Армии начали оказывать партизаны, умело сочетая свои действия с действиями войск, проявляя героизм, мужество. И в этом — заслуга командира партизан Н.З. Коляды (Бати).

На карте район действия партизанского соединения Бати огромен — более 3 тысяч квадратных километров. И можно было понять немцев — как мешали партизаны продуманным действиям армии. К лету 1942 года под командованием Бати было уже 10 партизанских отрядов, свыше 5 тысяч бойцов. Вторая армия в тылу врага! И какая армия — неуловимая, осторожная, имеющая свою агентуру в каждом населенном пункте! За год своего существования соединение освободило более 240 населенных пунктов, восстановило Советскую власть в Слободском, Демидовском, Духовщинском, Пречистенском и других районах Смоленской области.

Из докладов Бати в "Центр": с 1 марта по 30 июня 1942 года "произведено 205 операций, в результате которых убито 2353 солдата, в том числе 20 офицеров, 337 полицейских... Взято в плен 98 солдат и офицеров, 25 полицейских.

Уничтожено и взорвано мостов — 93, спущено под откос 6 поездов на железной дороге Смоленск — Ярцево и Смоленск — Рудня".

Освобождая занятые немцами территории, Батя осуществлял на них в своем лице всю полноту гражданской и военной власти. Сколько ни знало его людей, для всех он был воплощением чести, совести, справедливости. Вот почему все — и партизаны и местные жители ласково называли его "наш Батя". В 1942 году слава его была так велика, что в мае в посольстве Великобритании в Москве от имени короля Генриха IV ему был вручен кортик, которым награждались

только высшие военачальники. В июне 1942 года Батю награждают орденом Ленина.

Но, как и тысячам его соотечественников, Никифору Захаровичу Коляде довелось испить горькую чашу страданий и унижения. Это произошло вскоре после награждения, в зените славы партизанского соединения Бати, когда Н.З. Коляда работал над созданием партизанской дивизии. Репрессия перечеркнула всю прошлую жизнь, оставив биться в немоте ответа один только вопрос: "За что?" Всего несколько месяцев оставалось до того страшного дня, к которому мы вернемся, а пока Батя оставался Батей и все от мала до велика помогали ему, а значит, и всем партизанам.

ГЛАВА "ЛУЧШЕ ВАС НИКТО НЕ СПРАВИТСЯ"

Первыми помощниками партизан были подростки. Мальчишки и девчонки рвались в бой, потому что рядом был враг, принесший в их дом горе, смерть близких, издевательства и унижение. И как ни старались ограждать партизаны их от боевых операций, они не желали сидеть в тылу. Участвовали они и в совместной операции отрядов Апретова и Соколова против немецкого гарнизона у деревни Закуп 25 марта 1942 года. Операцией непосредственно руководил Никифор Захарович Коляда.

Илюшку Терентьева в шутку называли Ильей Васильевичем. Белобрысый, худой, нескладный, он очень хотел походить на взрослого партизана. Даже курить как-то взялся, да Мотя вовремя заметила:

— Эх, дурачок, да неужели с этого настоящим партизаном станешь? Смотри, весь от кашля зашелся! Увижу еще, ни в одной операции участвовать не будешь!

А для мальчишки это хуже любого наказания. Слово свое он сдержал, и его взяли возницей. Он сидел в широких розвальнях рядом с Акимовым, которого все прозвали за доброту Шабром, и с удовольствием прислушивался к той веселой перебранке, которая происходила между Акимовым и партизанами. Акимов добродушно отшучивался. Пантелей Михайлович прекрасно понимал, как необходима сейчас партизанам эта словесная разрядка. Они ехали на ответственное задание. Разговаривая, он все время поглядывал в ночную темень. И хоть вряд ли в распутицу да ночью немцы полезут, но надо быть настороже, особенно когда ты — старшой. Он не раз оглядывался в сторону, где сидела Мотя. Женщинам в отряде куда трудней, чем мужчинам. И поэтому он часто говорил Вольскому, чтобы тот не отпускал ее от себя. Знал он Мотю по подполью в Васино, знал ее горячность, беспокоился за нее.

— Была бы моя власть, ни одной бабы не взял бы в отряд, — пошутил Акимов.

— Вашу точку зрения, Пантелей Михайлович, я давно знаю, — перешла Мотя на официальный тон.

Все прислушивались к этой беззлобной перепалке друзей, которые в любую минуту встанут на защиту друг друга. Илюшка Терентьев понял, что настал его черед:

— А мне чего сейчас вспомнилось! Вот по этой дороге мы с отцом в тридцатые годы на базар в Духовщину ездили. Боялся я — страсть! Зароюсь головой в сено и дрожу. Отец мне рассказывал, что здесь банды хозяйничали: убивали, грабили. Правда, нападали чаще на нэпманов и спекулянтов.

— А мы в прошлом году здесь с ребятами столько оружия подобрали: винтовки, патроны, — добавила Мотя.

Все замолчали, зарывшись носами в жесткие воротники. Ночная туманная изморозь давала о себе знать. Взвод партизан во главе с Богдановичем ехал к деревне Закуп. По данным разведки, там вчера видели немцев.

Батя предположил, что фашисты захотят обойти главные силы партизан во главе со штабом, ведущие бой западнее Духовщины. Они наверняка попытаются ударить в обход, с тыла, с севера. Задача группы Богдановича — помешать карателям.

Миновав лесок, развальни выехали на поляну. Впереди, километрах двух, темнело деревенька. Вернулся разведчик — в деревне пусто, все жители куда-то подевались, осталось только несколько старух. В одной избе оставили Богдановича, так как он незадолго до этого попал под бомбежку — как он сам выразился, "стукнуло по хребтине", — и у него болела спина. Остальные быстро заняли исходные позиции. Михаил Вольский расположился со своим пулемётом снежные траншеи, на бруствер которой затащил "максим", замаскировал его. Спрятались и остальные.

— "Молодцы всё-таки ребята", — подумала Мотя, оглядываясь на вырытые в плотном осевшем снегу траншеи, ходы сообщения, бойницы.

— За каких-то два часа успели. Без лопат, досками да фанерой и часок на сон прихватили! — Доложила связная

Вольская Богдановичу. Анатолий Григорьевич, лёжа в избе, через Мотю отдавал распоряжения.

Стояла утренняя тишина. Вдали рассеивалась дымка изморози. Михаил напряжен на всматривался вдаль, и вдруг увидим и повозки горизонту снег словно заволновался. "Что такое? Спокойно, без паники!" - убеждает себя Вольский и снова внимательно всматривается. И вот уже в розовых отблесках зари видны колонны люди в белых маскхалатах. Михаил оглянулся, все заняли позиции. В среднем окопчике Мотя, рядом с ней Илюшка Терентьев Иван Дмитриев. С другой стороны Матвеев. Стрелять рано, надо было подпустить немцев поближе.

Колонны ничего не подозревавших фашистов все ближе и ближе к линии засады. Первая колонна уже в метрах ста пятидесяти. Сзади ещё две, человек по сто.

— Смотри, шепнул Вольский Матвееву, — двое-то впереди в гражданском. Проводники, предатели.

— Ты режь по колонне, а я вот того фрица возьму, офицера.

— Командир приказал стоять, без приказа не отходить! - передала по цепи Вольская.

И когда до засады оставалось метров семьдесят, мартовское утро разрежала длинная пулеметная очередь. А потом "заговорили" и остальные пулемёты, автоматы, винтовки. Прошло несколько минут, пока фашисты опомнились. Все плотней рой пуль над партизанскими брустверами. Вдруг замолчал "максим", Матвеев тяжело сполз по мокрому снегу. Вольский бросился к нему. Алел снег вокруг от брызжущей изо рта крови.

— Мотя! Мотя! Сюда!

Но было уже поздно.

— Почему не стреляете? — крикнула Мотя и, увидев убитого Матвеева, скомандовала: — Огонь! Огонь!

Несколько минут замешательства было достаточно, чтобы немцы повели прицельный огонь, а кое-где перешли в контратаку. Вольский начал бить короткими очередями.

"Максим" работал безотказно, но это была уже последняя лента.

— Мотя! За патронами! Быстро!

Мотя бросилась за угол дома. Матвеев убит, патронов Мише никто, кроме нее, не принесет. Только она успела повернуть за дом, как услышала крик:

— Ребята! Немцы с фланга! Надо уходить! Командира спасайте!

— Назад! Без приказа не отходить! Застрелю каждого, кто струсит! — Вольская под градом пуль молниеносно оказалась среди бойцов. — Миша, пулемет на фланг!

Услышав, что перестрелка началась уже на левом фланге, Вольский понял, что Мотя права. Ухватившись за ледяные, скользкие дужки пулемета, он стал отползать назад. Ему казалось, что он все делает плохо, медленно, долго. Прополз до угла деревянного хлева и, развернув пулемет, резанул по фашистам, которые были уже рядом. Но пулемет захлебнулся. Кончились патроны. На крайний случай каждый имел по две гранаты. "Кажется, этот случай наступил", — подумал Михаил и одну за другой бросил гранаты. И вдруг услышал сзади:

— Миша! Это я!

Вся в грязи, взмокшая, подползла Мотя и бросила коробки лент. А за нею с криками "ура!" заняли круговую оборону партизаны. Мотя никак не может отдышаться. Кажется, все силы ушли на то, чтобы дотащить патроны и на этом фланге поднять ребят в атаку.

"Но почему не стреляет Миша?" — Мотя подняла голову. Весь рот у Михаила в крови.

— Ранен? — чуть не кричит Мотя.

— Руки! — отвечает Миша и беспомощно разводит ими.

Мотя поняла все. Он не может открыть защелку у коробки: руки застыли. Попытался зубами...

— Держи варежки, растирай! Растирай!

А сама, открыв коробку, зарядив пулемет, оттолкнула Михаила и глянула в прицельную раму. Она так увлеклась

охотой за барахтавшимися в снегу фашистами, что не сразу расслышала слова, обращенные к ней:

— Молодец, связная, спасла положение!

А через несколько минут, когда немцы отошли, прозвучала команда:

— Занять оборону!

Она узнала голос командира Богдановича.

"Не выдержал, пришел! Как только боль-то свою одолел!" — подумала Мотя.

— Задачу мы выполнили, больше сотни фашистов уложили, а остальные не сунутся! Будем ждать наших! — сказал Богданович. — Спасибо, Вольская! Здорово выручила.

И тут все увидели бегущих с фланга партизан. Громкое "ура" заполнило округу. Гитлеровцы были разбиты. Они потеряли убитыми свыше 100 солдат, партизаны захватили оружие и боеприпасы. Это была настоящая победа Первого партизанского батальона Апретова, сформированного всего несколько дней назад. Но в этом бою погибли Матвеев, Илюшка Терентьев и Ваня Новиков. Для Илюшки и Вани это был первый и последний в жизни бой. Совсем мальчишки. О них потом часто вспоминала Мотя. Смерть подростков всегда вызывала у нее протест своей страшной несправедливостью.

Жизнь в партизанском крае налаживалась. Только на территории Духовщинского района Советская власть была восстановлена в шестнадцати сельских Советах из двадцати пяти. 1 мая 1942 года райком партии вышел из подполья. Такая картина наблюдалась и в других районах Смоленской области.

Партизанский батальон Апретова, где воевали Вольские, 1 мая 1942 года был переформирован в Первую смоленскую партизанскую бригаду, командиром ее остался Апретов, комиссаром утвердили А. Г. Богдановича. В бригаде установилась тесная связь со Смоленским обкомом партии. В отрядах часто бывали представители ЦК ВЛКСМ, обкома партии и обкома комсомола. Они помогали налаживать

партийно-политическую работу среди партизан и местного населения.

Летом 1942 года партизанское соединение "Батя" обороняло каждый населенный пункт, дралось за каждый рубеж. Шли напряженные бои.

Местное население пополняло ряды партизан и рейдирующих частей Красной Армии, снабжало их продуктами и одеждой.

Люди жили по советским законам, восстанавливали колхозы, организовывались коллективы художественной самодеятельности для обслуживания трудящихся района и партизанских отрядов, работали больницы, открывались школы. 30 июня 1942 года Духовщинский райком ВКП(б) и исполком районного Совета депутатов трудящихся постановили провести в партизанском крае набор молодежи и отправку ее в советский тыл для обучения в школах ФЗО и ремесленных училищах.

К июлю гитлеровское командование начало стягивать вокруг партизанского края силы. Фашисты жгли деревни и посеы, зверски уничтожали мирное население, не щадили стариков и детей. Детям угрожала опасность.

Из сообщений Совинформбюро узнавали партизаны о зверствах фашистов в Смоленской и других областях.

Утреннее сообщение Совинформбюро 1 марта 1942 года: "Жители села Потапово Смоленской области совместно с представителями Красной Армии составили акт о чудовищных преступлениях гитлеровских мерзавцев. В акте говорится: отступая, немцы согнали 47 жителей сел Дорохово и Потапово в 2 дома, заперли их, а под дома заложили мины замедленного действия. Через несколько часов дома взлетели на воздух. 47 стариков, женщин, детей погибли. Совершив это, гитлеровцы подожгли деревню. Уничтожен 41 дом".

Вечернее сообщение 3 марта: "В деревне Юшково Смоленской области гитлеровские мерзавцы расстреляли 21 колхозника, в том числе Решетникова А., Фролова Н., его жену Ефросинью, их сыновей Сергея, 17 лет, и Николая, 13 лет". От 5 марта: "Гитлеровцы разрушили и сожгли деревню

Костино Смоленской области. Из 118 домов в деревне осталось только 8 домов. Загнали в дом и заживо сожгли Победина А. М., его жену — учительницу Елену Ивановну, детей Люсю, Надю и Машу".

Тяжело было слышать о гибели взрослых, но мириться с гибелью детей просто невозможно. Вот почему все так близко к сердцу приняли Обращение к женщинам всего мира на митинге, который состоялся 19 апреля 1942 года в

Москве: "Матери, подруги, сестры! Мы призываем поднять свой голос протеста против массовых убийств, неслыханных издевательств и мучений, которым подвергает немецкая армия ни в чем не повинных детей. В детях — будущее народов, будущее культуры и человечества! Жизнь детей — наша жизнь, их счастье — наше счастье. Защищать детей от смерти и страданий — наш долг перед человечеством".

В райкомах партии и комсомола, в штабах соединений и отрядов все острее вставал вопрос: "Как спасти детей?" Как-то Батя при встрече с инструкторами ЦК ВЛКСМ Федором Исайченковым и Еленой Голубевой (они работали в соединении с конца апреля 1942 года) высказал мысль об отправке детей. Ведь партизаны уже отправили за линию фронта 12 тысяч мужчин призывного возраста, которых спасли от угона на фашистскую каторгу, но не смогли принять в партизаны из-за недостатка вооружения. Представители ЦК ВЛКСМ и обкома комсомола поддержали предложение партизан и привлекли на помощь комсомольцев, подпольные райкомы ВЛКСМ.

Тщательно разрабатывался маршрут предстоящей операции "Дети". В мае 1942 года заместитель командира партизанского соединения Иван Алексеевич Воротников, комиссар Петр Иванович Соколов и двое партизан на конях обследовали вероятный маршрут отправки детей, дали указание о расстановке постов возле участков минирования. Побывали в штабе 4-й ударной армии и просили оказать содействие в отправке детей.

Батя согласовал этот вопрос со Смоленским обкомом партии. В июне состоялось совещание представителей партизанских бригад, где шла речь о подготовке к отправке детей, об организации пунктов питания и были назначены сопровождающие. В конце июня Никифор Захарович Коляда встретился с секретарем Слободского райкома партии М. Н. Шульцем и договорился о питании, когда дети придут в Слободу. Побывал он и у командующего 4-й ударной армией генерал-лейтенанта В. В. Курасова и просил его оказать помощь в доставке детей к станции Торопец.

Поскольку проведение предстоящей операции содержалось в строгой тайне и о ней знали пока немногие, Мотя Вольская и подумать не могла, что будет иметь к ней прямое отношение.

Неожиданно ее вызвали в штаб соединения "Батя". Никифор Захарович Коляда вызывал нечасто, а если уж вызывал, то по какому-то сложному и серьезному делу.

— Матрена Исаевна! Буду называть вас просто Мотей! Не возражаете? Ваш возраст пока позволяет?! — и Батя мягко улыбнулся в пушистые усы. — Присаживайтесь. Разговор будет долгим. Мы немало думали над тем, кому поручить отправку детей в тыл. Это нелегкое дело. И с комиссаром Соколовым советовались, и с Петром Феоктистовичем Цурановым, и с представителем ЦК ВЛКСМ Исайченковым. Все пришли к выводу: лучше вас никто не справится. Не мне вам рассказывать, что сейчас немцы в деревнях вытворяют. Надо спасать детей! Нельзя допустить, чтобы ребят угнали в Германию. — Батя сжал кулаки, взгляд стал жестким. — В районе, где действует наше соединение, сейчас тысячи ребятишек. Наша задача: в самый кратчайший срок собрать в окрестных селах и по лесам детей, убедить родителей, что это крайне необходимо, и нашим "коридором" провести их до Торопца. Там — в эшелон и на Большую землю!

— Но до Торопца больше двухсот километров! — вырвалось у Моти. Батя внимательно посмотрел на нее:

— Именно поэтому выполнение задачи особенно трудно. Но мы эту операцию готовим, в июне я провел

совещание представителей партизанских бригад, даны все указания к этой большой операции, разработали маршрут... Этим путем уже прошли первые. Правда, это взрослые. Через партизанский коридор переправлено 12 тысяч мужчин призывного возраста. С детьми, конечно, посложнее, но есть уже первые ласточки. Вам Петр Феоктистович не рассказывал? — он кивнул в сторону секретаря райкома.

— Мотя, да ты, кажется, знаешь ее? Александра Никитична Никуленкова из Мошковической школы? — напомнил Цуранов.

— Мы с ней встречались на методобъединении.

— Так вот, она вместе с вожатой своей школы переправила в тыл более сорока детей. А совсем недавно нам сообщили, что еще одна учительница из Спас-Угловской школы Духовщинского района доставила в тыл тридцать ребят. Все живы. Правда, им пришлось нелегко, — добавил Батя. — А тут узнаю: две девчонки из-под носа у немцев, у самой Каспли больше сотни ребят увели. Молодцы. Маша Морозова и Оля Терентьева — так их зовут? — обратился он к Цуранову. Тот кивнул.

— А на днях ушла еще одна группа. Более ста ребят. Повели их Анна Кирилловна Лупина и Надежда Ивановна Осипова, тоже учительницы.

Мотя сначала не заметила говорившего в темном углу, а когда он вышел к столу, узнала в этом высоком красивом парне инструктора ЦК ВЛКСМ Федора Исайченкова, которого знали все комсомольцы.

— Я сам их проводил до пункта питания в Слободе. Настрой у них хороший, думаю, пройдут. Наш инструктор — Лена Голубева работает в Демидовском и Касплянском районах по отправке детей. ЦК ВЛКСМ считает, что сегодня важнейшее дело — вывести в тыл ребят, причем самую многочисленную группу.

— Вот вам, Мотя, мы и поручаем это нелегкое задание. В помощь даем учительницу Полякову и медсестру Громову, больше не можем, — и Батя как-то смущенно развел руками.

Варвара Сергеевна Полякова была почти ровесница Моти. До войны они встречались в районе, где Варвара Сергеевна возглавляла метод-совет учителей начальных классов.

Фельдшера Екатерину Ивановну Громову из Петрищева хорошо знали в округе. Хотя и молода была, а за советом к ней и старики ходили. Без колебаний она стала верной помощницей партизан. Десятки бойцов и командиров Красной Армии спасла Катя. Оказав первую помощь, она отправляла их в больницу в Фалисы, которая работала даже во время оккупации. После того, как в деревне Мисуково были расстреляны жена Катиного брата с двухмесячной Верочкой, Катя пришла в отряд Соколова.

Сколько будет ребят? Тысяча? Две? Пока никто не знал. Все были убеждены только в одном — вывезти как можно скорее и как можно больше. Все молчали, словно понимая, что творится сейчас в душе Вольской. А она вдруг представила себе эту огромную колонну, растянувшуюся на несколько километров, и трех женщин рядом. Мысли лихорадочно метались: "А если налет? А чем кормить? Как уберечь всех?" В штабе ждали ответа...

— Задание ясно! — ответила Мотя.

— Тогда за дело! Все детали операции "Дети", а мы назовем ее именно так, вы уточните с Соколовым и Цурановым. В добрый час! — Батя и Исайченков крепко пожали ей руку.

Из штаба Мотя вышла вместе с Петром Феоктистовичем. Все волнение, которое она тщательно сдерживала, прорвалось сейчас. Она ревела, как девчонка, не стесняясь Цуранова, а он, понимая ее состояние, давал ей выплакаться. Слишком тяжелую ношу взвалили на ее плечи. Ведь ей еще только двадцать четыре года. Такую задачу мужчинам здоровым бы поручать, а где их взять? Они здесь, под носом у фашистов, должны делать свое дело — бить и бить этих гадов! Мотя уже успокаивалась. Цуранов потечески вытер остатки слез и сказал:

— Надо, Мотенька, надо. Больше никому. И ты это сделаешь лучше других. Я-то тебя знаю. Давай-ка покумекаем, с чего начать операцию...

Приказ об эвакуации подростков в тыл не все партизаны приняли как свое кровное дело.

— Да разве можно такую шантрапу организовать, вести болотами и минными полями? Сколько их наберется? Сотня? Две? А может, тысяча? — недоумевал партизанский ездовой Вася Сальников, сам из здешних — духовщинских.

— И при чем тут мы, партизаны? Пусть этим занимаются работники райкомов партии, райисполкомов, сельских Советов, комсомол, наконец! — поддерживали другие.

— К тому же мы останемся без помощников. А кто лучше всех обстановку знает на селе, в округе? Мальчишки и девчонки. Кто собирает оружие, патроны? Кто приносит хлеб, картошку? Опять же они, ребята! Так как же без них мы?

— Да и родители согласятся ли?

Разгоралась настоящая перепалка.

— А вы уже забыли, как расстреливали мальчишек из партизанских семей? Да и просто тех, кто помогал партизанам? — напомнил всем комиссар Первой бригады Петровичев, прошедший по всем взводам.

Уже позже станет известно заявление Гитлера 16 июля 1941 года на совещании в верхах: "В принципе речь идет о том, чтобы правильно разделить огромный пирог, дабы мы могли: во-первых, им овладеть; во-вторых, им управлять; в-третьих, его эксплуатировать. Русские теперь отдали приказ о партизанской войне за линией нашего фронта. Эта партизанская война имеет свои преимущества: она дает нам возможность истребить всех, кто против нас".

И, поддерживая комиссара, зашумели и заговорили наперебой:

— Витю Фомичева, сына Григория Яковлевича, председателя колхоза, уже к стенке ставили? Только случай и его сообразительность помогли!

— А Ванюшку Козлова?

— А Петю Антончика?

— А ребяташек из учительских семей, детей коммунистов?

Все понимали справедливость и необходимость задуманного штабом и райкомом дела. У Моти перед глазами до сих пор стояли две пылающие березки, облитые бензином, и привязанные к ним две девочки — Маша Лобанова и Таня Страусова. Они были сожжены в деревне Марково за то, что варили партизанам картошку.

Илья Одинцов, командир партизанского отряда, вспомнил, как искали фашисты мальчонку из Плоток — Мишу Строганова, заподозренного в связях с партизанами. Обозленные, что не нашли его (а мальчишку тем временем успели переправить в тыл), каратели заколотили окна, двери его дома и подожгли. В доме сгорели отец, мать, двое братьев — пяти и девяти лет.

Все командиры взводов, особенно активно Федор Асачаков и Федор Цепов, разослали партизан по деревням:

— Ребята, времени нет. Давайте-ка от разговоров к делу, хотя и устали в бою, а надо разойтись по деревням и собирать детей в дорогу.

В назначенные сроки в ночь с 22 на 23 июля 1942 года Мотя, как и многие партийные и комсомольские работники Первой и Второй бригад соединения "Батя", не сомкнула глаз. Секретарь комитета ВЛКСМ Первой бригады Дмитрий Иванов со своим активом пошли на самые опасные участки, туда, где надо было брать детей из-под носа фашистов. А Мотя за ночь побывала в нескольких селах. Собрания проводила при лучинах и коптилках. Среди слушавших были и ее ученики. Всех разглядеть было невозможно, но ее убежденность в необходимости того дела, которое ей поручили, передавалась людям. Мотя чувствовала: они верят ей, верят партизанам, всем, кто здесь, в глубоком тылу врага, ведет борьбу за будущее детей.

— Вы знаете, товарищи, какое сейчас положение. Немцы свирепствуют. Зачем гибнут дети?

Готовится новая отправка подростков в Германию. Нам надо опередить фашистов. Времени на сборы сегодняшняя ночь. Сбор — утром в Елисеевичах, у школы.

Убеждать, уговаривать пришлось немногих. Больше, пожалуй, приходилось отвечать на вопросы: "Как они пойдут? Куда повезут детей? Как разыщут их потом родители?" И это было самое трудное. Что могла она ответить? Единственное, в чем была убеждена, что на Большой земле ребята не пропадут, там о них позаботятся. Только бы пройти весь этот страшный своей неизвестностью путь. Только бы довести детей! Но Мотя загоняла страх поглубже, твердя себе: "Это необходимо, я должна, мне, и никому другому, это доверили..."

Мотя собиралась в дорогу. Эта дорога не была похожа на все предыдущие. На руках у нее было командировочное удостоверение, выданное в июле 1942 года: "Духовщинекий РК ВКП(б), исполком районного Совета просят все организации оказывать содействие Вольской М.И., сопровождающей детей в советский тыл.

Секретарь Духовщинского РК ВКП(б)
П. Цуранов".

ГЛАВА "БЫЛ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ"

День 23 июля 1942 года показался Моте бесконечным... К лесной опушке, где стояла школа и размещался Духовщинский райком партии, шли и шли группами, в одиночку ребята. Здесь были пятнадцатилетние подростки, для кого угроза угона в Германию была реальностью, и дети восьми-девяти лет. Малышей не брали. Пеший переход им был бы не под силу. Стайками, кучками со всей округи собирались ребята, образуя свои островки. С узелками, вещмешком за плечами, кошелками, они молча рассаживались на траве. Провожających было не меньше. Народу собралось много. Просторную луговину сплошь заполнили люди и повозки. Но было странно тихо. Только пофыркивали лошади, да изредка всхлипывал кто-то. Люди говорили шепотом.

Тишина прощания (а для многих оставшихся в родных деревнях это было действительно прощание), тишина, которая несет в себе тревогу и растерянность перед неизвестностью, стояла кругом.

К Моте подошли медсестра Катя Громова и учительница Варвара Сергеевна Полякова. Навесь долгий путь они — ее верные помощницы. Прежде всего Мотя попросила их составить подробные списки и получше узнать ребячьи судьбы. Среди детей было много таких, кто потерял родных и близких. Главное сейчас — успокоить их, они должны поверить, что все будет хорошо.

— А управимся ли втроем? — спросила Катя. — Вы посмотрите, сколько уже собралось.

Мотя заметила в толпе Федора Филиппенкова, секретаря Духовщинского райкома ВЛКСМ, а с ним светловолосого вихрастого паренька и двух девушек в полувоенной форме, с пистолетами на ремнях. В первые дни весны 1942 года, после освобождения части Духовщинского района партизанами, по поручению райкома партии в течение десяти дней Филиппенков с помощью работников обкома

ВЛКСМ и своего актива провел учет около 500 комсомольцев, создав 35 комсомольских организаций. Они восстанавливали колхозы в тылу врага, оказывая огромную помощь партизанам;

— Матрена Исаевна, хочу познакомить вас с работниками Смоленского обкома комсомола, — сказал, подходя, Филиппенков.

— Кутруев! — представился светловолосый юноша.

— Зимбицкая, — сказала девушка невысокого роста.

— Каверзнева, — протянула руку ладная, обращавшая на себя внимание своей чисто русской красотой вторая девушка.

— Это наши внештатные инструкторы, — добавил Петр Кутруев, которого Мотя знала по рассказам Миши. В июне, приехав с бригадной комсомольской конференции, он много говорил о Кутруеве.

— А начальством ты не обижен, Федя, — пошутила Вольская.

— Да какое они начальство, такие же трудяги, как и мы! Уже несколько суток не спят. Столько детей без них разве бы мы собрали? Здорово они помогли. Вот доказательство. И Филиппенков подтолкнул к Моте голубоглазого парня. Он показался Моте знакомым.

— Как зовут?

— Сергей Долгушев.

— Как вырос, еле тебя признала.

Сергей протянул ей школьные тетради.

— Это списки подростков с 25—28-го годов рождения, которые пойдут... Вот мы вместе с ними ездили, ходили по деревням и составили...

— Ай да молодцы! Ай да комсомол! — повторяла Мотя, листая странички. — По вашим спискам только переключку провести. Вот спасибо.

— Сегодня должны явиться все, кто здесь записан. Но мы не только записывали, а и разъясняли, — добавила Зимбицкая. Внешняя бойкость и оживленность не могли

скрыть от Моти той огромной усталости, которая пряталась в красных от бессонницы глазах девушки.

"Сколько же они исходили, сколько не спали?" — подумала Мотя.

— Ну вот, товарищ Вольская, задачу мы свою выполнили, — сказал Кутруев и, словно читая мысли Моти, прибавил: — Вы — в наш тыл, а мы — к фашистам в тыл. У нас дел там хватает!

Мотя крепко пожала им руки. Они ушли, оставив ее с Долгушевым.

— Сергей, поможешь мне?

— Какой разговор! — и он направился к ребятам.

Мотя посмотрела ему вслед. Совсем мальчишка, а уже председатель сельсовета. И в памяти возник август сорок первого года. Подпольно-партизанские группы уже основательно мешали "новому порядку". Деревеньки жили двойной жизнью: днем хозяйничали всюю немцы, а ночью в свои права вступали партизаны. Мальчишки были первыми их помощниками. Такие, как Сергей, собирали и прятали оружие, снабжали продуктами. Его не случайно потом выбрали секретарем Баси некоего сельсовета, хотя ему и было-то шестнадцать лет. В деревне остались старики да женщины. Вот и пришлось Сергею самую трудную работу взять на себя. Пахал, сеял наравне со всеми, да еще доставлял людям газеты и листовки, даже письма. На своей серой лошадке он не раз пробирался в отдаленные села и даже возил обоз хлеба на Большую землю. Таким он и запомнился Моте: быстрый, отчаянный...

И, словно очнувшись от воспоминаний, она огляделась. Вовсю уже шла перекличка. От школы, где работала комиссия по проверке здоровья ребят, ее окликнула Клавдия Николаевна Карпова, врач Первой партизанской бригады.

— Что с этим будем делать? — спросила она, показывая на одного из мальчишек. Мотя вздрогнула. Живой скелет стоял перед ней. На бледном изможденном лице выделялись глаза — они говорили о многом. Комок подступил к горлу.

"Не хватало, чтобы ты разревелась. Его надо сейчас же успокоить", — подумала Мотя.

— Как зовут?

— Коля, — еле слышно произнес мальчишка.

— С кем ты здесь?

— Один. Я никого не знаю.

— Вещи, ну хотя бы из еды у тебя что-нибудь есть?

— Нет...

— Ну, а лет-то тебе сколько?

— Четырнадцать.

Мотя переглянулась с врачом. Они без слов поняли друг друга. На вид ему и десяти не дашь.

— Матрена Исаевна, он не дойдет с вами. Решайте!

— Сперва накормить его надо. Давно не ел? Мальчишка кивнул.

— Значит, ешь понемножку. Вот накормим, потом видно будет. Верно, Коля?

— Я пойду обязательно! Я уже год как иду, — решительно заявил он.

Мотя взяла его за руку и подвела к группе ребят, которые разложили на траве свои нехитрые запасы. Мальчишка с жадностью ухватился за протянутый ржаной черный сухарик.

— Ты откуда?

— Из Филиппова Батуринаского района.

— Это ведь далеко отсюда. Как же ты сюда попал?

— Сам не знаю. Нас у матери было семеро, я — старшой. Когда пришли фашисты, убили моего друга прямо на глазах. Мы с братиком Ваней, ему было десять лет, побежали в лес к партизанам. Я хотел отомстить за друга. Партизан не нашли, а под бомбежку попали. Очнулся, вижу, стоит какая-то тетенька, спрашивает: "Откуда ты, мальчик?" А я о Ване думаю и спрашиваю, что с ним. "Его убило, а тебя землей засыпало. Как жив-то остался! Да у тебя вся спина в крови!" Наверное, это были беженцы, они все шли и шли с узлами, мешками. Я немного полежал и снова побрел. Хотел найти партизан.

Сколько бродил по лесу, не помню. Кругом убитые, раненые. Ребят много встречалось. Ночевал где придется: то в сарае, то под кустом. Помню, встретил мужчину, обрадовался, спрашиваю: "Дядя, а где партизаны?" Он что-то буркнул, отвернулся и пошел. Я опять один. Есть сильно хотелось, стал пухнуть от голода. А рана не заживала, стала гнить, видно, осколок там сидел. А потом все как во сне: и есть не хочется, в глазах искры. Часто терять сознание стал. Однажды очнулся, а надо мной дедушка с бабушкой стоят, все тело и лицо чем-то натирают. Они меня спрашивают, я что-то отвечаю, а потом опять забылся. Очнулся от того, что в рот мне льется что-то горькое...

— Наверное, настойка травяная, — подсказал кто-то из ребят.

— Да тише, дайте дослушать! — зашикали остальные.

— Рассказывай дальше, Николай!

— Ну вот, познакомился я с ними. Бабушку Марфой звали, а дедушку Петром. Они меня на ноги поставили. Народу к ним много приходило: мужчины, женщины в шинелях, в гражданской одежде. А про меня все говорили: "Куда-то надо определить мальчонку". Так я прожил у дедушки с бабушкой Марфой до этого лета. А потом пришла какая-то молоденькая тетя, говорили, инструктор обкома комсомола, и забрала меня с собой. Тоже вместе с ней приходилось не есть. И вот здесь...

Ребята молчали.

— Да, Коля, школу ты прошел серьезную, — сказала Мотя. — Теперь на Большую землю пойдешь. Я верю, ты выдержишь! Жить будешь! А после войны отыщешь родных.

— А она скоро кончится? — ребята зашумели, заволновались, заволновались.

— Матрена Исаевна! — вновь окликнула ее врач. И Мотя, оставив ребят обсуждать этот, такой близкий душе каждого вопрос, подошла к Карповой.

— Тебя тут спрашивают, — она кивнула в сторону, где стояла какая-то девушка в военном. Столько лиц мелькало в

этот день перед Мотей, что она не сразу признала партизанскую разведчицу Марусю Дроздову.

— Машенька, рада тебя видеть. А ты-то как здесь?

— Я не одна, с сестренкой. Ей тринадцать, она у меня связной была, а тут ее в ногу ранило. Комиссию она не пройдет, а оставить не с кем: родители погибли, я в отряде, дома редко бываю. Одна она погибнет. Мотя, милая, возьми Надю.

— Катя! Громова! — позвала Вольская медсестру. — Посмотри, перевяжи, и на одну из подвод!

— Вот спасибо, Мотечка! Век не забуду! — и Маруся расцеловала Мотю.

Распрощавшись с ней, Мотя поспешила к группе ребят. Расположившись на лужайке, те с аппетитом ели.

— Почему так рано продукты уничтожаете?

— А мы еще сегодня не ели, Матрена Исаевна, — бойко ответила остроглазая девочка и затараторила, почти проглатывая окончания слов:

— А вчера был бой... Ой, даже страшно рассказывать! Партизаны выбили немцев из нашей деревни вечером и дали нам ночь на сборы. Мамка только успела напечь лепешек. Еще темно было, когда мы почти бегом из деревни убежали. Родители бегут за нами, плачут. У меня до сих пор перед глазами мамка стоит — бежит, кричит: "Родненькая, доченька! Свидимся ли? Хоть ты будешь жить!" А у меня еще братик с сестренкой там остались. Так что не только позавтракать, а и попрощаться как следует не успели. — И девочка расплакалась.

— Как зовут-то тебя?

— Маша Голяцкая, — всхлипывая ответила она. — А про вас нам Варвара Сергеевна рассказывала. Она ведь нашей учительницей в Михайловской школе была.

— Не хочу вас обманывать, ребята, но дорога предстоит нам нелегкая, поэтому с продуктами будьте поэкономнее...

"Сколько же их тут, этих маленьких взрослых, со своими трагедиями, — думала Мотя, проходя между телегами, группами ребят. — Сегодня ночью их вырвали

буквально из самого пекла. Из десятков деревень: Избичное, Переезд, Петрищево, Ерыши, Булгаково, Марково, Ведение, Каменка и многих других — выводили ребят из-под носа фашистов и полицаев. И сделали это быстро".

Многие приходили сами. Вот семья Касаткиных из Никуленки. Мотя подошла к ним.

— Матрена Исаевна, привели вам свою старшенькую, Танюшку.

Рядом с Таней, хрупкой, невысокой девочкой, стоял семилетний мальчик.

— Брат Вова. — Таня взяла братишку на руки, и он крепко обхватил ее за шею. Февронья Филипповна и Семен Фотиевич вытирали слезы.

— Как они будут друг без дружки? Ведь все время вместе. Танюшка его любит, везде с собой таскает. Он хоть и мал, а сообразительный! Расскажи-ка, Танюшка, что в апреле-то было...

— С 23-го, кажется, апреля, — начала Таня, — дня три в Преображенском продолжался очень сильный бой с карателями. Говорят, их было с полтысячи. Они хотели уничтожить партизан. Везли много оружия. Но партизаны их опередили, окружили и разбили. В лес было боязно заходить, столько фашистских трупов валялось. Некоторым карателям удалось спастись, они прятались, где могли. Одна из таких групп и прошла через Никуленку. Отец послал меня с запиской к партизанам. Побежали с Вовкой. Еле дышим, ревом оба... Прибежали, а партизаны: сами измотались, лежат вповалку, спят. Разыскали Ивана Семеновича Родина.

— А откуда ты Ивана Семеновича-то знаешь? — спросила Мотя.

— Он и Сережа Малов в нашем доме как родные.

В разговор вступил Семен Фотиевич, до этого молчавший.

— Из окружения в сорок первом они с Иваном Семеновичем выходили, вот прибились к нашей семье. Где восемь человек, там и еще два не помеха. Научил их корзины

из лозняка плести, продавали. Ну, и хлебешком их Февронья Филипповна выручала.

— А не боялись? Ведь укрывательство красноармейца или партизана каралось смертной казнью?

— Бойся не бойся, а мы против этих иродов- фашистов что-то делать должны. Они, когда через Никуленку нашу шли, по окнам стреляли. Мальчонке годовалому, лежавшему в люльке, пульей носик пробили...

А Таня продолжала:

— Бежали мы тогда с братцем напрямик.

Апрель был, снег рыхлый, а Вова мне дорогу показывает: он ее запомнил. Нас тогда кипятком отпоили, Иван Семенович быстро разбудил партизан, и они успели догнать карателей.

— Ну, что ж, вам есть о чем поговорить перед дорогой, а я побегу, — сказала Мотя.

— Доброго вам пути, Матрена Исаевна! — и Февронья Филипповна поклонилась ей.

"Да будет ли этот путь для нас добрым?" — про себя думала Вольская.

К ней подошел Цуранов. И Мотя поняла, что пора в путь. Петр Феоктистович вышел на середину поляны. Он видел перед собой женщин, детей, стариков. Каждый из них был бойцом. Каждый прошел через смерть близких, голод, бедствия.

Не объявляя никакого митинга, в тишине он сказал самое главное:

— Дорогие друзья! Ребята и родители! Время не ждет! Я верю, что операция по спасению детей пройдет успешно. Для этого мы сделали все возможное. Партийные, советские и комсомольские органы Духовщинского района, штаб партизанского соединения "Батя", Смоленские обкомы партии и комсомола, все, кто остается для продолжения борьбы, желают вам удачи и счастья! Мы верим, что вы вернетесь на освобожденную Смоленщину! До встречи, друзья! А на прощанье я хочу предложить вам послушать песню. Давайте присядем перед дальней дорогой. Сейчас

здесь находится агитбригада Духовщинских райкомов партии и комсомола. Возможно, кто-то из вас слушал ее выступление. Нина Денисенкова сейчас поет, а Саша Терентьев подыграет на баяне.

Секретаря райкома хорошо было слышно, хотя говорил он в полголоса. Когда на поляну вышла стройная белокурая девушка в военной форме, стало не просто тихо, а казалось, что и окружающий лес перестал шуметь и слабый ветерок совсем стих. Полилась грустная мелодия "Черного ворона", только слова были другими:

*Ты не вейся, черный ворон,
Не маши беду крылом,
Не накличешь сердцу горя.
Черный ворон — я не твой!
Ночки темные, сырые.
Мне не снятся Жигули,
Ой, не спите, часовые,
Как бы нас не обошли.*

И Нина, подняв кулак кверху, крикнула:

— Не падайте духом, ребята! Помогайте ковать победу и там, в тылу! Смерть немецким захватчикам!

И словно прорвались сдерживаемые долго рыдания, взорвалась тишина плачем, криком. Полторы тысячи детей прощались со своими родными, близкими, с родной Смоленщиной.

Разрывается от тоски и боли сердце у Моти. Не отходят от нее ни на шаг Таня и Ваня. Но надо было держаться! Надо! Она подошла к ребятам из Васино.

— Мы идем первыми. За нами будет двигаться вся колонна. В путь!

И по всем группам разнеслось:

— В путь! Тронулись!

Заскрипели колеса телег, на которых были набросаны нехитрые ребячьи вещички. Оглядываясь, часто падая, всхлипывая, шли ребята до первого поворота. Потом

замолчали и пошли медленно, каждый думая о своем. Все мысленно прощались с прошлым. Прощалась и Мотя. От Елисеевич до родной деревни Задирихи, где ей знаком каждый кустик, тропинка, березка, — рукой подать. До дома так было близко и так далеко!..

И вспомнилось ей трудное детство. В школу она пошла поздно — надо было кормить семью. Работала в колхозе на всех полевых работах. Кроме того, умела ткать, прясть, шить, плести лапти. В школу ее взяли сразу во второй класс, и ходила она туда за четыре километра в любую погоду. Но такой у нее был характер — никогда не унывать.

Из леса колонна выходила медленно, словно переходя последний рубеж. На полевой дороге она растянулась на несколько километров. Отряды по сорок—пятьдесят человек шли, соблюдая дистанцию. Не слышно шума, смеха, лишь раздавался шорох тысяч ног, да взметалась пыль.

Мотя отошла к обочине, пропуская колонну, и совсем другая картина встала у нее перед глазами: начало прошлого лета... Тогда еще не было войны. Со своими ребятами она тоже ходила в лес. Шум, прятки, крики "Ау!", лесные открытия, обсуждения на лужайке. Она забывала об учительской серьезности и прыгала вместе с ними, как девчонка. Все это было, но было в той далекой мирной жизни. И кажется, что прошла вечность.

Вдруг Мотя вздрогнула. Тишину разрезал чей-то крик: "Воздух!" Следом за ним раздались крики сотен голосов: "Прозевали!" Мотя только собралась давать команду: "Рассыпаться!", как ребята сами рассредоточились кто куда. "Что значит, под бомбежкой уже побывали!" — пронеслось в голове у Вольской.

Со всех сторон слышалось: "Рама". Она и сама отчетливо различала монотонное жужжание немецкого самолета-разведчика. "Что нужно этой "раме" здесь? Не партизан же ищет? Значит, что-то заподозрили немцы, раз выслали на разведку самолет", — подумала Мотя. Фашист кружил над лесом, над тем местом, где только что тянулась ребячья колонна. Видимо, ничего не обнаружив, он повернул

назад. И почти следом прокатилась эхом по лесу артиллерийская канонада. И снова стало тихо. Отряхивая пыль, отовсюду вылезали ребята, выводили подводы из лесу.

— Головным проверить всех по спискам, — раздалась команда. — Тронулись!

Решение обходить населенные пункты стороной Мотя приняла вскоре после выхода из леса. В Крестово, что стоит прямо на дороге, видимо, не провели разъяснительную работу с матерями и родственниками ребят. На всех произвело тяжелое впечатление прощание маленькой Аннушки с многочисленной родней. Ребята сникли совсем. А расслабляться нельзя. Силы нужны на будущее, сколько их еще потребуется. От отряда к отряду прошла Мотя, ободряя, пытаясь даже улыбнуться. Ее поддерживали связные, командиры групп и отрядов. Откуда-то рядом с ней появился мальчишка, пытаясь попасть в ногу, он вступил в разговор:

— А мы, Матрена Исаевна, по этому пути скот гоняли к нашим. Нас трое было из одного класса — Таня Антипова, Дуся Хохлова и я. Мы больше ста пятидесяти коров прогнали до Борисенок около Демидова.

— А кто же это вам поручил? — поинтересовалась Мотя.

— Комсомол и Цуранов, — ответил мальчишка и, словно предупреждая вопрос, откуда он, сказал: — Из Аболонья мы. Я — Митя Ефимов. Мы коров быстро гнали, а сейчас плетемся, и махнул рукой. Мы коров быстро гнали, а сейчас плетемся - и махнул рукой.

— Корову-то, Митя, и подгонять можно, а вот человека убедить надо. Вот и будь моим помощником, поговори с теми, кто не торопится.

— А что? И помогу! Мне не впервой! Я и партизанам помогал.

— Это кому же?

— Знаете Ивана Ивановича Овчаренко, командира Второй партизанской бригады? Вот я его задания и выполнял.

— Ну и отлично, только о своей помощи партизанам ты расскажешь как-нибудь на привале, а сейчас, раз ты такой боевой, пройди по отрядам и ускорь движение.

— Есть! — козырнул Митя и умчался вперед.

Мотя проверила еще раз свои десять групп. Все на месте. Пропустив этих первых пятисот ребят, она дождалась появления колонны Кати Громовой. Впереди Катя, в ситцевом платье, в резиновых туфельках.

— Что так долго? Случилось что-нибудь?

— Да нет. Просто дополнительную проверку пришлось устроить, думала, девочка потерялась. Все в порядке. Как у вас? Помощь не требуется?

— Пока нет, — ответила Мотя.

Катя вновь пошла к своим ребятам. "Ей тоже нелегко приходится, — подумала Мотя. — Ведь она взяла себе самую трудную колонну — младших ребят, слабых и больных". Подбежала связная от Варвары Сергеевны Поляковой, доложив, что у них все в порядке. Мотя поспешила догонять свою группу. Догнав первый отряд, пошла быстрее вперед. Она вся была нацелена на одно: "Дойти!" Она шла, как в бой. В бой за ритм движения, за порядок, за время. И всегда помнила об одном: в первую очередь — разведка.

Колонна развернулась влево, в обход деревни, а Мотя пошла через Заборье. На завалинке сидели старушки. Прикрыв глаза рукой от солнца, они вглядывались в колонну. Увидев Мотю, поклонились ей. Одна из них заметила:

— Стороной обходите нас? Ну и в дело! А то давеча "рама" вертелась, чтобы ей ни дна, ни покрывки.

И Мотя увидела на дороге, рядом с деревней, воронки от крупных снарядов. Некоторые были совсем свежие. Дорога, видимо, была пристреляна дальнобойными. "Рама" ведь к тому же — корректировщик.

Дорога постоянно менялась, сейчас она вновь пошла лесом. Ребята уже стали уставать, гудели ноги и у Моти. но до привала еще очень далеко.

Колонна шла в обход деревни Лавинки, а Мотя направилась в деревню. Из Буризей, Тяполова, Береснева,

Ефремова и других деревень она должна принять еще группу ребят. У крайнего дома стояла подвода, рядом большая группа ребят. От нее к Моте уже спешила женщина.

— Анной меня зовут, Анной Тимофеевной Фоминой, — протягивая руку, сказала она. — Вот всех мне поручили. Я на лошади, ездая. Вещички сложили, собрались все, ждали вас.

Анна Тимофеевна протянула список.

— Здесь все, кто идет. Подписано председателем колхоза имени Тельмана. За старшего Коля Захаров.

Мотя быстро пробежала список. Более шести десяти человек.

— Ну что ж, ребята, в добрый путь! Догоняйте

Без крика, шума, слез потянулись ребята к лесу. Видимо, долгое ожидание притупило остроту расставания. Они молча, деловито подстроились в общую колонну. И лишь несколько ребятешек лет восьми-девяти вытирали рукавами слезы. Рядом с тяжело нагруженной телегой шагал Коля Захаров.

— Хорошо вас в дорогу подготовили, — заметила Мотя, похлопывая по узелкам на телеге.

— Так это ж нас колхоз собрал, — обрадовавшись разговору, подхватил Коля. В эти первые минуты ему не терпелось выговориться. — Колхоз наш в Лавинке находится, имени Тельмана. Когда фашисты пришли, колхоз стал называться общиной. А старостой поставили одного мужика лет пятидесяти. До войны в леспромхозе работал. Ну и гад был. — Коля зло сплюнул. — Уж и поиздевался он над всеми, особенно над колхозными активистами. Как придет в избу, только и слышишь: "Новой власти не хотите подчиняться?! Я вам покажу. Плетки захотели отведать?!" И показывал... Ну уж с ним партизаны за все его плеточки расплатились: весной его расстреляли. Расстрелять-то расстреляли, а сколько наших деревенских он угробил. Анисим Лосев... У него четыре сына остались... Варвара Семеновна — жена фронтовика, тоже дочка двух лет осталась. Мы уж знали: как

кого в Рибшево повезли, так живым не вернется, — и Коля тяжело вздохнул.

Внимательно слушала Мотя мальчишеский рассказ. Ей понятны были и эта злость, и это отчаяние, и эта боль за гибель дорогих людей. Ребята рассказывали ей, потому что уже почувствовали в ней товарища по несчастьям, человека, которому можно довериться. Они поверили, а она не могла их не выслушать, ведь для ребят это было своеобразной разрядкой. И только дорога, только движение, давали ей возможность хоть иногда освободить себя от невыносимо тяжелых рассказов.

Мотя поспешила к еще одной многочисленной группе, которую вела Варвара Сергеевна Полякова.

Мимо Моти шли ребята. Было видно, что они устали. Пройдено десять километров. Солнце палит. Хочется пить. Обговорив с Варварой Сергеевной вариант привала, Мотя снова догоняла головную колонну. Сколько уже она прошла вот так: из одного конца в другой и обратно? Она не считала. Да и до этого ли было?

Впереди мелькнула светлая полоска воды. Дошли до Гобзы. Мотя почти бегом бросилась к реке. Надо было найти брод и место для купания, чтобы ребята сняли усталость. Вдруг тяжелый трупный запах, расстилавшийся по речной низине, словно преградил ей дорогу. Вокруг жужжали мухи. Мотя вновь поспешила вперед. Местечко в тени ивняка ей показалось удобным для купания. С наслаждением она опустила руки в прохладную воду и тут же с ужасом отпрянула. Тот же тошнотворный запах!

— Вода отравлена! — кричала Мотя первой подходившей группе. Переходили Гобзу быстро, собранно, словно преодолевая какой-то рубеж.

Все ребята так ждали эту реку, что неожиданный приказ "Купаться нельзя, пить нельзя!" внес опять тревогу и сомнения в ребячьи души. Надо было сломить эту подавленность. Но как.

И тут, как бы помогая ей, от одной из колонн послышалась песня. Это была мелодия "Катюши". Но слова

были незнакомы. Мотя поспешила к группе ребят из Головин и Братков. И сразу узнала запевал — Олю и Машу Денисенковых. "Ну и молодцы девчонки! Поддержали в самый нужный момент!" — подумала Мотя. А песню уже подхватывали все.

*Разлетались головы и туши
Дрожь колотит немцев за рекой,
Это наша русская "Катюша"
Бьет, сжигает нечисть всю рукой...*

Шли опять лесом. Только здесь и можно было петь в полный голос. Эти места — зона действия партизан. В Кореве — партизанский штаб. Медленно сгущались сумерки. Отступал зной. А они все шли и шли. Показалась деревня. И снова Мотя дала команду: "В деревню не заходить. Отдых на опушке, в копнах сена...". Ребята буквально падали от усталости. Располагались кто где. Мгновение, и вот уже тишина опускается на их походный лагерь. Мотя присаживается у копны душистого сена. Пахнет травами от них кружится голова, смыкаются веки. Какие-то картины детства вновь мелькнули перед глазами, кузнечики стрекочут. Сладкая дремота обволакивает ее.

"Я только чуть-чуть вздремну, самую капельку", — почти засыпая, уговаривает себя Мотя. И вдруг, словно ожог: "Не имеешь права! Ты же за них ответе!" — она очнулась. Перед ней стоял Коля Анищенков.

— Матрена Исаевна, вас спрашивают.

— А почему ты не спишь? — спросила Мотя пока они шли к неожиданным гостям.

— Вы же сами, Матрена Исаевна, меня связным выбрали, велели быть начеку.

— Спасибо, товарищ связной. Теперь я на посту, а ты иди подремли, — она посмотрела ему вслед, вспомнив, как не хотел он идти в тыл, все порывался мстить за своих голодных сестреноч и братишек. Дома у него оставались еще два брата и три сестренки.

К Моте подошел человек с винтовкой. А сзади, в тени, она увидела еще одного вооруженного крепыша среднего роста.

— Товарищ Вольская? Я к вам от штаба "Бати". В этом партизане Мотя узнала жителя деревни Корево Спирида Матвеевича Фадеева.

— Что-нибудь случилось, Спирид Матвеевич? Ведь мы все равно будем идти через Корево?

— Через Корево не велено. Надо в обход. В штабе вам уточнят обстановку. А мне поручено обследовать вместе с вами обходные дороги. Я здешние места знаю.

Подошли Варвара Сергеевна с Катей. Их тоже встревожило появление Фадеева и неизвестного парня.

— Я иду в Корево. Организуйте дежурство, посты. Мальчишки вам помогут. Постараюсь к утру вернуться.

— А я останусь здесь, с ребятами, — сказал инструктор ЦК комсомола Федор Исайченков, которого Мотя в темноте не узнала.

С Мотей увязался ее племянник Ваня.

— Выдержишь? — спросила его Мотя. — Ведь больше десяти километров туда, да еще обратно.

Мальчишка упрямо мотнул головой.

Ночь была темная. Лес сгущал эту темноту, и порой казалось, что нет никакой разницы, как идти — с закрытыми глазами или с открытыми. И лишь проводник чувствовал себя уверенно.

Сколько сейчас было времени — двенадцать или час ночи, Мотя не знала. Скоро сутки, как они в пути. За это время у нее маковой росинки во рту не было, да и отдыхать не приходилось.

— Спирид Матвеевич! — обратилась она к шедшему впереди Фадееву. — Скоро дойдем? А то у меня мальчонка уставать стал, хоть и не признается.

Ваня шел рядом, держась за руку, не желая отставать ни на шаг.

— Вот сейчас одну тропочку пройдем, а там рукой подать. Держитесь прямо за мной. Кругом заминировано. Осторожно.

Прошли молча метров двести.

Ну вот, теперь и поговорить можно, — сказал Фадеев. — Я на курсах минеров был, со всех отрядов нас собирали. Батя к нам приходил недавно с комиссаром. Так вот он прямо сказал, что дело наше минерское сейчас самое главное. Фашисты готовят наступление на наш партизанский край, и от того, как мы сработаем, тоже зависит немало.

"Значит, действительно обстановка серьезная", — подумала Мотя.

— Стой, кто идет? — внезапно прозвучал в тишине оклик.

— Да свои, свои, — отозвался Фадеев.

— Я тебе дам "свои", пароль!

— Пятница!

Другой разговор! А то "свои"! — раздался в темноте мальчишеский голос. В этом строгом партизанском часовом Мотя узнала Сашу Шошина с которым приходилось воевать в одном отряде. За добросовестность, аккуратность Сашу взяли в охрану штаба "Бати". Стоя на посту, он не признавал ни друзей, ни знакомых. Вот и сей час он, словно не узнав Вольскую, четко сказал:

— Матрена Исаевна, руководство бригады, Духовщинские райкомы партии и комсомола, штаб "Бати" за проявленное мужество и находчивость во время закупского боя представили вас к награде — ордену Красного Знамени.

— Ура! — закричал Ваня, сидевший до этого тихо. Все с улыбкой посмотрели на него. Мотя растерялась.

— Спасибо, но почему меня? Там все дрались хорошо, даже мальчишки.

— К наградам представлены Акимов, Николаев, Михаил Вольский, — сказал Соколов.

В памяти вновь пронеслись картины боя, вспомнилось лицо Миши у пулемета.

— Могу я узнать, где сейчас Михаил Вольский?

— Конечно, Матрена Исаевна, — вступил в разговор третий и представился: — Капитан Воротников, заместитель Бати. Вольский сейчас на ответственном задании. Он не знает, что вы уходите. Но как только вернется, мы сделаем все возможное, чтобы у вас была переписка, чтобы не потеряли друг друга...

Послышался голос часового: "Стой! Стой! Стрелять буду!" Защелкал затвор винтовки, а в избу влетел мальчишка. Голова и глаз у него были перевязаны.

— Товарищ комиссар, — обратился паренек к Соколову, которого, видимо, знал.

— Ба, да это же Семка Филиппенков! Разведчик из отряда Саши Петрова! Ты как тут оказался? Да не бойся, говори!

— Так я ж в тыл направлен, на Большую землю с Матреной Исаевной.

— Ты что ж, сбежал, выходит? — рассмеялся начальник штаба.

— Подождите, подождите, — вмешалась Мотя. Она помнила этого мальчишку, видела, как он шел впереди своего отряда.

— Успокойся, Сема, и толково объясни, что произошло.

— Матрена Исаевна, я в госпиталь решил забежать, недавно выписался, две недели там пролежал. Вот и заходил попрощаться...

— Так ведь не близко мы от стоянки колонны.

— А я привычный. И еще здесь медсестра Лиля, ее у нас все любили, она меня кашей накормила и молока дала.

— У тебя разве ничего из еды не осталось? — обеспокоенно спросила Мотя.

— Все съел, Матрена Исаевна. Да и что у меня было-то! Кусок хлеба с салом только и успела мать положить. Меня уж ребята поддерживали.

И снова Мотю резануло как ножом по сердцу: "Не доглядела! Неужели за сутки все съели? А что же дальше?"

— А как ты, пострел этакий, досюда добрался? Ведь мины кругом? Я-то их вел по моей тропе! — вступил в разговор Спирид Матвеевич.

— А я по-партизански, за вами след в след. Я в лесу здорово ориентируюсь.

Все заулыбались.

— Готовый разведчик! Вот и будешь помощником Матрене Исаевне, — сказал Соколов. — А сейчас, Матрена Исаевна, примите от нас небольшой гостинец. Для вашей "армии" это, прямо скажем, капля в море, но чем, как говорится, богаты... Получите от нас две фляги пшенной каши и ведро молока. Поддержите хотя бы слабых и тех, у кого совсем ничего нет. Такие- то ведь есть?

Мотя, вздохнув, кивнула утвердительно:

— Спасибо вам всем от наших ребят. Только как мы это все дотащим?

— Два помощника у вас есть, да Спирид Матвеевич с Сашей Шошиным, он сейчас сменится. Они вам помогут.

— Ну, ребята, — обратился комиссар к Ване и Семе, — бегите пока в госпиталь, а нам тут поговорить надо.

— Приступим к главному, из-за чего мы вас пригласили, Матрена Исаевна, — сказал Воротников, как только мальчишки и Шошин выскочили из штаба.

— Вот, читайте, — и подвинул листок бумаги.

"Информация штаба "Бати". Командирам партизанских бригад и полков. 24 июля 1942 года.

В наш партизанский край противник забросил большое количество шпионов из бывших военнопленных, специально подготовленных в школах. Все шпионы хорошо осведомлены о наших воинских частях, знают командиров рот по фамилиям и именам. На руках имеют документы, красноармейские книжки. Вооружены винтовками, некоторые ППШ. При задержании говорят, что их части разбиты и они якобы оторвались от своих частей. Таких шпионов поймано двое. Старшие из заброшенных групп имеют рации и передают сведения самолетам, которые

кружатся над районом раций. Командирам партизанских отрядов приказываю:

- 1. Всех подозрительных задерживать*
- 2. Доставлять в штаб*
- 3. Усилить бдительность*

Особенно предупредить командира 3-й бригады, через его район деревень Терешино, Маховичи пробрались две группы шпионов, одна 8 человек, другая 12 человек".

Из этого мы делаем вывод, — продолжал Воротников, — что готовится очень серьезная операция против нас. Во что бы то ни стало немцам надо ликвидировать этот край. Располагаем мы и другими разведанными. Смотрите, — Воротников обвел круг по карте. — Ясно, что для уничтожения "Слободских ворот" немцы готовят операцию. Когда она будет? Думаем, что где-то в конце августа, начале сентября. Не оставляет сомнений и то, что эвакуации детей немцы всеми силами будут мешать. Наша разведка, например, сегодня сообщила факты, имеющие отношение к эвакуации. В деревне Шилы Касплянского района фашисты схватили четырех мальчишек по четырнадцать лет, собиравшихся уйти на Большую землю, в том числе братишку учительницы Марии Николаевны Ивченко, готовящей отpravку ребят, и двух стариков. Всех их расстреляли. Родные стояли здесь же. Их согнали, чтобы показать, так будет со всеми, кто попытается уйти. До темноты стояли палачи, не разрешая родным даже приблизиться. Только ночью разрешая родным даже приблизиться. Только ночью матери, родственники смогли похоронить детей. Схватили фашисты и инструктора Касплянского райкома партии Екатерину Аксеновну Кушакову, которая тоже работала по эвакуации детей. Долго пытали, но ничего не добились, расстреляли. Даже похоронить не давали, повесили табличку: "Кто возьмет тело партизанки — будет расстрелян!" И еще печальная весть из Первой бригады. Полину Медведкову, знаете?

— Отлично знаю! Учительница из Озерецкого, партизанка отряда Павла Анисимова. Уж не случилось ли что с ней?

Случилось, Матрена Исаевна. Мы планировали ей поручить вывести следующую партию детей. Она ведь сотни красноармейцев, ребят и девочек вывела в партизанский край. Смелая, места знает хорошо. Но вот недавно в Избичном, в бою, ее контузило, отправили без сознания, выживет ли? А теперь сделаем вывод, — подытожил Воротников. — Фашисты знают о нашей операции. Дети как рабочая сила нужны им самим. Когда вы шли, "рама" над вами кружила?

Мотя кивнула.

— Вот поэтому мы и решили изменить вам маршрут. Верстовка при вас?

Мотя развернула на столе свою карту.

Раньше переход планировался через Матисские болота на Желухово и Слободу. Там проложена партизанами по болоту лежневка на протяжении более десяти километров. По ней прошла уже не одна группа. Но эти болота можно проходить только днем, так как сейчас все подступы к этой лежневке мы заминировали. Враг ее обнаружил. Она разрушена местами, временами ее обстреливают дальнобойными, а порой бомбят. Да и болота там такие, что, если ненароком оступишься, недалеко до беды. Вот почему для такой "армии", как ваша, этот маршрут отпадает. Есть другой вариант.

Спирид Матвеевич обнаружил в лесу лежневую дорогу, которую немцы этой зимой проложили. Дорога проходит по глуши. Очень нелегкая дорога, заброшенная. Но другого выхода нет. Идти будет чрезвычайно трудно, тем более что идти надо, стараясь не обнаружить себя. Это должны понять ваши помощники и все ваши ребята. Фадеев проводит вас до села Старый Двор под Слободу.

— Теперь все ясно, Матрена Исаевна?

— Все ясно, товарищ капитан. Разрешите идти?

— Действуйте! Удачи вам!

Все трое крепко пожали Моте руку. На улице ее уже ждали Ваня, Сема, Фадеев, Шошин с тремя флягами. Рядом стояла маленькая девушка в белом халате. Она бросилась к Моте.

— Здравствуйте, Матрена Исаевна!

— Лилечка, ну как ты? Играть-то приходится ли?

— Что вы, Матрена Исаевна, некогда. А как иногда хочется!

До войны Лиля училась в музыкальной школе. А сейчас была не только медсестрой, но и отважной разведчицей. Лиля протянула Моте пакет с медикаментами.

— Возьмите, пригодится. Здесь бинты, таблетки. Если нормальной воды не будет — растворите таблетку. Но много не пейте.

— Спасибо, Лилечка!

Уходя, Мотя несколько раз оглянувшись, помахала рукой. Начиналось утро. Идя за проводником, Мотя задумалась. Не выходила из головы Полина, "наша Полюшка", как ее ласково звали товарищи. Очень хотелось, чтобы она выжила... Из раздумий ее вывел оклик Спирида Матвеевича:

— Стой! Куда ты?!

Она увидела, как Сема, подбежав к высокой ели, ловко начал взбираться наверх.

— Солнце всходит! Солнце! — уже кричал с верхушки Семен. — Внизу темно, а здесь красотища!

— Мины кругом, а он про красоту! — пробурчал Спирид Матвеевич. — Не сорвись!

Спустившись вниз, Сема сказал:

— Вы за меня не беспокойтесь. Я по деревьям, знаете, как здорово лажу. Научился, когда коров приходилось из деревни гонять в лес от немцев. Как только немцы на горизонте, мы скотину в лес на целый день. Заберемся на дерево и смотрим, что немцы в деревне вытворяют. Один раз мы успели убежать, но без коров. В декабре это было. Накануне проехал через деревню партизанский отряд Жени Баяниста, а на другой день ворвались каратели. Мы сидели на дереве и смотрели, как палили деревню. Все пожгли, а скот и

народ собрали в кучу и погнали по дороге. Я своих родных нашел в Малой Чисце деревушка такая есть. Только и успел побыть у них один день. Рано утром опять нагрянули каратели. Нас пятеро мальчишек бросилось из деревни. Мы с Васей Кукурузовым побежали в лес, а трое в деревню Большая Чисца. Мы-то остались целы, а вот ребят тех расстреляли.

— А как же ты без глаза остался? — поинтересовался Фадеев.

— Я ведь в отряд Саши Петрова попал, в разведку часто ходил, дурачком прикидывался. Как-то возвращаюсь в отряд, вижу, немцы по ржи в обход к нам идут. Как предупредить? Я рванул через поле в открытую. Немцы вынуждены были стрелять. Вот тогда меня и ранило.

— Смотрите! — вдруг крикнул он.

Все подняли головы. Над лесом, словно язычками пламени, охватывая верхушки деревьев, поднималось солнце.

Начиналось утро... Утро 24 июля 1942 года.

ГЛАВА "ДВЕСТИ КИЛОМЕТРОВ ПУТИ"

Огромный лагерь спал. Матрены Исаевны не было уже десять часов. Распределив дежурство среди ребят, Варвара Сергеевна и Екатерина Ивановна обходили лагерь. Летняя ночь подходила к концу. Утро лишь слегка напоминало о себе узкой светлой полоской на горизонте. На лица ребят падал его зыбкий расплывчатый свет.

Был тот час, когда сны приходят самые удивительные. Но какие сны снились сейчас этим ребятам? Лишь немногие из них улыбались.

"Наверное, мирные дни снятся, — думала Варвара Сергеевна, проходя среди спящих вповалку ребят. — Но если бы только эти дни!"

У кустов плакала во сне девочка. Варвара Сергеевна подошла. Узнала в ней свою ученицу Машу Голяцкую.

— Мама, мамочка, — звала Маша.

Варвара Сергеевна положила ей на голову руку, погладила. Глядя на измученное девчоночье лицо, припомнила она рассказ Маши о жизни их семьи при оккупантах. Когда в доме совсем не осталось еды, пришлось собирать милостыню. Иногда подавали зерно, и Маша вместе с братом молола его в жерновах. За этим и застали их однажды немцы. Решив "дополнить" картину, они намазали уставшие изможденные лица ребят печной сажой и, нахотавшись, сфотографировали их. От унижения, невозможности что-либо сделать плакали Маша с братом навзрыд, размазывая по щекам сажу. Успокаивая сейчас Машу, Варвара Сергеевна огляделась. Невдалеке увидела двух сестренок Денисенковых. С их семьей она хорошо была знакома. Кроме Оли и Маши, что спали, прижавшись друг к другу, дома с матерью остались Нина и Леля. У старшей Лели была маленькая дочка, и ждали рождения еще одного ребенка. Всей семьей решили перебраться из Смоленска в село Головицы. Общей любимицей была Нина. Общительная, веселая, доброжелательная, она легко сходилась с людьми.

Как-то в Головицах на ночь разместились немцы. Пришли в их избу. Ребята спрятались на печи, вместе с ними и Нина. Но если младшие вскоре заснули, то Нина не сомкнула глаз и всю ночь внимательно прислушивалась к тому, что говорили немцы. Она до войны учила немецкий язык. А утром, разбудив своих, взволнованно зашептала: "Немцев бьют! Их остановили под Москвой! Немцы в панике!" И, как только немцы ушли из избы, помчалась по деревне разносить радостную весть. А потом все чаще стала исчезать из дома, появлялась неожиданно, собирая деревенских мальчишек и девчонок, давая им срочные задания: то мостик разобрать, то завалить дорогу. Мама всегда переживала и, когда пришла весть о том, что ребят отправляют на Большую землю, не раздумывая, собрала Олю и Машу, приговаривая: "Идите, девочки, хоть вы будете живы!"

"Был дом, была хорошая дружная семья, — думала Варвара Сергеевна, — и вот не стало ничего у этих девчонок. Да и только ли у них?"

Предутренняя зыбкая дымка исчезла, солнце пробежало по лицам ребят из Снорок, Головиц. Варвара Сергеевна поднялась, чтобы узнать, не пришла ли Матрена Исаевна.

У Екатерины Ивановны Громовой в это время были свои заботы. Особенно ее беспокоила питьевая вода. Сколько прошли, а каждый раз все труднее доставать воду. Вчера, например, неизвестно чем бы поили ребят, если бы не бабушка Мария Архиповна. Колодцы засыпаны, в реках воду тоже опасно брать. А тут колодец, да с чистой, родниковой водой. Всех ребят напоили. Пуще глаза берегла свой колодец бабушка, а для ребят не пожалела, все приговаривала: "Пейте, родимые, силенок набирайтесь!"

"Ну и старались ребята!" — Екатерина Ивановна улыбнулась, вспомнив Витю Фомичева. Хоть и крепкий был он парень, а столько перекачал воды, что под конец, упав на колени и подняв руки, заохал: "Ой, ой, рученьки мои, рученьки! Сто бадеек перекачали, куда же мне вас деть?" Пришлось ей на помощь приходить.

"Надо проверить, как он сейчас, ведь вчера действительно перетрутился", — подумала Екатерина Ивановна и повернула к стогу, где спал Витя. Вчера он рассказал о себе. Отец сразу ушел на фронт, и всю заботу о семье взял на себя четырнадцатилетний мальчишка. Не остался он в стороне от партизанских дел: ночами возил в лес хлеб, одежду. Как-то в декабре развозил солому по домам односельчан и только выехал с поля на дорогу, подлетает к нему возок. В нем двое немцев: "Хальт! Хальт!" — "Чего надо? Не видите, что ли, солому везу!" А немец схватил его за ватник и пинками погнал впереди себя, прикрикивая: "Шнель, шнель!" В деревне, поставив Витю к стенке, стал целиться. Второй в это время что-то быстро ему сказал, и опять, схватив Витю, они потащили его к дому, где (Витя знал) скрывался красноармеец. "Гады, мной хотят прикритаться", — сообразил мальчишка. И когда немец втолкнул его в дом, Витя мгновенно захлопнул дверь на щеколду, а сам рванулся в хлев, успев крикнуть: "Немцы!" Он ушел огородами. С тех пор стал слегка заикаться. Екатерина Ивановна посмотрела на мальчишку. Он крепко спал, широко раскинув руки. Убедившись, что все в порядке, Громова пошла дальше. У кустов сидела девочка.

— Ты что?

— Не спится. Я все думаю. О войне, о сестренке своей.

— А сестренка-то с тобой идет?

— Нет, она раньше ушла с небольшой группой. Где она сейчас на Большой земле, не знаю. Встретимся ли когда?

— Обязательно встретитесь. Если не сейчас, то после войны.

— После войны! — протяжно проговорила девочка. — Даже не верится, что она когда-нибудь кончится. Мы от немцев столько натерпелись! Посидите со мной немножко, я так по дому скучаю, по маме. Как-то она там?

Екатерина Ивановна присела на траву. Девочка доверчиво прижалась к ней.

— Как зовут-то тебя?

— Лиза Тихомирова. Папка наш на фронт ушел сразу. Нас у мамы трое, все девочки. Знаете, мы тоже с немцами воевали.

— Это как же?

— У меня старшая сестрѐнка Настя очень смелая. Еще прошлым летом, когда наших пленных красноармейцев по большаку гнали, Настя всех организовала, и мы решили, чем можем, будем им помогать. Сначала кидали кусочки хлеба, картошку. У нас стоял мешок с сухарями, так мы его весь перетаскали на большак. А потом спасали тех, кто сумел бежать. Приносили одежду, прятали, в лес отводили.

— А мама знала о вашей помощи пленным?

— Конечно! Она и сама нам не раз помогала, и партизанам тоже. За эту помощь однажды ее так бил староста-предатель! Так бил, так бил! Но мама ничего не сказала. Чуть живая она тогда домой пришла. И после этого заболела. Вот почему она сразу согласилась отправить нас с сестрой на Большую землю.

— Все будет хорошо, Лиза. Ты все-таки подремли немного. Хоть и утро наступает, а сон тебе обязательно нужен. Силы еще понадобятся.

— А долго идти?

— Долго, Лиза. Вот скоро придет Матрена Исаевна и скажет наш дальнейший маршрут. Подремли — и она, накрыв Лизу старенькой кофтой, поднялась. Навстречу бежал связной.

— А я вас, Екатерина Ивановна, ищу! Матрена Исаевна пришла. Вас ждут.

Громова поспешила за мальчишкой. В окружении связных и старших отрядов на опушке леса Громова увидела Мотю.

— Доброе утро, Катя, — сказала Вольская.

"А вид у нее неважный. Круги под глазами, ноги отекли, — отметила про себя Екатерина Ивановна. — Сколько же сегодня она прошагала? Двадцать, тридцать километров?"

— Ну что, все в сборе? — Мотя рассказала о том, что узнала в штабе, о партизанском подарке, а затем велела

раздать еду самым слабым, поручив это Кате, и коротко добавила:

— О дальнейшем пути расскажет Спирид Матвеевич.

— Что говорить? Делать надо. Дорогу, ребяташки, прокладывать будем. Пройдем по старой лежневой дороге, а она, прямо скажу, не подарок! Ну, вы народ молодой, силы у парней еще хватает, — и оглядел рядом стоящих мальчишек. — Подберите самых крепких из всех групп. Пойдете со мной впереди. Главные разрушения на болотинах и ручьях.

На подъем, нехитрый завтрак времени ушло немного. Но для Моти и этот перерыв был разрядкой. Короткий сон, и вот она снова на ногах.

Первые четыре километра, мимо деревни Городище, прошли довольно быстро. Сказывался отдых. Но как только свернули на лежневку, правее Корева, начались настоящие муки. Дорога, прав был Фадеев, находилась в самом заброшенном состоянии, по ней не могли идти лошади. В колонне сорок подвод, на них все "богатство" ребят. Но без лошадей идти было бы вдвойне мучительнее. На ремонт дороги пришлось привлечь и девчат. Перестилали истлевшие бревна, подгоняли мостовины, прижимая их сбоку перекладинами. Гвоздей и скоб, конечно, не было, поэтому все делали вручную. Самые крепкие ребята держали перекладины и мостовины руками до тех пор, пока не пройдет последняя подвода. Лошади были так измождены, что приходилось, сняв с подводы пожитки, толкать их или тащить телегу на себе. Наде Дроздовой ребята соорудили носилки. Но и она, видя, как тяжело дается эта дорога, временами сползала с носилок и пыталась идти. Каждый метр давался с огромным трудом. Но радовало Мотю, что никто не хныкал, не жаловался. И лишь по команде "Отдых!" падали ребята там, где стояли. Десять-пятнадцать минут — и снова почти непроходимой дорогой вперед. Стоя чуть с краю от дороги, ощущая под собой зыбкую ненадежную почву, Мотя пропускала отряды, вглядываясь в лица, прислушиваясь к разговорам.

И вдруг увидела среди ребят грязного, с засученными рукавами Федора Исайченкова. Он с группой ребят таскал мостовины и укладывал. Со стороны их более чем полторатысячная колонна, ползущая по этой узкой полоске среди топей, выглядела бы экзотично, если бы не было этих измученных глаз, этих мальчишек, почти лежащих на перекладинах, этого мучительного "Эх, взяли!"

Она смотрела на них, удивлялась и гордилась: Она смотрела на них, удивлялась и гордилась: второй день пути. Те же были ребята, и что-то новое появилось в них. Это была ее ребячья армия, которая с боями прорывалась сейчас к своим, на Большую землю.

— Лежневка кончилась! — донесся голос Фадеева. И как эхо, прокатились его слова по всем отрядам. Впереди, слева от дороги, блестело озеро.

— К Покровскому вышли, — сказал Фадеев, подойдя к Моте.

— А ребята-то молодцы! Я, честно говоря, думал, что мы и до вечера не управимся. Эти десять километров сотне равны. А сейчас, — он посмотрел на солнце, — около часа.

— Спасибо, Спирид Матвеевич! Вы нам очень помогли!

— Да что я? Тут до меня столько голов думало, как вас побыстрее переправить. Доброго вам пути! — и он неторопливо зашагал обратно. А за ним, пожав крепко руку Моте, ушел и Федор Исайченков.

— Надо делать большой привал, да и озеро рядом, — сказала Мотя и велела ребятам передать по эстафете, чтобы Громова проверила воду в озере.

Через несколько минут услышали: "Воду можно брать!" Ребята пили эту чистую, прозрачную воду, брызгали друг на друга, кое-где слышался смех.

"Как будто и войны нет", — подумала Мотя. И, словно напоминая

о том, что война совсем рядом, над лесом пролетела "рама". Но им сейчас она была не страшна: густой сосновый лес окружал озеро, надежно прикрывая ребят.

— Варвара Сергеевна, пусть ребята отдыхают. Я уйду дальше.

— Матрена Исаевна, сама отдохни хоть немножко.

— Нельзя мне время терять, Варвара Сергеевна! Ведь в любую минуту может произойти всякое. Не имею права отдыхать.

— Да что ты, не живая, что ли? Ведь не выдержишь! — возмутилась Полякова.

— Выдержу, мне нельзя не выдержать, я за них в ответе, — кивнула Мотя в сторону расположившихся на отдых ребят.

— Когда ждать? — спросила Варвара Сергеевна.

Дорогу совершенно не знаю, буду держаться строго на север, как предупреждали в штабе. От Слободы дорога должна пройти на Королевщину. Там наверняка есть части нашей армии. Туда и обратно... — Мотя задумалась. — Да не раньше, чем часов через девяносто приду. — И добавила: — Если все будет нормально.

Варвара Сергеевна долго смотрела ей вслед, пока Мотя не исчезла за поворотом. "Мы все устали, измотались, как же она должна смертельно устать! Сколько же она за все время нашего пути прошла?" — из раздумий ее вывела подбежавшая девочка.

— А, там ребята пришли.

— Какие ребята?

— Говорят, демидовские.

— Демидовские? — удивилась Варвара Сергеевна. — Откуда они здесь? И много?

— Много. Сто, а может, двести, — бойко ответила девочка. — С ними дяденька. Он, наверное, знает.

На опушке леса она увидела большую группу. Подойдя, сразу заметила знакомого учителя Акакиева. Судьба свела ее с духовщинскими учителями, с Вольской. Но она считала себя демидовской.

Здравствуйте, Варвара Сергеевна, — обрадовался учитель. — Вот уж не думал, что вас здесь встречу. Третьи сутки блуждаем, я совсем расхворался, не ходок больше, а ребят надо довести. Возьмите их в свою колонну.

Варвара Сергеевна задумалась: "Как воспримет мое решение Матрена Исаевна? Ведь она несет ответственность за ребят! А с другой стороны, не взять их, куда они пойдут? Вольская поймет". Она спросила:

— Сколько всего?

— Около двухсот. Еще шесть подвод с лошадьми.

— Ребят переписать надо.

— Вот спасибо, а помощницу я вам найду. Ребятишки, разыщите Машу Тронину из Заик.

Вскоре Машу нашли, и Полякова велела ей составить списки ребят, разбить на группы, человек по пятьдесят в каждой, выбрать старшего и связных, а затем располагаться на отдых.

На вопрос о питании Акакиев сказал:

— Нас в Свистовичах покормили партизаны, а если честно, то не густо.

"Значит, как у всех", — подумала Варвара Сергеевна. Через полчаса принесли список. Посмотрев его, Полякова заметила, что в демидовской группе почти одни девчонки. Маша, словно догадавшись, подметила:

— Это ничего, что одни девчонки, они очень хорошие, дружные. Не подведем вас.

Варвара Сергеевна начала переключку...

В это время Вольская прошла не один десяток километров. На востоке оставалась Слобода — районный центр. Это здесь 16 июля 1941 года Слободской партизанский отряд, которым командовал секретарь подпольного Слободского райкома партии Михаил Нестерович Шульц, принял бой.

Мотя прислушалась. Слева, со стороны Демидова, доносилась артиллерийская канонада. На дороге ни души. По ее верстовке должна появиться деревня Анисенки. Вместо этого она увидела только скелеты печных труб. Пока раздумывала, сверху на бреющем полете прошел желтобрюхий стервятник и прострочил по опушке леса, где только что Мотя заметила подводу с сеном и мечущуюся рядом

с упавшей лошастью женщину. Мотя бросилась с дороги в кустарник.

— Мерзавец, за каждым человеком гоняется! — А "мессершмитт", сделав разворот, уже шел прямо на нее. Она успела нырнуть в кусты, и тут же раздалась глухая дробь крупнокалиберного пулемета, вверх взмыли струйки трассирующих пуль. Не успела опомниться от этой "встречи", как за спиной услышала:

— Руки вверх!

Первое движение — за пистолет, подарок комбрига, но снова окрик:

— Брось, стрелять буду!

Она повернулась. В голове промелькнуло разное: "Свои? А если нет? Что делать? Как же ребята?" Ноги стали ватными, сердце колотилось так, что невольно прижала руку к груди. Перед ней стоял молодой безусый солдатик в красноармейской форме.

Мотя, облегченно вздохнув, присела.

— Кто такая? Пароль? — сурово обратился к ней солдат.

— Подожди, дай отдышаться. Не знаю я пароль... К командиру меня веди.

— Пароль не знаешь, а здесь разгуливаешь, — пробурчал парень, пока вел. На его "разгуливаешь" Мотя улыбнулась. "Ничего себе, прогулочки у меня!"

Навстречу им вышел сержант. Встретил он ее неприветливо. Увидев планшет, насторожился:

— Что в нем?

Обнаружив верстовку, да еще немецкую, прямо рассвирепел:

— Много вас тут появляется с такими штуками.

Обидно было Моте за эти слова, но сердиться на сержанта она не могла, помнила разговор в штабе о диверсантах. Она только устало попросила:

— Отведите меня к командиру, товарищ сержант. Там все объясню.

Вскоре они подошли к землянке, рядом с которой за наспех сколоченным столом сидел лейтенант. Вольская подала ему удостоверение, подписанное Цурановым. Лейтенант пригласил сесть и внимательно выслушал рассказ.

Вам надо в штаб. Дело-то очень серьезное. Но в штаб далеко...

Я понимаю, лейтенант, военные дела есть военные, но, если мне надо попасть в штаб, вы должны мне помочь туда пройти. Штаб на пути нашего следования?

Да, по пути на Королевщину. Идите в Жируны. Вот вам ваша карта. Днем по дороге идти нельзя, только ночью. У фашистов пока в воздухе сила. И чтобы вас больше не задерживали, возьмите это... — Он быстро написал на листке бумаги что-то и расписался. Они попрощались. Сержант, проводивший ее, объяснил, что этот лейтенант — командир особого подразделения и его записка для Вольской очень важна. В сержанте уже ничего не напоминало того сурового, неприветливого человека, с которым Мотя встретилась полчаса назад. Они обменялись рукопожатиями.

Выйдя на опушку, она раздумывала над словами лейтенанта о дороге. Ночью она отдана технике, войскам. Как идти против движения? Двигаться по опушке? Ребята-то, допустим, пройдут, ну а лошади с подводами? Что-то надо придумывать.

Она шла быстро, оставляя позади деревни Березуги, Агеевщину, Матюшево. Впрочем, от деревень остались только названия. Лишь по печным трубам определяла Мотя пройденный путь.

Мякуры, пожалуй, были единственной деревней, где сохранилось несколько домов. А раньше, видимо, было большое село. Записка очень выручала ее. Поскольку зона считалась прифронтовой. Мотю часто останавливали.

Время шло к вечеру, когда она подошла к Жирунам. Здесь тоже уцелели несколько домов да здание школы. Ее остановил чей-то радостный крик

— Матрена Исаевна?!

Ее догонял Коля Ровнягин, с которым она была в одном партизанском отряде

— Коля! Вот встреча! Как я рада! Ты-то что здесь делаешь?

— Комбриг Апретов за боеприпасами послал. Я ведь эти места знаю, сам из села Старый Двор. Потому меня и направили. Оружие получил. Сам комдив Турьев со мной говорил. Велел привет комбригу передать, про дела наши партизанские расспрашивал.

— Ох, как мне комдив нужен! Где он сейчас? Где штаб? Коля присвистнул.

Все снялись, Матрена Исаевна. А куда — не знаю. Но здесь уже точно никого нет. А я вот темноты жду, днем-то нельзя, охотятся, сволочи, не то что за конными...

— Как же мне быть? Как детей провести? Может, ты посоветуешь? Где их разместить?

— Видел я мальчишку из местных, он наверняка здесь все тропинки знает, — сказал Ровнягин. — Да вон он! Эй! — Николай свистнул. К ним подошел парнишка лет тринадцати.

— Тебя как зовут?

— Не скажу...

— Почему?

— Не хочу в тыл... Хочу здесь...

— Ты один.

— Ага!

— А что один то делаешь?

— А я сбежал! В Дегтях со всего Слободского района ребят собрали, чтобы переправить, все комиссию проходят. Меня тоже смотрели, стали советоваться — брать или не брать. Уж больно я им показался слаб. Ну пока они советовались, я и сбежал.

— Ну а дальше что будешь делать?!

— Сейчас на Ельшанку пойду за щавелем, а дальше видно будет.

— Ты, поди, голодный?

Мальчишка сглотнул слюну.

— На, пожуй, — и Коля протянул мальчишке сухарь. Тот с жадностью его схватил.

— А ты нам не поможешь? — спросила Мотя.

— А что делать-то надо? — похрустывая сухарем, поинтересовался мальчишка.

— Мы тоже переправляем ребят в тыл. Идем из Духовщинского района, — объяснила Мотя.

— Так вот, мы придем сюда завтра утром. Постараемся часов в пять. Сможешь ты наш полторатысячный отряд разместить где-то в этих местах? Чтобы от воды недалеко и щавеля было много. Ты говоришь, что он голод утоляет?

— Полторы тысячи? — протянул мальчишка. — Здорово! Буду вас ждать завтра здесь. — А потом достаточно подробно объяснил Моте, какими тропами и просеками удобнее будет идти ночью. Мотя поблагодарила его. Так неожиданно она нашла себе еще одного помощника. А про себя решила, что завтра и его возьмет с собой. Парнишка-то, видно, один как перст.

Пропадет, если на Большую землю не уйдет. Они распрощались с Ровнягиным.

Обратно Мотя уже не шла — бежала. Надо было успеть к ночи, чтобы сразу поднять ребят и вести их путем, который только что прошла. На всю дорогу лишь короткая летняя ночь.

— Быстрее, быстрее, — подгоняла она себя. Иногда казалось, что легкие не выдержат, разорвутся. Тогда, в короткие передышки, она вспоминала партизанскую школу, тот апрельский бой у Преображенского. Лед еще оставался на краях озера, когда они решили зайти в тыл к фашистам по ледящей воде озера, когда они решили зайти в тыл к фашистам по ледящей воде озера. Вспомнила первое ощущение, когда словно миллиард иголок вонзаются в тело, когда холод пронзает насквозь, когда из груди рвется крик, а ты должен молчать, потому что тишина — залог успеха операции. Эта закалка, это умение подчинить свое сердце, свое измученное тело, в котором все бунтовало против бешеного темпа, заданного ею, помогали сейчас идти вперед.

На небе уже взошла луна, когда Матрена Исаевна появилась в лагере. Все ждали ее. Быстро доложив обстановку своим помощникам, Мотя дала команду.

— Мы должны за ночь пройти около двадцати пяти километров. Мы впервые будем идти в темное время суток. Всем быть предельно внимательными, старшие, следите за своими группами, за интервалами. Идти на расстоянии видимости. В путь!

— В путь! — пронеслось по всей колонне. И в наступившей летней ночи словно ожило и задвигалось огромное живое тело, медленно вытягиваясь в длинную, узкую колонну, уходящую на север.

Сейчас Вольская шла впереди. Овраги, перелески, остающаяся с края дорога были знакомы только ей. Порой она ловила себя на мысли, что уснула на ходу. Она встряхивалась, хлопая ладонями по лицу, но через минуту-другую сознание опять заволакивала туманная дымка. И она снова и снова боролась с этой навалившейся на нее усталостью и дремотой. В один из таких моментов услышала знакомый голос. Перед ней стоял мальчишка лет шестнадцати. В ночной темноте она не сразу узнала его.

— Матрена Исаевна! Не узнали? Да Коля я, Фоменков!

— Коленька! Как ты здесь оказался?

— Ровнягин приехал, о вас рассказал. Вот комбриг Апрегов и распорядился, чтобы я тоже с вами ушел. Я сопротивлялся, а он:

Выполняй приказ! Догоняй Вольскую! Заодно поможешь! Теперь я вижу сам, что помощь действительно нужна. Вон их сколько!

— Да Коленька, нелегко сейчас. Ты помоги на узких участках, там с лошадьми трудно пройти. У тебя ведь опыт партизанский есть, особенно по ночным вылазкам. Действуй!

— Есть! — ответил Николай и скрылся в темноте.

Колонна, не останавливаясь, продолжала свой ход в ночи. К Жирунам первые отряды подошли около шести утра, когда солнце уже светило вовсю. Навстречу Моте бежал вчерашний знакомый.

— Что же вы так долго? Я вас так ждал!

— Долго? — Мотя с трудом улыбнулась. — Ночью нам идти сложнее. Ну как, подыскал место для отдыха?

— Можно в школе, там только окон нет, да в сараях за деревней.

Вот с водой плохо. Лето жаркое, Ельша здорово обмелела, одни болотины да грязные лужи... Не годится для вас такая вода.

Вокруг них уже столпились ребята. Подходили остальные отряды.

— А вы сейчас как черти болотные, — прыснул мальчишка.

— Устали ребята, отдых и вода нужны, — сказала Мотя. — Кстати, а колодцы?

Из колодцев пить нельзя, вода в них поганая. Из Щучьего озера можно брать воду. Наши солдаты, когда здесь стояли, тоже оттуда бочками возили.

Мотя развернула верстовку.

— А где сейчас могут быть немцы.

— Как где? На том берегу Щучьего, в районе Селезней еще, отсюда километров пятнадцать — двадцать будет. Они к нам часто гостинцы присылают, — ответил мальчишка.

Мотя насторожилась:

— Здесь нельзя оставаться! Как же раньше то я не догадалась об этом расспросить! Коля, быстро веди в лес первую группу ребят, подальше от деревни!

Вольская осталась здесь, подгоняя отряды, которые растянулись и шли еле-еле. Мотя понимала, что, если сейчас они не скроются, немцы могут начать обстрел. Над головой противно жужжала "рама".

— Быстрее, быстрее, бегом в лес! Ребята, миленькие, поторопитесь! Она видела, что измученные дети шли к деревне с надеждой на отдых. ноги уже не слушались. Но ее волнение передалось и детям. Стройность колонн исчезла, ребята устремились к видневшемуся лесу. Тревога передавалась и задним отрядам. Мимо пробежали Громова и Полякова.

Мотя крикнула:

— Может начаться обстрел! Быстрой!

А сама все стояла, подгоняя ребят, руками показывая направление. Голоса уже не было. С последним отрядом она побежала к лесу.

— Ничего, еще бегаем! Значит, не пропадем! — запыхавшись, проговорила бежавшая с ней худенькая девочка. Мотя про себя заметила: "Маленькая, а других поддерживает".

Как только основная колонна скрылась в лесу, ухнуло где-то на западе. В деревне, из которой они только что ушли, разорвался снаряд, за ним другой. Грохот нарастал, но здесь лес был ему заслоном.

— Где Варвара Сергеевна? Все ли проскочили? — Мотя на секунду представила, что могло бы произойти сейчас там, в Жирунах, и ей стало страшно. Она опустила на землю. Вид у нее был такой, что девушка участливо спросила:

— Вам плохо?

— Нет, нет, ничего, все в порядке! Сейчас все пройдет.

Вокруг располагались ребята. Возбужденные бегом и минувшей опасностью, они не собирались спать, на всех нахлынули воспоминания. Девочку, на которую обратила внимание Мотя, звали Ниной Пастернак. Под ее рассказ Мотя задремала. Где-то рвались снаряды, а здесь было прохладно, не было опасности, вспоминался дом.

— Какая у вас красота сейчас! — рассказывала Нина. — Деревня наша Хатынка вдоль озера разбросана, река Хатынка. На реке — мельница. Мост через речку, дорога на станцию Ярцево. Закрою глаза и все это вижу. Цветы! Трава! Я в них хорошо разбираюсь. Отец научил, да и сами мы, как только проталины начинались, из дома за зеленью отправлялись и все съедобное жевали.

Мотя дремала, рассказ Нины убаюкивал, наплывали картины детства, походы в лес. Неожиданно мелькнуло: "А ведь из рассказа можно что-то взять. Зелень. Да, да. При наших харчах это будет какой-то выход". Она очнулась.

— Нина, ты о травах рассказывала. Можешь ребятам показать, что съедобно?

— Конечно, — ответила девочка.

— Пройди по отрядам и расскажи.

Вскоре разбрелись ребята по лесу, кустарникам, выбегая на берег Ельши. Обстрел кончился. Стало относительно спокойно. Подорожник, заячья капуста, березовая мездра, одуванчик — все шло в дело, не говоря уже о землянике, малине и изредка встречавшейся черной смородине. Мотя уснула крепко. Она долго не могла стряхнуть с себя сонное оцепенение, хотя отчетливо понимала, что ее будят.

Перед ней стоят Варвара Сергеевна. Вид у нее был измученный, чувствовалось, что она еле стоит на ногах.

— Что случилось? Почему вас так долго не было?

— Последний отряд проскочить не успел, взрывы преградили дорогу... Я видела, что они пытались уйти в лес, но меня оглушило... А когда пришла в себя, ребят уже не было...

— Не будем паниковать. Давайте разберемся, — стараясь не выдать своего волнения, заговорила Вольская.

— Во-первых, замыкающим у них был минер-разведчик; во-вторых, во главе отряда Коля Анищенков. Этот не пропадет, из любого положения выход найдет. А в-третьих, наши разведчики Коля Фомичев и Сема Филиппенков попытаются их разыскать.

В это время к ним подбежали ребята.

— Матрена Исаевна! Матрена Исаевна! Листовки!

Она окончательно проснулась.

— Какие листовки? — рядом с ней стоял Коля Фоменков.

— Немцы с "рамы" сбросили, специально для нас.

— Он протянул ей пачку листовок.

"Дети ФЗУ, не прячьтесь в траву! Куда идете, я и там вас найду! Не убегайте, детки, будут из вас котлетки! Возвращайтесь назад! Немецкая армия несет вам освобождение!"

Ребята подносили все новые и новые экземпляры.

Кто-то сказал:

— Очередная фашистская брехня! Знаем мы про их освобождение! У нас в деревне всех мужчин, что пришли из окружения, вызвали в комендатуру, якобы для регистрации. Кто поверил — пошел и не вернулся. Ну, а кто поумней, как мой отец, ушел в партизаны.

Ребята зашумели.

— Так они же нас обстреливали сначала, а сейчас говорят, чтобы мы вернулись.

— На-ко-ся, вы-ку-си! — и какой-то мальчишка выразительно поднял кулак к небу.

Мотя поняла, что наступил тот момент, когда она еще раз должна поддержать мысль: возвращение домой — смерти подобно.

— Я хочу рассказать вам об одном мальчишке. Совсем недавно он погиб, вернее его убили.

Мне рассказал об этом вчера мой партизанский товарищ. В мае этого года к нам в отряд пришел Тимофей Сергеевич Огурцов. Пришел не один, а с сыном Володей. Володе было лет тринадцать. Отец души не чаял в нем. Это Володя убедил отца уйти к партизанам. Смышленного, наблюдательного Володю мы часто отправляли в разведку. Тимофей Сергеевич всегда переживал за него, но сын доказал, что за него можно быть спокойным. Сколько сведений мы получили через Володю! В начале июля, когда я уже занималась подготовкой к этому походу, группа партизан, а среди них был и отец Володи, возвращалась с задания. Заметили на дороге телегу с бочкой, а на ней мальчишку. Он кого-то искал. Может, он и заметил прятавшихся партизан, но подойти к ним помешал мотоцикл с двумя фрицами, неожиданно вынырнувший из-за поворота. Немцы, видимо, в чем-то заподозрили его и, схватив за руку, стащили с телеги. Мальчишка сначала пытался объяснить, что он едет к реке, но, когда немец с силой дернул его к себе, отчаянно крикнул.

— Не пойду! Хоть колите, как Володю!

Тимофея Сергеевича как током ударило: "Володя?! Он же сейчас в разведке! Не о нем ли говорит мальчишка? Что делать? Выдать себя? Но и смотреть, как будут фашисты над ним измываться, нельзя". На прицел взяли одного, потом другого. Подбежал мальчишка.

— Там Володю фашисты пытаются, колют, скорей. У нас все его знают, он из соединения "Батя". Он и раньше к нам ходил.

Тимофеем Сергеевич бросился вслед за мальчишкой. Когда партизаны прибежали на место, было уже поздно. На обочине дороги лежал Володя. Двадцать штыковых ран и две пулевые насчитали на теле мальчика. Горе отца передать невозможно. Так погиб Володя Огурцов. А ведь он мог быть среди нас. Вот настоящая цена фашистских листовок! — добавила Мотя.

Ребята молчали. У каждого, наверное, встали перед глазами картины зверств, издевательств. Вспомнили замученных родных, знакомых, свои беды. И это молчание стало минутой памяти маленькому разведчику.

Мотя поднялась. Для нее отдых кончился. Пора было снова отправляться на разведку маршрута.

Беспокоило отсутствие отряда Анищенкова. Разведчики-ребята доложили, что на месте взрывов раненых и убитых они не нашли.

— Тогда успели уйти в лес. Значит, встретимся. Надо узнать, как в основной группе дела. Катя! — окликнула она Громову. — Как ребята?

— Я уж о царапинах, ссадинах не говорю, хотя за одну ночь наполучали их предостаточно, — ответила Екатерина Ивановна. — Лечим подорожником. Опасаюсь одного — чтобы от голода эпидемия не вспыхнула. Да еще с водой скверно. Как могу, экономлю таблетки на дезинфекцию, но уж слишком часто приходится ими пользоваться.

— Да, чуть не забыла. Разыщите нашего проводника из Жирунов и возьмите с собою.

— Попробуем.

— А я сейчас попытаюсь найти ближайший путь к реке.

— Опять до вечера? — спросила подошедшая Варвара Сергеевна.

— До вечера. А вы отдыхайте, ребята пусть поспят.

— Тетя Матрена! — окликнул ее племянник Ваня. — Это вам, на дорожку. — И он протянул Моте горсть спелой брусники.

— Спасибо, Ваня. А сам-то ел?

— Ел! Ее здесь много! — Подбежала Таня и тоже высыпала горсть.

— В добрый путь! — помахали ей Громова с Поляковой.

Идти поначалу, даже после непродолжительного отдыха, было тяжело. Руки, ноги словно налились свинцом. И лишь мозг работал ясно, безостановочно подавая команды: "Надо идти, надо идти". Она шла сейчас тем участком, где ночью по дороге можно будет спокойно провести ребят. Еще лейтенант показал его на карте. Напрямую к реке Межа, в сторону которой она шла, нет моста, и наши части движутся к фронту окружным путем. По верстовке на левом берегу Ельши деревни сменяли одна другую. Но они остались лишь на карте: Евсеевка, Козеевщина, Абрамовщина. На их месте торчали обгорелые трубы.

Было около трех часов дня, когда она вышла к селу Королевщина. Несколько уцелевших домов да обгорелые деревья. Кругом ни души. Жара стояла невыносимая. Пот застилал глаза, мучительно хотелось пить. Ей надо дойти до речки Межи, отыскать броды. И еще успеть вернуться назад. До темноты остается часов пять-шесть, а впереди тридцать километров. Как заставить идти свои ноги быстрее? Она шла уже автоматически, быстро выхватывая из окружающей обстановки самое необходимое. Тропки привели к воде, к бродам. Речная прохлада освежила ее, остудила горевшие от жары лицо и тело. Пройдя три брода и убедившись, что они пригодны для перехода, Мотя решила возвращаться. Сил, чтобы дойти до видневшегося километра в трех леса, уже не было. Главное, чтобы до рассвета привести ребят к реке, искупаться и уйти на день в этот лес.

На обратном пути Мотя временами останавливалась и дремала несколько минут, опять шла, постоянно подгоняя себя, уговаривая: "Я выдержу, выдержу... Люди неделями не едят, не спят, а я только несколько дней!" Порой она ловила себя на том, что разговаривает сама с собой. Так, километр за километром бросала Мотя свое измученное тело вперед, туда, где ее ждали ребята...

А в это время Громова решила обойти все отряды. Около большой группы ребят из Демидова она остановилась, прислушалась. Маленькая девочка о чем-то рассказывала. "Кажется, это Паша Медведева из Борка", — вспомнила Екатерина Ивановна. Разговор шел о цветке. Паша убедительно доказывала, что это необычный цветок и рвать его нельзя.

— Почему нельзя? — зашумели ребята.

— В далекие-далекие времена в непроходимых тогда смоленских лесах селились люди вольные, смелые. Много трудов положили они, чтобы отозвалась на их заботу земля. Наступила лихая година — монголо-татарское иго, дошли завоеватели и до Смоленщины. Снарядили тогда смоляне на бой с врагом могучего Ивашку. Наковали для него стрелы острые, рогатину, которую только он мог поднять. И напутствовали его словами, чтобы живота своего не жалел ради родимой земли. Провожала его Анюта. Любили они друг друга. Сказала Анюта на прощанье Ивашке: "Бейся храбро, а я всегда буду с тобой. А в трудную минуту вспомни мои глаза". И она посмотрела на него своими голубыми, как чистые озера, глазами. "И нас вспомни!" — сказали подружки Анюты, из-под платков вспыхнули карие, черные, голубые глаза. Долго воевал Ивашка, но однажды пришла трудная минута. Окружили его со всех сторон враги, не было им ни конца, ни края. Руки устали пику держать, тело изранено. Упал он на землю и прошептал: "Анютини глазки, силу дайте мне!" И поднялся Ивашка во весь свой рост, словно поднял его кто-то над землей. Много врагов положил он, как будто сама земля силу ему давала. Дрогнул враг и отступил. А на

том месте, где сражался Ивашка, выросли цветы, которые мы зовем анютиными глазками.

Екатерина Ивановна не заметила, как подошла Варвара Сергеевна.

— Заслушалась, — сказала она, когда Паша закончила. — Почаще бы нам рассказывать ребятам легенды да сказы. В них ведь тоже сила наша, — продолжала Громова, когда они отошли от рассказчицы. Навстречу им попались двое что-то жующих мальчишек.

— Батюшки, да вы никак сырую картошку едите, — всплеснула руками Громова, увидев у них в руках мелкую свежую картошку. — Где взяли?

— А в деревне, — ответили мальчишки. — Ее там много! Мы покажем!

Это были два брата — Толя и Юра Орешновы.

— За нас не беспокойтесь, мы чего только при немцах не едали!

— Нет, нет, — возразила Полякова, — давайте-ка для верности испечем ее на костре. Она и вкуснее будет.

Ребята охотно согласились.

В группе ребят из Петрищева, Судников, Прелева Аня Ткачева рассказывала о своем брате-бригадире:

— Он сразу пошел на войну, а перед уходом собрал всех петрищевских и сказал: "Дорогие односельчане! Сколько ни будем мы воевать, а победа будет за нами!" В начале этого года брат погиб под Ленинградом. Но я помню его слова о победе, и, как только приеду на Большую землю, работать буду изо всех сил, чтобы помочь фронту.

Уже смеркалось. У небольшого костерка расположились ребята из Басина, Озерецкого, Навольнева, Никуленки.

— О чем земляки Матрены Исаевны разговоры разговаривают? — спросила Варвара Сергеевна, присаживаясь у костерка.

— О доме вспоминаем, — вздохнула Оля Царева. — О родителях. Как они сейчас там? Поди, за нас им еще и попадет!

— У нас мамка знаете какая? — в один голос сказали Варя и Соня Новиковы.

— Ее в гестапо в Демидове пытали за Таню, сестру нашу, а она ничего не сказала!

— А у меня папка, — добавила Таня Касаткина, — партизанам все время помогал, даже поросенка тайком выращивал для них. И все было бы ничего, если бы не одна предательница из соседнего села. Приехали однажды и — прямо к потайной дверке. Поросенка увезли, а отца избили. Все грозились расстрелять. Увижу ли когда его? — И Таня, отвернувшись, вытерла слезы.

Все замолчали. Тихо потрескивали сучья в костре, изредка вспыхивая и освещая чье-то лицо.

— Скоро должна вернуться Матрена Исаевна, — тихо произнесла Полякова.

Из-за кустов, словно дожидаясь этих слов, появилась Вольская. Ребята бросились к ней.

— Подождите малость, сейчас отдышусь, — и Мотя буквально упала на землю. Кто-то заботливо протянул ей сухарь. — Спасибо, ребята, — сказала она и подумала: "А ведь за все время у меня маковой росинки во рту не было!"

Подошедшая Катя Громова помогла растереть ноги.

— Готовьте ребят. Сейчас тронемся. Маршрут я проверила, на пути есть вода. Я сейчас... только пять минут... сна, — уже засыпая, проговорила Мотя. Как ни старались ребята продлить ее сон хоть на час, она проснулась через несколько минут, словно ее толкнули, и сразу спросила:

— Все готовы? Тогда в путь!

Выравниваясь в колонну, вновь потянулись отряды, ручейком вытекая из леса на ночную дорогу. Небо было чистое, звездное. Почти все шли босиком. Нагретая за день дорожная пыль приятно согревала ноги. Среди негромких разговоров да шороха тысяч ног вдруг раздалась звуки губной гармоники.

— Это Петя Дударев. Хорошо парень на гармошке играет, вот ее не взял с собой, только губную прихватил, — сказала Варвара Сергеевна.

— А гармонь нам бы здорово помогла, — добавила Мотя.

— Что-то мне не нравится, как себя ведут ребята из Бибииков, — продолжала Полякова.

— А в чем дело?

— Да все шепчутся о чем-то. Как подойду — замолкают.

— Уж не собираются ли деру дать? Вы последите за ними, Варвара Сергеевна.

Проходили деревню Цибульки. Ребята оживились, увидев настоящие качели. И пошли воспоминания об играх, о родных местах. Кто-то даже попытался, выбравшись из колонны, добежать до качелей и покататься.

Часов в двенадцать ночи по всей колонне раздалась крики связных:

— Стой! Стой!

— В чем дело? — поспешила к хвосту колонны Мотя. — Не останавливаться! Не останавливаться! — Она понимала, что остановить сейчас ход такой колонны, значит, потерять драгоценное время. Дождавшись последних отрядов, она увидела догонявшую их телегу со стариком.

— Начальника мне! Начальника колонны!

— Я начальник!

Старик слез с телеги и недоверчиво посмотрел на Мотю. Потом сказал:

— Ильин я. Ребята у меня там, — он махнул рукой в сторону, — слободские. Собрали их в Дегтях, а сопровождающего нет. Уж трое суток ждут. Измаялись ребятишки. Прознали мы, что ваша группа идет, решили попросить и наших забрать. Вот и отправили меня к вам.

— Сколько ребят? — коротко спросила Мотя.

— Да поболее двухсот будет.

— Дегти километра два отсюда?

— Примерно.

— Возьму ваших ребят. Возвращайтесь и догоняйте нас. Мы вас за Межей в лесу подождем, если ночью не догоните.

— Так ведь стар я туда, обратно...— попытался объяснить старик, но Мотя ответила:

— Дедушка, это не только нам с вами нужно, это ребятам необходимо! Останавливать колонну я не имею права.

— Ясно, — ответил старик и, развернув лошадь, погнал ее в сторону Дегтей.

А Мотя догоняла ребят. Лишь к рассвету вышла она к головному отряду. Уже была видна извилина Межи. При переправе пришлось поторапливать ребят. Все обрадовались воде, плескались, барахтались, пили долгожданную воду, задерживая движение. Красный круг солнца уже выплывал на востоке, а они еще не добрались до леса и были видны сейчас и беззащитны перед любым фашистским стервятником. Подгоняя ребят, Мотя заметила и деда Ильина. Его слободские уже влились в строй. С первыми лучами солнца над головами ребят снова противно завывала "рама". Теперь ребят не надо было подгонять, до леса оставалось немного, и они мчались наперегонки, помогая тащить лошадей, не обращая внимание на листовки, которыми опять пыталась засыпать их "рама". Сделав несколько кругов, фашист улетел. Рядом с Мотей оказался мальчишка. Он был из новеньких. Развязав свой мешок, протянул Моте кусок хлеба с салом. От одного вида хлеба у нее закружилась голова.

— Да вы берите, не стесняйтесь! У меня еще есть! — и он вдруг разговорился. Мотя слушала его нехитрую историю.

Звали его Витей Слесаревым. Он из деревни под Слободой. Семья была большая, но жили хорошо. В доме всего было вдоволь. С приходом немцев начались грабежи. Мать попыталась не давать продукты, но ее сильно избили, а все, что можно, из дома забрали. Как-то Вите довелось испытать страх перед расстрелом.

— С дедом Ильиным знакомы? — спросил он. — Ну который нас к вам привел?

Мотя кивнула.

— Так вот, собрали нас, всех мальчишек, да двух дедов — Ильина и Старовойтова, выстроили на улице и давай

поверх голов стрелять. Сначала думали, что расстреляют, а потом Ильин говорит: "Не бойтесь, ребяташки, это они запугать нас хотят. Мы им живые нужны. Жрать - то им надо". А нас чем больше пугали, тем мы отчаянней становились.

Моте нравился этот мальчишка обстоятельностью и своим неторопливым разговором.

— А откуда же у вас продукты? — поинтересовалась она у Вити.

— Зимой деревня наша стала партизанской. Мы весной и посеяли, и скотина кое у кого осталась. Нас колхоз в дорогу собрал.

— Спасибо тебе! Накормил! Сейчас отдыхай. Теперь не скоро тронемся дальше.

И Мотя пошла по лесу, проверяя, как расположились ребята. С приходом слободских и демидовских в колонне становилось уже около двух тысяч. Чем могли, делились сейчас ребята, развязав свои котомки. Особенно подкармливали слабых. Мотя радовалась этой поддержке. Значит, и дальше будут дружны, а путь-то еще долгий!

Ребятчи голоса звучали в лесу, а потом все смолкло. И даже грохот орудий, стрекот пулеметов, раздающийся за лесом где-то в стороне, не мог помешать сну этого походного лагеря. Шумел над ними сосновый бор, смолистый запах наполнял воздух. Мотя уснула. Спала часа три. Было около десяти утра, когда она открыла глаза. Огромные корабельные сосны тихо помахивали своими ветками. Было так хорошо, что не верилось, что идет война. Мотя приподнялась. Вокруг в самых живописных позах спали ребята.

Тихо, стараясь никого не потревожить, она вышла из леса. Начинался жаркий день. В этот раз ей надо было дойти до местечка Кукуево. Ей повезло. В ту сторону ехал на тарантасе молодой солдатик. Мотя попросила разбудить ее, когда доедут до места. Глядя на измученное лицо, он не стал докучать вопросами. И она под мерное тарыхтение телеги и пофыркивание лошади задремала. Очнулась, когда солдатик сказал:

— Приехали, Кукуево!

Этот участок был для нее самым легким, поэтому до своих она добралась сравнительно быстро. Оставалось время для отдыха.

А с наступлением темноты снова в путь. Ночь прошла без происшествий. Остановку сделали в лесочке, не доходя километров трех до деревни. Было утро 27 июля. Отставший отряд Коли Анищенкова догнал основную группу за несколько километров до Кукуева. Пристроившись в хвост колонны, они шли, словно ничего и не случилось. Их обнаружила Варвара Сергеевна уже на стоянке:

— Господи! Нашлись! Все живы, здоровы?

Коля рассказал о том, что с ними произошло.

Когда взрывы отсекали их от основной группы, Ефим Александрович Груздов, партизанский разведчик, сопровождавший их, принял решение — идти лесом в обход, той дорогой, что знает только он. На привале они услышали от Груздова о 17-летнем Володе Куриленко из Каспли — партизанском разведчике Первой бригады отряда И.Р. Шлапакова. Обучившись на подрывника, он за короткий срок пустил под откос 4 эшелона. А в мае, когда готовил к подрыву 5-й эшелон, был смертельно ранен. И сейчас его представили к званию Героя Советского Союза (звание Героя Советского Союза присвоено 1 сентября 1942 г. посмертно. — Л.Н., Н.Д.).

Рассказал Груздов и о том, что идет он еще и по заданию штаба Бати на Кресты. Там у него встреча с отрядом разведчиков Красной Армии, которых он должен привести назад, к Бате. Путь неблизкий, но он поведет ребят кратчайшим, через минные заграждения. Опасный проход они прошли днем, и Груздов только потом признался, что очень боялся за безопасность прохождения. Потом был отдых, и к утру они вышли к реке Межа, где Груздов встретился с разведчиками 234-й Ярославской дивизии. Это их он должен был провести в штаб Бати. С разведчиками они подружились, и те проводили их через разрушенный мост, указав дорогу на Наумово, где они и должны догнать

основную группу. Расстались почти друзьями. А в деревне Усолице их встретили местные жители. Накормили картошкой, молоком, яйцами. На вопросы, откуда это у них, жители ответили, что все пропитание прячут в землянках, в лесу, куда немцы побаиваются заходить. В Наумово пришли ночью, а потом встретили грузовик с боеприпасами, и солдат им подтвердил прохождение колонны. Ребята из отряда Коли Анищенкова поделились тем, что у них было, но на всех этого не хватило.

Шли четвертые сутки пути! А не пройдена еще и половина. "Правда, позади самые опасные участки, — думала Мотя, — а что дальше? Ребята устали, многие еле идут. Но впереди Ильино, а там пункт питания. Там их могут покормить". Эту надежду вселяла Мотя в ребят, подбадривая их после дневного сна. Они с трудом собирались в отряды, шли молча, досыпая на ходу, спотыкаясь, сбивая голые ноги о корневища, но словно не замечали этого. Неожиданно начался дождь, вымочив всех до нитки. Ребята сникли, и лишь уверенная поступь Вольской, ее собранность давали им надежду на то, что все скоро будет хорошо. Лишь одна Мотя знала, чего стоит ей эта уверенность и спокойствие. Ныло все тело, сильно болели ноги, стал беспокоить будущий ребенок. Сказывался голод. Перед глазами вспыхивали радужные пятна, появлялась резь, глаза стали слезиться, веки набухли. Вся надежда была на Ильино, там хоть какую-то помощь окажут ребятам и ей.

Мотя шла в полузабытьи, чувствуя, как тянется за ней эта огромная колонна: две тысячи ребят. Она шла, намечая себе ориентиры: поворот, дерево. Оставалось еще немного. Показалось Ильино. Но перед глазами вспыхнуло красное зарево, раздался грохот, все закружилось, черные, красные круги бешено завращались. Мотя пошатнулась. Чем сильнее грохотало впереди, тем яснее становилось: бомбят Ильино. Сзади раздались крики:

— Ильино горит!

— Ильино бомбят!

Подбежала Варвара Сергеевна.

— Что будем делать? Дальше нельзя, дорогу тоже бомбят.

— Вижу! — коротко бросила Вольская и приняла решение укрыться в лесу, тем более что спасительный лес был рядом.

— Скорей, скорей в лес!

Двухтысячная колонна ребят повернула вправо от Ильино. Не сразу сообразили последние отряды, что произошло, ведь они были километра за три от головной колонны.

Полчаса ходу оставалось первой колонне до Ильино, и если бы не задержались они в Кукуево, то были бы сейчас там, где рвутся бомбы и горят дома. Случайно ушли от смертельной опасности. Последние группы подбегали к лесу, когда к Моте пришло ощущение страха и ужаса от сознания того, что могло произойти. Она несколько минут не могла успокоиться, как ни старалась взять себя в руки. Надежды на Ильино рухнули. "Думай, Вольская, думай, что делать дальше?" — говорила она себе. Когда подошли Громова и Полякова, она окончательно взяла себя в руки.

— Надо немедленно уходить. Как ребята?

— Пока держатся. Но все на пределе. Лошади и те не выдерживают, несколько уже пали.

— Нет воды, ребята мучаются от жажды.

— И все же надо идти во что бы то ни стало, у нас нет другого выхода, — сказала Мотя.

— Раненых нет?

— Раненых нет, а вот лишние появились.

— Кто такие, откуда?

— Сейчас, пока мы в этом лесу собирались, прибились к нам еще ребяташки, — ответила Варвара Сергеевна. — Да вон одного из них Катя Шпагина ведет.

— Его Витей зовут, — доложила Катя.

Витя объяснил:

— Нас тут больше полсотни. Пробираемся из Бельского района.

— Так это же почти сто километров! — ойкнула Громова.

— А кто с вами из взрослых? — спросила Мотя.

— Мы одни. Чуть к немцам не попали. Кругом бомбят, куда идти, не знаем.

— Раненых, больных нет?

— Вроде нет.

— Вот что, Витя, составь быстренько список ребят. Назначаю тебя старшим группы. Пристраивайтесь в нашу колонну. Сейчас мы снова тронемся в путь.

Бомбежка перед Ильино измотала всех. Ребята еле брели. Они шли по местам, которые совсем недавно были освобождены нашими войсками. Жителей почти не видно, деревни сожжены. Фашисты похозяйничали вовсю. Пить хотелось мучительно. Губы у всех потрескались, вода была бы сейчас самым большим чудом. Завидев колодец, ребята бросались к нему и тут же отходили. Таблички, расставленные нашими солдатами, предупреждали: "Воду не брать! Отравлена!", "В колодец трупы". У маленьких водоемов, где ласково журчала вода, издали были заметны знаки: "Осторожно! Мины!" Наши саперы успели только проверить все опасные места, а вот разминировать, очистить их не хватило времени. Зверства фашистов были видны на каждом шагу, ребята словно шли по пятам войны, вспоминая свое, пережитое, невольно сравнивая с увиденным.

— Ой, девочки, что у нас немцы вытворяли! - рассказывала Таня Касаткина.

— Зимой тоже начали колодцы травить, не сами, а своих помощничков-полицейских заставляли. И делали это ночью. Вот тогда мы устроили дежурство. У нас в Никуленке много ребят было, но многие погибли. Машу Панкову мучили. Она с партизанами была связана. Звезду на спине вырезали. И все на глазах у родителей.

Любой из этих мальчишек и девчонок мог немало рассказать о зверствах фашистов. Видя разрушенные, словно вымершие, обезлюдившие деревни, ребята все отчетливее понимали, от чего они уходили. И это прибавляло силы.

Отдыхали в нескольких сараях да полусгоревшем клубе одной деревушки. Кто-то вдруг сказал:

— А я помню, на уроки нам рассказывали, что в этих местах на Западно-Двинской низменности водится всякая живность: кабаны, бобры, лоси и ондатры.

— Какая сейчас живность! Сороку-то не встретишь, воды не напьешься, - добавил кто-то.

Положение становилось критическим. Без воды было тяжелее, чем без хлеба. Рано утром 28 июля они вышли к реке. Ребята знали, что это должна быть Западная Двина. Мотя с Громовой и Поляковой не успели даже крикнуть чтобы задержать ребят. Дети оставались детьми! Увидев впереди блеск воды, ломая строй, бросились они вперед. И как ни кричали руководители, командиры отрядов и те из ребят, кто просто понимал обстановку, остановить это безудержное стремление к реке было невозможно.

На открытом пространстве они были видны как на ладони. И случилось непоправимое. Враг словно ждал этого случая. Три самолета на бреющем полете пронеслись низко над рассыпавшимися по полю детьми. Они пока не стреляли, примериваясь. Вольская, Громова, Полякова метались по полю, крича: "В укрытие! Ложись!" Они подталкивали ребят к мосту, чтобы спрятаться под ним, в ямы, канав. Кто-то из ребят еще надеялся на то, что раз с первого захода не стреляли, значит, не тронут. Но самолеты, выйдя на второй круг, вдруг резко спикировали вниз. Послышался свист пуль. На фюзеляжах четко видна была фашистская свастика. Моте показалось, что она увидела лицо одного из летчиков. Он улыбался.

— Мерзавцы! На детей! Беззащитных! - кричала она, продолжая расталкивать ребят. Но они уже и сами поняли, что здесь оставаться опасно. Врассыпную кинулись кто куда. И когда фашисты сделали свой третий заход, на поле оставалась одна телега с лошадьёю. Сказывался уже опыт похода. За две-три минуты все рассредоточились. А фашисты снова и снова заходили на поле, поливая свинцом вокруг. Отстрелявшись, развернулись и ушли на запад. Мотя

бросилась к оставленной телеге. Сюда же прибежала и Громова. Во время обстрела ее не покидало ощущение, что на телеге кто-то есть. Так и оказалось. На ней лежала Женя Алехнович. Как выяснилось, потом она была очень слаба и всю дорогу лежала на телеге, поэтому во время налета не сумела спрятаться.

— У меня кровь. И спину очень больно.

Екатерина Ивановна осторожно перевернула ее. На спине была рана. Пуля, видимо, застряла внутри. Она быстро перевязала Женю. Ребята устроили Жене мягкую подстилку, вновь построились в колонну. Снова в путь. Ранение девочки переживали все. Женя плакала, каждый толчок отдавался в ране, временами она вскрикивала. Все притихли и шли не останавливаясь. Быстро перебежали мост, под которым прятались, вышли на дорогу, ведущую в лес. Многие были в грязи, гриле, но в реке купаться сейчас никто не решался.

Налет не повторился. Вместе с Катей Мотя перебирала варианты, как помочь девочке. И тут на дороге показалась полуторка. Ребята бросились ей навстречу. Машина притормозила. Увидев в кабине молодого лейтенанта и водителя-красноармейца, ребята не сговариваясь закричали: "Ура! Наши!" Ребята прыгали, обнимались. После происшедшего с Женей в этом командире сейчас видели спасителя. А он, выйдя из машины, с интересом рассматривал эту шумную ребячью толпу. Подошла Мотя. Лейтенант представился: "Матвеев". Вольская начала было объяснять положение,

а лейтенант сказал:

— Я в курсе. Есть приказ нашего командарма генерала Курсова помочь перевезти ослабевших в Торопец.

— Откуда такая осведомленность? - удивилась Мотя.

— Ваш Батя встречался с нашим генералом и попросил оказать помощь в доставке ребят.

— Спасибо. Но сейчас нам срочно нужно отправить в госпиталь раненую.

Лейтенант задумался, а потом сказал:

— Я везу боеприпасы. Если сверху положить побольше травы, то можно. Я сверну с дороги, завезу ее в госпиталь, там помогут.

Ребята быстро нарвали травы, соорудив мягкую постель. Женю осторожно уложили.

— А вам придется немного подождать, - продолжал лейтенант. - Сегодня или завтра машины должны пойти в Торопец за боеприпасами, так что остальных, самых слабых, мы захватим.

Окружавшая машину ребячья толпа слышала этот разговор, и при последних словах раскатилось "ур-пра!".

Машину тронулась. Почти двухтысячная армия махала ей рукой на прощание: "Выз-до-рав-ли-вай, Же-ня!"

И уже без напоминаний отряды выстроились, снова тронулись в путь. Радость встречи с командиром Красной Армии, известие, что о них всю дорогу заботится Батя и наша армия придет на помощь, подбодрили ребят и вселили уверенность, что их ждут на Большой земле и помогут. С небольшими привалами шли день 28 июля, ночь 29 июля. Лишь днем 29-го колонну догнали четыре военные полуторки, а с ними знакомый лейтенант. Кому ехать, решали сами ребята. Никто не кричал, не требовал, не настаивал на своем праве. Отобрали двести самых ослабевших. Среди них были Коля Логинов, Нина Дроздова, Маша Голяцкая и многие из тех, кто совсем не мог идти, а ехал на подводах. С этими ребятами Мотя отправила и Варвару Сергеевну. Громова была нужна здесь, в колонне ведь оставалось еще более тысячи семисот ребят.

Машины тронулись. Оставшиеся кричали, махали руками на прощание:

— Ждите нас в Торопце! Мы скоро придем!

А до этого "скоро" оставалось еще три дня ходу. Теперь шли и днем, и ночью. 30, 31 июля...1 августа уже еле тащились, не обращая внимания на бомбежку где-то в стороне, на частую стрельбу. Не только километры, но уже каждый десяток метров давался с огромным трудом. 30 июля прошли двадцать пять километров, 31-го только пятнадцать.

Прошли разрушенную железнодорожную линию, где-то рядом должна была быть станция, но оказалось, что до нее еще далеко. На трети сутки (отсчет шел теперь от момента отправки группы на машинах) смогли пройти лишь двенадцать километров. Оставалась ночь и восемь километров до Торопца.

Последние километры чуть не ползли. Ночью к Моте подошли Коля Анищенков и Егор Горяцкий:

— Матрена Исаевна, сил у ребят больше нет...

Мотя сняла очки, отвернулась, вытирая набежавшие слезы, и подумала:

"Если уж эти мальчишки, которые всю дорогу были ее опорой, заговорили об усталости, значит – предел".

Она повернулась к ним:

— Скажите, за все это время я позволяла себе поблажки? А Екатерина Ивановна? Мы особо питались? Но мы идем и будем идти. Осталось два-три часа ходу. Надо выдержать, ребята, надо! Не зря же мы проделали такой путь!

Казалось, им нужны были только эти слова поддержки, они молча повернулись и пошли к своему отряду. Через несколько минут Мотя увидела, как головной отряд, где были Николай и Егор, выстроился и снова медленно тронулся вперед. За ними потянулись остальные. Снять это настроение подавленности, оцепенения могла сейчас только шутка. Какая-то девочка, небольшого росточка, подбадривая мальчика, обессиленно присевшего на обочину, сказала:

— Держись, казак, а то мамой будешь! Мне мама всегда так говорила, когда я хныкала...

Услышанная от мамы присказка "Терпи, казак, атаманом будешь" была бессознательно переиначена девочкой, и, как только она еще раз повторила ее, раздался такой взрыв хохота, которого Мотя не слышала от ребят за все время похода. Это была цепная реакция: от отряда к отряду передавалась шутка, а потом уже смеялись просто потому, что кто-то смеялся тоже. Этот смех дал те необходимые силы, которые так нужны были на последних метрах.

По бывшим улицам Торопца они прошли почти стройной колонной. Город был разрушен. В районе станции они буквально повалились наземь, там, где стояли. У ребят совсем не было сил. Никто не думал о еде. Только бы лечь и сказать самому себе:

— Дошли!

Мотя шла мимо ребят, сидевших на земле, шла, сама еле переставляя ноги, а на душе была радость. И это радость читалась в её глазах: "Выдержали! Дошли! Значит, выиграли! Значит, будем живы! Будем бороться там, в тылу!"

ГЛАВА "ПЯТЬСОТ ВЕСЕЛЫЙ..."

Надежды Моти, что теперь все опасности позади, не оправдались. Ранним утром начался налет на станцию. Казалось, активная атака немцев останется безнаказанной. Но вот в небе появились ястребки. Их было мало, но так отчаянно смелы были летчики, что скоро один из стервятников с ревом рухнул вниз. Наши летчики и не догадывались, что с земли за ними наблюдают тысячи детских глаз, и на каждый удачный маневр раздается многоголосое "ура!". После окончания боя Петя Антончик восторженно кричал:

— Фашистов двадцать три, а наших только четыре... А они разогнали "хейнкелей", да еще двоих сбили!

Перед Мотей встал вопрос: где укрыть ребят, пока не будет решено с отправкой. Станцию Торопец бомбили часто, она было прифронтовой и связывала Смоленщину с Большой землей. Сюда шло оружие для армий, отсюда беженцы не только со Смоленщины, но и из Белоруссии и других краев пытались вырваться на Большую землю. Всюду, где только можно приткнуться, расположиться, – народ. Город в развалинах.

Оставив Грому и Полякову проверять отряды, Вольская отправилась к начальнику станции. Разыскать его было нелегко, и лишь после долгих хождений и расспросов Мотя встретила пожилого железнодорожника с воспаленными от бессонных ночей глазами, осипшим голосом. Проверив ее документы, он обрисовал ситуацию:

— Составы здесь, на станции, мы не формируем. Мы получаем и отправляем вагоны только ночью. Состав для вас запланирован и придет с 4 на 5 августа тоже в ночь. Вы, видимо, поторопились. Шестьдесят теплушек при пятьдесят-шестьдесят человек в вагоне. Вот телеграмма ЦК ВЛКСМ за подписью зав. отделом Сысоевой. Больше сказать ничего не могу.

— Но мне надо только около сорока вагонов, - ответила Мотя.

Начальник станции внимательно посмотрел на нее, словно приглядываясь, что-то для себя решая, и спросил:

— Скажите, если бы к вам сейчас подошли дети, которые остались здесь совсем одни, и попросили бы вас принять их в отряд, что бы вы ответили?

Мотя понимающе взглянула на него:

— Сколько

— Что сколько? – переспросил от неожиданности начальник станции.

— Детей сколько здесь? Ну, которые совсем одни? — И Мотя устало улыбнулась.

А я чуть не подумал о другом! — Обрадовался начальник. — Значит, согласны? Я сразу понял — на вас можно положиться! А детишек неорганизованных здесь скопилось с тысячу наверняка. Об этом я докладывал в обком партии и обком комсомола.

— Хорошо, я займусь этими ребятами. Какая разница - две или три тысячи? Тогда полностью пойдет детский эшелон.

Начальник пожал ей руку.

— Спасибо и от меня, и от детей. Я уж скольким предлагал везти этих ребятшек - отказываются. Да и понятно - не каждый умеет с детишками ладить. А у вас получается. Да и насколько смелая вы женщина, как я погляжу, сколько прошли и всех довели.

Мотя попрощалась. Она уходила, а он стоял и смотрел ей вслед. И когда она уже поворачивала за угол, крикнул:

— А звать-то как? Чтоб не забыть!

— Вольская я, Матрена Исаевна!

В закутке из битого кирпича с самодельной крышей она зашла военного коменданта. Он был немолод. Незадолго до выхода из Елисеевичей командир отряда Соколов ей рассказывал, что в январе 1942 года, когда освободили Торопец, его комендантом был лейтенант Железняков — Молодой кавалерист, назначенный генералом Еременко.

Железняков поделился тогда с партизанами продовольствием и оружием из захваченных на железнодорожной станции складов. Вот почему она спросила:

— Я могу видеть лейтенанта Железнякова?

— Лейтенант отозван в свой разведэскадрон. Теперь комендант здесь я.

Мотя доложила о прибытии колонны и попросила помочь в размещении ребят.

Комендант долго и внимательно смотрел на Мотю, а потом сказал:

— Неужели дошли? Я, честно говоря, не очень в это поверил, когда получил распоряжение по поводу вас. Двести километров! Тут с отрядом пройдёшь, и то заметят, а вас — целая армия! Почти невероятно!

— Вероятно, раз мы здесь. Есть приказ вам помочь, но чем и как? Во что: в роще сохранились крыша и стены деревянной школы. Там можно разместить человек пятьсот. Есть у нас и полуразрушенные казармы. Туда человек триста. Кстати, там рядом воинская часть. Солдаты своими пайками поделятся. Но в эти казармы рядом со станцией, а ее бомбят. Самое безопасное место для ребят — в роще на окраине города, там рядом — помещение то ли бывшего клуба, то ли столовой. Правда, без окон и дверей, зато крыша над головой имеется. С питанием организовано помочь не могу, а солдаты выручат, поделятся.

— А с водой как?

— В городе один пригодный колодец, но там очереди. Только за городом, ближе к деревням. Вот, пожалуй, и все чем могу быть полезен.

— И на том спасибо, товарищ комендант — сказала Мотя, — Буду продумывать варианты, — И она поспешила к ребятам.

Весь день прошёл в хлопотах по размещению. Но зато она теперь точно знала, кто и где находится, и через связных могла быстро собрать ребят. В школе, расположенной в роще, она разместила самую многочисленную группу. А вот за ребят, которые были в казармах, душа болела. Приняли их,

правда, солдаты тепло и накормили рисовой кашей, показавшейся ребятишкам чудо-едой. Но не успели ребята насладиться кашей, как завыли сирены и над головами снова загудели "юнкеры". Бомбы, прав оказался комендант, ложились рядом с казармой, а одна угодила в оставшиеся ворота. После бомбежки Мотя перевела всех в рощу. Ребята были, конечно, недовольны. Не хотелось расставаться с солдатами, с кашей. Но правильность ее решения подтвердили бомбежки, которые еще не раз обрушивались на станцию.

Удачнее всех разместились ребята постарше. Они ушли за город, в деревню, а там красноармейцы приняли их на довольствие. Сергей Долгушев докладывал:

— Еда есть, вода тоже, солдаты приняли нас как родных.

Труднее с водой приходилось тем, кто расположился в самом Торопце. Кто-то из мальчишек обнаружил заброшенный колодец. Сема Филиппенков с ребятами наладили сруб, разыскали старое ведро с веревкой и стали черпать воду. Сначала она шла замусоренная, грязная, потом почище, хоть и была мутна. Вдруг ведро обо что-то стукнулось. Сема сказал:

— Неужто всю вычерпали? Сейчас проверим.

Он вытащил ведро. В нем лежал человеческий череп. Все вздрогнули. Кто-то из девочек упал в обморок. Громова тут же взяла воду и унесла на исследование в военный госпиталь. У всех отлегло от сердца, когда был получен ответ, что отравление трупным ядом ребятам не угрожает. Воду отыскиали уже и хуторе, километрах в двух от города, мальчишки во главе с Сашей Левшиновым. Во время всех хлопотливых дел к Моте подошла Лиза Тихомирова.

— Матрена Исаевна, очень у меня глаза режет.

— Глаза у Лизы были красные, воспаленные.

— Может, много плачешь, Лиза?

— Да я уж все выплакала, слез-то нет.

Мотя попросила Екатерину Ивановну разыскать врача в местном госпитале и по возможности оказать помощь самым ослабленным детям.

— Кстати, - обратилась она к Лизе, - ты отыскала свою сестру?

— Нет, да и навряд ли найду. Они, наверное, уехали. Ну куда я дальше поеду, если не увижу! Домой мне надо возвращаться! всхлипывая проговорила Лиза.

— Лиза, Лиза, успокойся. А сестру ты разыщешь, обязательно. Мне кажется, что она где-то здесь. Начальник станции мне сказал, что большие партии детей еще не отправляли. Попробуй поискать ее еще раз! Только проверь сначала глаза! - крикнула е уже вдогонку Мотя.

В роще, около группы ребят, Мотя задержалась. Шел разговор о доме.

— Ой, девочки, как хочется сейчас к себе, на нашу речку Гобзу, на лужайку! Не могу больше! -без конца вздыхая, говорила одна из девочек.

— Какая там земляника, смородина! А плотичка сама на крючок лезла. Через речку на пасеку бегали. А какой там родничок! Такой вкусной воды я нигде не пила. У нас и песня была, словно тот родничок:

*Как на ключике, да на текученьком,
На колодчике, да на холодненьком...*

Ой, мамочка, как домой хочется! – запричитала девочка.

— Ты чудная, ей-ей! Да там уж, поди, ничего нет! Ни родничка твоего, ни пасеки. Немцы все, наверное, под корень...

— А у вас на речке всегда долбленка стоял.

Я в ней часто на быстряке крутилась.

— А как бы я сейчас нашего хлебца поела!

Ох и вкусен он, если испечь на кленовом или капустном листе!

— А пироги с картошкой! Наши смоленские пироги самые лучшие!

— А я школу нашу вижу. Вот закрою глаза и представляю. Какие у нас праздники были! В Духовщину ездили на театральные представления. Мамочка родная, а ведь мы уже год как не учимся! Фашисты проклятые! Если бы вы видели, что они со школой сделали! 16 июля пришли. Все пособия, что мы делали, выкинули, деревья в школьном саду повырубали, а мы его сами сажали! В спортзале конюшню устроили. А какая у нас в Загусинье школа!

Мотя не стала мешать ребятам. Пусть повспоминают. Чем дальше они сейчас уходят, тем сильнее тоска по дому, родным местам.

С Машей Турецких Мотя познакомилась недавно. Маша была из Петрищева и сейчас, сидя в кружке ребят, рассказывала:

— Я все в партизаны хотела уйти, а мама не пускала: "Мала, — говорит, — воевать". В деревне у нас был старостой Василий Лобанов. Это уж потом я узнала, что он с партизанами связан, когда он поручил мне записки носить к командиру отряда. А зимой предложил собрать подарки партизанам. Мы помогали, ходили по домам, а парни наши отвозили их в лес. Как-то сидела я у окна и вдруг вижу: немцы в белых маскхалатах. Ну, сами знаете, раз в белом, значит, каратели. Всех жителей согнали в дом старосты. И я туда попала. Переводчик спрашивает: "Кто собирал подарки?" Ну все, конечно: "Не знаем, не собирали". А он и говорит: "Вот найдем старосту вашего, ответит он. Не найдем — ответите вы". Поставили пулеметы и солону принесли, чтобы дом поджечь. Прошло время, ведут старосту. Поймали его в лесу. Нас перегнали в соседний дом, а Василия бросили в сани и дом его подожгли. Они бы и с нами расправились, да партизаны подоспели. Был бой, немцы удрали, но успели поиздеваться над Василием, искололи его штыками.

Ребята сидели молча. К ним подходили из других групп, присаживались и тоже слушали.

— И у нас немцы зверствовали, — негромко заговорила другая девочка. — Сначала разграбили магазин, сырзавод, потом стали все забирать: кур, овец, коров. Этой весной днем

пришли к нам три партизана. А немцы были недалеко от деревни. Отец меня отправил на улицу, чтоб сторожила, а партизан усадил накормить. Минут через пятнадцать вижу — немцы! Я — в дом. Сразу половицу подняла и туда, в подполье, спрятали партизан. А немцы тут как тут! "Матка, рус, партизан!" Мать и отец растерялись, а я к ним подошла: "Партизан нихт", а сама быстренько — в сени, схватила лукошко с яйцами и отдала им. Они и ушли. Их было четверо, да еще воинская часть недалеко от нас. Добром бы все не кончилось. Поздним вечером партизаны ушли, а ночью партизанский отряд напал на немцев. Я потом видела тех партизан, что в подполье спрятали. Вот имен их не догадалась спросить.

К ребятам подбежал Антончик. Он размахивал газетой. Заметив Вольскую, обратился к ней.

— Матрена Исаевна, здесь про наших партизан написано!

Мотя схватила газету. Это была "Правда".

— Читайте вслух, Матрена Исаевна!

Вокруг уже толпились мальчишки и девчонки из других групп.

— "От Советского Информбюро, — начала Мотя. — Вечернее сообщение. 30 июля. Партизанский отряд "Батя", действующий в Смоленской области, за 20 дней истребил до 600 гитлеровцев, взорвал 8 железнодорожных мостов и пустил под откос два военных эшелона противника. Партизаны уничтожили немецкий танк, несколько автомашин и захватили трофеи".

— А в газете еще статья Бати есть, — подсказал Антончик.

Действительно, под статьей "Смоленские партизаны" стояла подпись Бати — командира партизанского соединения. И пока ребята бурно обсуждали успехи партизан, Мотя быстро прочитала статью: "В партизаны идут не только старики, но и подростки. Они не сразу вступают в бой. Опытные партизаны перед операциями обучают их стрельбе, умению сочетать огонь с применением к местности... Совсем

недавно на уничтожение наших отрядов была брошена вражеская дивизия с артиллерией и танками. Мы разбили ее и рассеяли, а из 45 наступавших на нас танков подбито и сожжено 12".

"Бьют фашистов! Значит, и Миша мой тоже там, в этих боях", — подумала она, а вслух сказала:

— И про наши дела на Большой земле известно, значит, сила — наши партизаны!

Ребята оживились, рассказывая, кто встречал Батю, а кто был в отряде. Вольская продолжала свой обход. На душе становилось спокойнее. Навстречу ей неслась Лиза Тихомирова.

— Нашла, Матрена Исаевна, нашла! Вот она! — И Лиза подвела к ней девочку чуть постарше.

— Ну вот и отлично! А как твои глаза, Лиза?

— Уже лучше. Мне военный врач капли дал. Матрена Исаевна, а тут и другие ребята.

— Где же они? Я их ищу!

— Да вон стоят!

Мотя направилась к группе ребят, стоявших в стороне. Они с любопытством разглядывали Вольскую.

— Сколько вас здесь? — спросила она.

Вперед вышла девочка.

— Я — Настя Артамонова, старшая этой группы, а Лизина сестра — другой. Есть еще одна группа, она за городом. Нас человек сто пятьдесят.

— Кто у вас руководители, кто вас привел в Торопец?

— Анна Кирилловна Лупина, учительница. А ей помогали тоже учителя — Осипова, Белоусова, Козлова.

— Передайте Анне Кирилловне, что отправка будет ночью 4 августа.

— А мы уже знаем, что поедем с вами. Нам Анна Кирилловна сказала. "Значит, остальные группы тоже оповещены. Спасибо коменданту, начальнику станции — не иначе как они помогают", — подумала Мотя.

Но оказалось, что работают и ее помощники. Коля Анищенков подвел к ней группу новых ребят.

— Вот, Матрена Исаевна, разыскал касплянских: их привели Маша Морозова и Оля Терентьева.

— А где же они сами?

— Опять назад пошли, сказали, что по заданию штаба Бати.

— Сколько же вас? — обратилась Вольская к ребятам.

— Да больше сотни наберется. Мы у самой станции собрались.

— Николай, составь списки, потом передашь мне. А к вам, ребята, просьба — не разбредаться.

Вечером 3 августа Коля Анищенков и Коля Фоменков привели ее в палаточный госпиталь на окраине города, где лечился Александр Иванович Хрипунов. Он командовал в Первой бригаде учебным отделением, и через его руки прошли все начинающие партизаны, в том числе и она. Хрипунов рассказал, что многие бригады с 23 июля ведут бои. Первая бригада, в частности взвод Федора Асачакова, где воевал Хрипунов, отражал натиск батальона карателей в деревне Избичное. Вольская еще раз убедилась, как вовремя они ушли, какой смертельной опасности подвергались ребята...

Вечером 4 августа, проверяя, как разместились девочки в школе, Мотя вместе с ребятами выскочила на улицу, когда услышала песню.

Взвод за взводом, рота за ротой по улице, печатая шаг, шли солдаты. Это был настоящий воинский строй. И такая уверенность была в нем, спокойствие и надежность, что все закричали дружно: "Ура!" Ведь ребята с тех самых страшных дней июля 1941 года, когда наши отступали, видели солдат либо бредущими в колонне пленных, либо отстреливающимися, либо небольшими группами. Но чтобы вот так, в строю, да еще с песней! Ребята улыбались, махали руками, кто-то кричал: "Наша возьмет!" Они получали сейчас такой заряд бодрости, надежды, силы, что Мотя, глядя на них, подумала: "Эти дети и в тылу нас не подведут".

В ночь на пятое августа на станции собрались все отряды. Задание, которое Мотя дала своему активу — обойти

по возможности все незарегистрированные группы и объявить о посадке, — было выполнено. Вдоль железнодорожного пути растянулась огромная колонна. Велижские, каспийские, руднянские, пречистенские, бельские ребята стояли группами по двадцать — пятьдесят человек. Мотя подходила к каждой группе, назначала старших, распределяла по вагонам. Стоял гул от тысяч голосов. Группа за группой проходила перед Мотей.

Когда она спросила последних, оказалось 3240 ребят!

Показался состав. Он изредка подавал гудки, медленно продвигаясь к головной колонне. Вагоны, как договаривались с начальником станции, были пронумерованы и в каждом был трап.

— Мамочки, вагонов-то сколько! — ребята глядели во все глаза. Среди них были и такие, кто впервые видел паровоз. В теплушках размещалось на нарах человек по пятьдесят-шестьдесят. Пропускали вперед слабых, девочек. Она увидела неразлучных Лиду Бодрову, Катю Семенову и Ваню Голованова, видела, как мальчишки чуть не на себе затаскивают в вагон Колю Логинова, Надю Дроздову и тех, кто уже еле держался на ногах. Кто-то забирался в вагон самостоятельно, но почти ползком.

"Еле идут, одежда разорвана, а грязные-то! Синяки, кровоподтеки. Голодные. Довезу ли я их?" — Эта мысль не давала покоя.

Посадка шла быстро. От каждого из шестидесяти вагонов подходили старшие и докладывали о готовности. И когда дежурный, подойдя к ней, спросил, сколько еще надо времени на посадку, она ответила коротко:

— Мы готовы! Можно ехать!

Она забралась в свой вагон. Засвистел гудок паровоза, состав тронулся, заскрежетал и медленно стал набирать ход. Из всех вагонов торчали ребячьи головы. Из соседнего раздался голос Саши Левшинова:

— Эх, пошел пятьсот веселый!

Эти слова, как по эстафете, передавались от вагона к вагону: "Пошел пятьсот... веселый!.."

Все чаще стучали колеса. Мотя стояла в проеме вагона и смотрела на уплывавший Торопец. Мелькнуло лицо начальника станции. Донеслись его слова:

— Счастливого пути!

И словно в ответ на его напутствие раздалось дружное ребячье "ура!". Оно катилось вместе с уходившим паровозом, и каждый, кто оставался сейчас на станции, невольно подумал: "Слабые, чуть живые, а какие сильные духом!"

Рядом с Мотей стояли ребята и во все глаза глядели на проплывавшие в ночной темноте силуэты. Поезд уносил их на восток, но куда? Об этом не знала сейчас и Мотя. И новая тревога закралась в сердце: сколько они будут в дороге, чем кормить? В крупных городах еще можно будет рассчитывать на поддержку, а вот на небольших станциях? Как там быть? Выдержат ли ребята этот путь? Об оставшемся доме, о неизвестности впереди думали и ребята. В вагоне, где ехала Мотя, никто не спал. И вот откуда-то со стороны, вместе с ветерком, с перестукиванием колес, донеслась песня. Эту песню не раз пели партизаны. Мотя запела ее, и вот уже ее вагон, потом следующий подхватывали один за другим знакомую мелодию. Поезд пел! Песня рвалась из вагонов, набирала силу:

*Ночью темной, густой, партизан молодой
Притаился в засаде с отрядом.
Под осенним дождем мы врага подождем.
И растопчем фашистского гада.*

*Ни сестра, ни жена нас не ждут у окна.
Мать родная на стол не накроет,
Наши хаты сожгли, наши семьи ушли,
Только ветер в развалинах воеет.*

*И летит над страной этот ветер родной,
И считает он слезы и раны.
Чтоб могли по ночам отомстить палачам
За позор и за кровь партизаны!*

В эти слова ребята вкладывали сейчас всю свою боль, всю ненависть к врагу.

*Ночь упала темна, не светила луна,
Лишь у рощи костер разгорался.
Но немецкий обоз полетел под откос,
И на собственных минах взорвался.*

*Возле рощи густой, у дороги большой
Золотистая зорька вставала.
Дождь и ветер утих, а на листьях сухих
Груда мертвых фашистов лежала...*

Песня затихла. Но мальчишки из вагона, где была Мотя, подняли кулаки и повторили:

*Чтоб могли по ночам отомстить палачам
За позор и за смерть партизаны!*

Песня тронула всех, всколыхнула память. Сейчас все могли только вспоминать. Ведь о своем будущем они пока еще ничего не знали. Ночь была звездная, теплая. И вместе с дымком паровоза в вагон залетали запахи проносившихся мимо полей, леса. Первой прервала всеобщее молчание Нина Пастернак:

— Мы до войны жили в семи верстах от Ярцева. Станция железнодорожная там большая была. Дом наш стоял на пригорке, и все Ярцево за нами как на ладони. Я семь классов окончила и хотела дальше учиться, да и отец мой тоже за учёбу был. А тут война... Чего мы натерпелись! Ярцево без конца бомбили. А с середины июля даже у нас было опасно оставаться — дом ходуном ходил, стекла все повывлетали. Родни из Ярцево нас набралось тридцать два человека. Решили мы из дома тоже уйти. Жили в землянке ни картошки, ни соли не было, а уж о хлебе не говорю! И только в Новоселках, куда мы пришли после долгих скитаний, можно было продержаться. Там сохранился колхоз. Нас

поместили на квартиру, определили на работу. Мы и хлеб молотили, и лен дергали — все делали. Вот там-то мы и узнали, что рядом с нами — партизаны. Как-то ночью в соседней деревне Тепензино они с тыла зашли. Полиции здорово досталось, а начальник полиции все же успел скрыться. С весны этого года партизаны житья не давали немцам. Да и самолеты наши стали часто летать. Я их по звуку сразу определяла. Как-то через нашу деревню обоз гнали для немцев. Два полицейских у нас остановились. За ужином они все хвастались, что убили одного партизана. А меня такое зло взяло! Ночью загудели над избой самолеты, я вскочила да как закричу: "Наши летят! Наши!" Полицай ко мне! Ваши?! Да я на вас девяти граммов не пожалею". Моя заплакала, хозяйка тоже, а подошла к нему и говорю: "Мы же русские и самолёты русские...". Он только скрипнул зубами, тронул.

В темноте вагона послышалось чье-то всхлипывание.

— Перестань, не надо плакать, — уговаривал девчоночий голос.

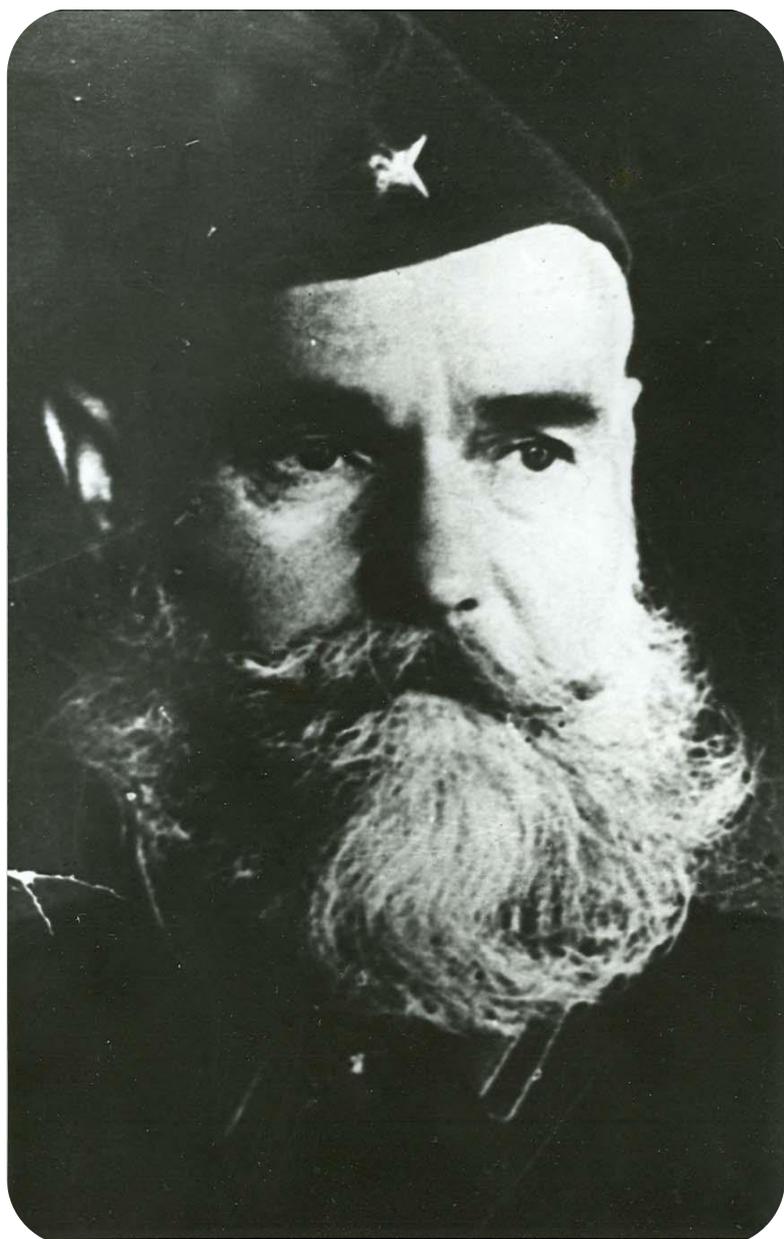
"Кажется, Маша Долотовская", — подумала Мотя. Она сейчас не вмешивалась в разговоры ребят. Пусть о себе расскажут, лучше узнают друг друга.

А Маша заговорила:

— Этой весной появились в деревне каратели, согнали всех к скотному двору. А в деревне- то, сами знаете, кто остался — старые да малые, да женщины. Смотрим, мальчишку ведут. Видно, пытали его очень — избит был сильно, а на лбу звезда вырезана. Спрашивают: "Кого ты здесь знаешь?" Он мотает головой. Тогда его на наших глазах пытаться стали — иголки под ногти загонять. Женщины плакали, а немцы спрашивают: "Чей партизан?" Все молчат, конечно. Да если бы и знали, все равно не сказали бы. Нам всем пригрозили, а мальчишку увели и расстреляли. И никто не знает, кто он, откуда. — Маша замолчала.

Матрёна Исаевна Вольская

Никифор Захарович Коляда, командир партизанского
соединения "Батя"

Петр Феоктистович Цуранов, секретарь Духовщинского подпольного райкома партии. Погиб в тылу врага.

В подпольной типографии. Оставшевский район
Смоленской области, 1941 год

Михаил
Архипович
Вольский

Варвара Сергеевна
Полякова, 1938 год

Екатерина Ивановна
Громова, 1938 год

Федор Яковлевич Апрутов,
командир Первой партизанской
бригады соединения "Батя".
Погиб в тылу врага в феврале
1943 года

Никита Петрович
Петровичев,
комиссар Первой
партизанской бригады

Никифор Захарович Коляда
и переводчица Мина Абрамовна Малая

Лилия Комарова, 1942 год

Александр Иванович
Хрипунов, партизан
соединения "Батя"

Константин Иванович
Тихомиров, один из
руководителей подполья,
спас десятки детей от угона
в Германию

Зина Скородима, в
концлагере в Гамбурге

Валентина Евдильская

Петр Жеглов, 1943 год

В.Антипова, М.Кириенкова, А.Ульянова, Е.Мартылева,
П.Ульянова, учились в РУ №10 г.Мурома

Учащиеся РУ №7 г. Дзержинска, 1942 год.
В первом ряду второй слева – Петр Жеглов, во втором –
Виктор Фомичев

Матрена Исаевна Вольская с учениками
Смольковской школы, 1946 год

Евдиева, Дундукова

Петр Антонов, 1946 год

Петр Спиридович
Щербаков

Иван Егорович Москалев

Полина Ульянова, Полина
Коренкова, 1946 год, г.
Муром

Александр Егорович
Шошин, 1987 год

У бюста М. И. Вольской в Смольковской школе
(скульптор Л.Ф. Кулакова)

1972 год. Ногинск, школа №4. Ветераны Первой партизанской бригады у бюста Вали Богоявленской

Пионерский отряд имени Володи Огурсова
Смольковской средней школы

1976 год. Первая встреча бывших подростков и партизан.

На встрече в Смольках

Следопыты школы № 4 г. Бор, 1977 год

На празднике в школе № 40 г. Дзержинска

1987 год. Участники перехода по маршруту М. И. Вольской

1988 год. В пос. Вербовском г. Муром встретились следопыты, партизаны и участники перехода 1942 года

Данные рисунки-иллюстрации были созданы по главам книги "Операция "Дети" активными участниками онлайн-марафона "Шагами спасенных", организованного в рамках областного патриотического проекта "Каждый шаг для ЖИЗНИ!"

КАЖДЫЙ РЕБЕНОК ПОЛНИЛ ПУТИ ПО СЕЛАМ ОУКАЮ!

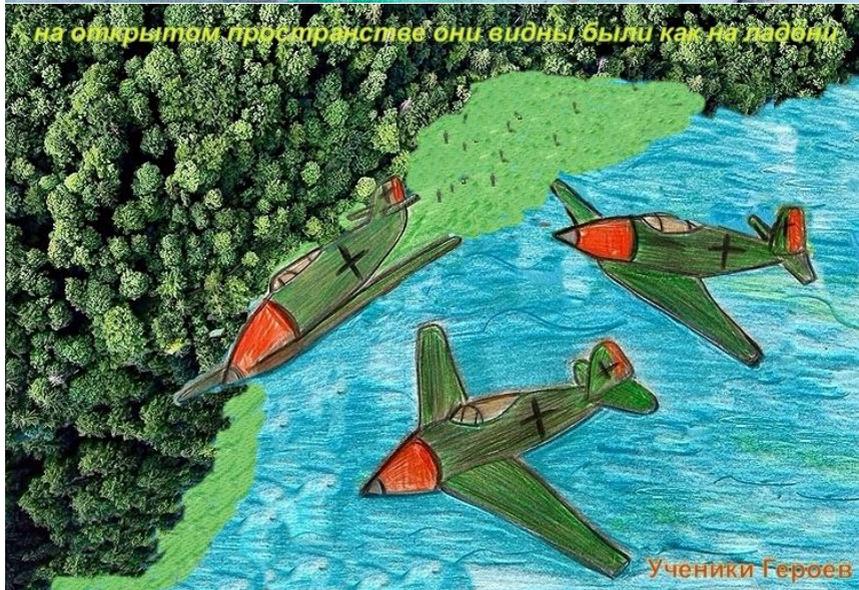

**ПАРТИЗАНЫ ПО
СЁЛАМ ХОДИЛИ,
СОБИРАЛИ ТИХОНО
ДЕТЕЙ**

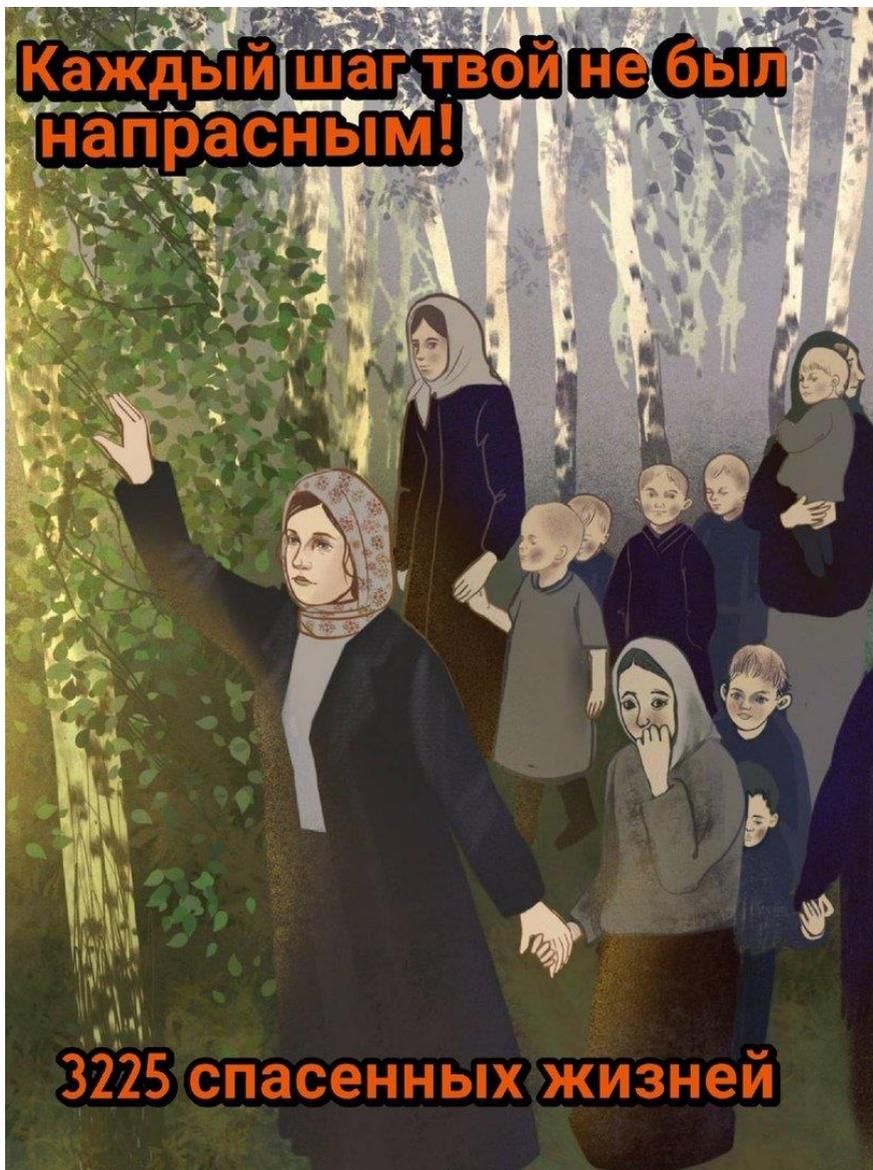
*Активисты
Школьного музея*

на открытом пространстве они видны были как на ладони

**Каждый шаг твой не был
напрасным!**

3225 спасенных жизней

Макет памятника М.И.Вольской

Памятник Операции "Дети" и М.И.Вольской в Смоленской области.
Установлен 7 декабря 2021 года в смоленском Парке Пионеров

На фото: Головачёв А.Ф. и отец Виталий Сладков - внук Поляковой В.С. 7 декабря 2021 г. (пр.: слева на право). День установки Памятника.

Памятник Операции "Дети" и М.И.Вольской в г.Городец, Нижегородской области. Установлен 1 сентября 2020 года на пл.Пролетарской

— А что у нас в Веденье фашисты делали! До сих пор во сне эти кошмары вижу, — заговорил Митя Ефимов.

— Они что придумали для своего развлечения: собирали пацанов лет пяти-восьми, давали сигареты и велели курить. Мальчишки маленькие, накурятся и в обморок упадут, немцы водой их отольют и снова суют сигарету. Мальчишек рвет, они задыхаются, а фрицы ржут... И мне это испытать довелось. Чуть жив остался.

Митин рассказ продолжил Коля Захаров.

— Я с собой полотенце везу, мне его мама на дорогу положила. История с этим полотенцем вышла. Еще в прошлом году человек шесть наших бойцов прятались в лесу. Вечером пришли к нам. Мы их накормили, ночью они ушли, я слышал, как один сказал: "Пойдем на охоту".

Утром вернулись. Мама им готовила перекусить, а они в это время умывались. Случайно я посмотрел в окно. Немцы окружали наш дом. Красноармейцы успели только гранаты да наганы под кучу веников спрятать, как немцы на пороге. Мама им говорит, мол, мужики по хозяйству помогают. Да все равно они всех увели. Я к маме бросился: "Почему они не стреляли? Ведь уже гранаты, наганы! А теперь их расстреляют!"

— "Это же наши бойцы, сынок! Они из-за вас не стали, нас поберегли, а себя загубили". Мама заплакала и полотенцем, что было у нее в руках, стала слезы вытирать. А из него выпали деньги. Видно, сбережения бойца. Он их маме оставил. Вот это полотенце и дала мне мама в дорогу на память о том солдате.

Перестукивание колес, рассказы, да и просто усталость делали свое дело. Кто-то уже спал, кто-то дремал. В вагоне стало тихо.

Паровоз вдруг резко затормозил. Послышалась стрельба, вой сирены. Паровоз дал задний ход. Мотя выглянула из вагона. Они были на подходе к станции Андреаполь. Впереди грохнули взрывы, появились клубы дыма с огнем. Три коротких гудка давал паровоз. Это был сигнал. Ещё в Торопце Мотя договорилась с машинистом, в

случае опасности и необходимости укрыться машинист предупредит ее тремя гудками. Кубарем выкатывались ребята из вагонов и побежали в лес. Ночь, темно, Мотя до хрипоты оповещала ребят, обегая вагоны.

В темноте слышались голоса Громовой и Поляковой. Но опыт двухсоткилометрового перехода уже давал свои плоды. Все знали, где и как прятаться. Прошло более часа. Впереди метались по небу лучи прожекторов. И когда в своем, на первый взгляд, беспорядочном кружении они выхватили черную точку и, устремившись к ней, выровнялись, в центре их вспыхнул факел. Лес огласил радостный вопль: "Сбили! Ура!" Послышался вопль: "Сбили! Ура!". Послышался вой падающего "юнкера". А паровоз уже давал длинный гудок Ребята выходили из кустов, но не с пустыми руками.

Кто тащил сено, кто ветки.

— Сгодится на подстилку, — объясняли они.

Мальчишки без команды встали у трапов и помогали забираться тем, кто передвигался с трудом. А таких становилось все больше.

Вагоны дернулись, но состав прошел немного и снова остановился уже до рассвета. На подходе к станции срочно ремонтировали пути, разрушенные бомбежкой. Утром, нагоняя упущенное, поезд шел все быстрее. Но через некоторое время паровоз снова стал тормозить. В лучах восходящего солнца четко видны были на утреннем небе силуэты самолетов. Шел воздушный бой. На ровный строй немецких бомбардировщиков стремительно неслись наши ястребки. Они врзались в самую сердцевину, разламывая строй, заставляя немцев беспорядочно сбрасывать свой смертоносный груз. Это создавало опасность и для эшелона. Машинист вновь подал три коротких гудка. В несколько минут весь близлежащий лес ожил от ребячьих голосов. Бой был коротким. Не выдержав натиска наших летчиков, фашисты, развернувшись, ушли на запад. Над эшелонем, покачивая крыльями, пронеслись ястребки. И вновь тысячеголосое: "Ура! Наша взяла! Бейте гадов!" — разрезало

утренний воздух. Забираясь в вагоны, ребята обменивались впечатлениями.

— А ведь это от нас они отгоняли немцев.

— Скажешь тоже! Да не до нас им сейчас!

— А зачем тогда на всех вагонах сверху вот такими буквами написано "дети"?

— Врешь!

— Сам посмотри! Я на крыше был, видел. Не для фашистов же писали!

Спор прекратился из-за появления ястребка. Солнце освещало его крылья. Он то стремительно взмывал вверх, то бросался вниз и вот уже пошел на бреющем над всеми вагонами, слегка покачивая краснозвездными крыльями. Восторгу ребят не было границ.

— Смотрите, летчик нам улыбнулся!

— Он нас охраняет!

Истребитель не сразу оставил эшелон. Несколько раз он возвращался назад, словно успокаивая ребят, что все будет хорошо, в обиду их не дадут.

Вагоны принимали жилой вид. Каждый занимал свой угол, располагался, устраивая себе постель. Еловыми ветками девочки украсили их, а солнце добавляло свои краски. Доставали запасы. Кто-то из мальчишек угостил Мотю лесными яблоками. Они взбудрили ее, хотя рот и сводило судорогой от невыносимой кислоты. Еда была своеобразной: жевали свежие сыроежки, еловые и сосновые ветки, березовую кору, щавель. В ребячьих руках можно было видеть и дикий чеснок, и подорожник, и клевер, и листочки липы. За этими нехитрыми заботами не заметили, как подъехали к Бологому. Кто-то из ребят вспомнил Маршака:

Он опять поспал немножко

И опять взглянул в окошко.

Увидал большой вокзал,

Потянулся и сказал:

— Это что за остановка —

Бологое иль Поповка?

Здесь тоже бомбили часто. Город и станция разрушены, но вокзал был, видимо, недавно восстановлен.

Эшелон загнали в тупик. Паровоз еще попыхивал парами, когда Мотя заметила бегущую вдоль состава маленькую девочку.

— Старшую эшелона к начальнику станции! — кричала она.

Мотя, прыгнув с настила, подошла к девочке.

— Я старшая. А ты кто?

— Я выполняю все важные поручения военного коменданта, — ответила она.

По дороге Мотя, разговорившись с девочкой, узнала немного о ее судьбе. Она сирота, военный комендант, у которого погибла вся семья, считает ее своей приемной дочерью, очень жалеет. Поставил на довольствие, дает различные поручения. И Мотя, услышав ее рассказ, невольно прониклась уважением к человеку, которого эта детская судьба не оставила равнодушным. Их встретил военный, мужчина средних лет с совершенно седой головой. Он сразу приступил к делу:

— Из Торопца мы приняли телеграмму с просьбой помочь вам питанием. Имеется только хлеб. Мы выделили для вас пятьсот килограммов. Граммов по двести пятьдесят на каждого.

— Но нас же больше трех тысяч!

— А в телеграмме — две тысячи!

— В самый последний момент мы взяли в эшелон всех детей, оставшихся на станции! Но и за это спасибо! После того голода, что перенесли, по сто пятьдесят граммов будет достаточно! Еще раз спасибо!

Весть о том, что будет выдан хлеб, мгновенно облетела состав. Радость была всеобщая.

И вот из вагонов к складам потянулась вереница ребят для переноски хлеба. Не оказалось ни мешков, ни ящиков. Бережно, как драгоценность, несли мальчишки на руках буханки хлеба. Был солнечный ясный день. Откуда-то незаметно подкралось черное облачко и мгновенно

обрушилось на землю проливным дождем. Мотя металась между ребятами и пыталась увести их в укрытие. Но пока добирались, дождь превратил буханки хлеба в раскисшую массу. Глядя на только что полученное богатство, так беспощадно испорченное природой, Мотя расплакалась. Вместе с ней вытирали слезы Варвара Сергеевна и Катя. Но ребята есть ребята. Они-то и пришли на помощь в трудную минуту.

— Не расстраивайтесь, Матрена Исаевна! Он все равно вкусный! Хлеб осторожно и очень аккуратно разделили на всех. Это был военный хлеб — со жмыхом, картошкой, мякиной, но ребята с аппетитом уплетали его.

— Ой, девочки, такого хлеба вкусного сроду не ела!

— А пахнет-то домом! Неторопливо, бережно, наслаждаясь хлебным ароматом, ели ребята хлеб. Обычно торопливые в еде, сейчас они были осторожны, растягивая дольше это удовольствие. Нигде не осталось ни крошки. Все было подобрано тщательно и отправлено в рот.

Весь день простояли в тупике, а вечером Мотя: с радостью узнала, что в дорогу будет выдано сто килограммов сухарей.

"По тридцать граммов на каждого, но червячка заморить можно", — прикинула она и с благодарностью подумала о солдатах, которые из своих запасов выделили для ребят и давешний хлеб, и вот эти сухари. Распределив их по вагонам, Мотя наказала старшим, чтобы сухари выдавались только по разрешению и хранились в дороге как НЗ.

Ночью состав тронулся. Всю ночь ребята не сомкнули глаз. Обычная ночь на напряженной железнодорожной трассе для них была открытием. Что видели до этого момента смоленские дети? Там, на родной земле, по их деревням проходили до зубов вооруженные немцы, шли вражеские танки, автомашины. И только сейчас ребята смогли убедиться в силе нашей армии. Эшелон за эшелонам шли с востока на запад с нашими танками, самолетами, артиллерией. Во все глаза смотрели ребята на эту мощь, и Мотя чувствовала, как на смену сомнениям приходит уверенность: "Победим!"

— Какая сила прет! — восторженно крикнул кто-то, когда мимо прогрохотал очередной тяжеловесный состав. Северная дорога была настолько перегружена, что в течение ночи эшелон несколько раз останавливался и пропускал, пропускал встречные поезда. За эту ночь они проехали около шестидесяти километров. На станции Удомля их состав снова загнали в тупик. Обратившись к начальнику станции, Мотя получила ответ:

— Отправить сможем только ночью. В ночь с 6 на 7 августа с длинными остановками доехали до станции Максатиха. В ночь на восьмое прибыли на крупную станцию Бежецк. За трое суток они проехали только сто пятьдесят километров.

Мотя вместе с Громовой и Поляковой прошли по вагонам. Настроение у ребят было неодинаковым. Приходилось и разговаривать, и успокаивать. Дали добро на использование сухарей. Девочки, видя их беспокойство, говорили:

— Не обращайте внимания на наши слезы. Порвем да перестанем. Наверное, не все еще выплакали.

— О нас-то заботятся! Везут, охраняют! И действительно охраняли. На смену ястребу пришел крупнокалиберный пулемет. Никто не заметил, когда его установили на крыше одного из вагонов. И он теперь часто напоминал о себе, как только появлялась опасность.

Жизнь в вагонах шла своим чередом: пели песни, рассказывали истории, кто-то латал свою одежку.

Паша Медведева снова заворожила ребят легендой. Она рассказывала про Сиренгу.

— Сколько ты их знаешь, Паша? — поинтересовалась Мотя.

— Много, Матрена Исаевна. Мне их мама рассказывала, да дед Афанас.

— Тебе бы фольклором заняться, сказки собирать

— А я художником хочу быть!

— А рисовать-то ты умеешь ли? — спросил кто-то из ребят.

— Нет, не рисовала, а вот вижу все-все...

И какими красками... Вот, к примеру, дождик. Когда он льет среди пожарищ, он кроваво-красный, в школу с мамой иду, нам весело, и дождик — голубой, с прозрачными капельками; грозовой — он цвета фиолетового, да их много — дождей разноцветных...

Во время беседы подошла Катя и отозвала Мотю в сторону.

— Я обошла все вагоны, осмотрела ребят.

Даже беглый осмотр не утешает. Много желудочно-кишечных больных, часто встречается конъюнктивит, от истощения у большинства — куриная слепота. Слабость, головные боли, кровоточащие десны — это почти у всех. Есть несколько тяжелых: Логинов, Дроздова. Правда, рана у неё заживает, но она очень слаба. И ещё, меня беспокоит страшная завшивленность. Ребята пытаются бороться, но...

— Нам бы сейчас баню хорошую да прожарить бельишко. Может быть, в Рыбинске удастся? Пойду узнаю, когда прибудем туда.

Словно отзываясь на тревогу, в которой сейчас находились старшие, состав все набирал скорость в пути. И 9 августа, прогудев, остановился на станции Рыбинск. Вольскую уже разыскивала женщина в белом халате.

— Вашу телеграмму получили. Сейчас всех — в санпропускник.

Сколько вас?

— Больше трех тысяч.

— Пятьдесят человек в час — пропускная способность нашей жарилки.

— Выходит, мы четверо суток будем этим заниматься? — ахнула Мотя. И тут же добавила: — Нет, нам самое большее — нужны сутки! Ребята очень слабые. Все, кто покрепче, будут помогать.

Баня вызвала всеобщий восторг. Увидев электрический свет, горячую воду, мыло, ребята не переставали ахать и удивляться. Среди них были такие, кто видел электричество впервые. Всем объяснили, что в начале войны была пущена

Рыбинская электростанция на Волге, она-то и дает сейчас свет и энергию. Ребята плескались, брызгались, так искренне радовались, что даже суровые банщики оттаяли.

— Худые-то какие! Да вы не жалейте, ребятишки, воды и мыла! Мойтесь вдоволь!

И ребята старались и рады были еще и еще искупаться, но время не ждало. Мотя с Варварой Сергеевной и Катей поторапливали ребят. |Они, качаясь от усталости, они сутки не выходили из бани, подгоняя, помогая. Много времени уходило на жарилку. Смены белья почти ни у кого не было, поэтому приходилось ждать. Но ребята были терпеливы. Выходили распаренные, пошатываясь. Лица у всех сияли от чистоты и удовольствия. После бани было выдано по сто граммов сухарей. Это была роскошь! Только сейчас Мотя позволила взять себе свою порцию. Ведь в Бологом она не могла есть, видя, с какой уплетают хлеб ребята. Голова кружится от усталости, жары, голода. Руки дрожали, когда она подносила сухарь ко рту. Но горячая баня и сухой паек сделали свое дело: силы вновь возвращались к ней.

Прошло около полутора суток. Полякова доложила.

— Почти все ребята перемыты, находятся на местах

— Почти?

Часть мальчишек убежали купаться на Волгу к ГЭС. Туда побежала Громова.

Эшелону дана была дана зеленая улица, и Вольская не помня себя, поспешила к Волге. Но все кончилось благополучно, и 10 августа состав отошел от Рыбинска. Его отправление большинство ребят уже не заметило, в "пятьсот веселом", как его называл его Саша Левшинов, впервые почти все дети стали под перестук колес.

Но вся предыдущая дорога, все волнения и лишения, голод и начавшиеся болезни сказались на следующий день, когда прибыли в Ярославль

Их встречали.

— Вас ждет обед в железнодорожной столовой, — доложили Моте.

— Сколько там мест?

— Сразу можно посадить за столы человек тридцать.

— Тридцать? Так мы и за двое суток не пообедаем! —
ответила она.

— Нет, нет, сделайте все возможное, чтобы дети смогли
пообедать как можно быстрее!

И пока в столовой шла перестройка на прием большего
количества ребят, Мотя со старшими организовала высадку.
По трапам ребята спускались еле-еле, держась друг за друга.
Настроение у многих упало. Даже известие об обеде не
вызвало особой радости. Мотя с тревогой наблюдала за ними.

Этот упадок настроения беспокоил ее больше всего.
Такого у них еще не было. Пока все обедали, Мотя бросилась
к начальнику станции.

— Когда будет отправлен эшелон? — задал она свой
вопрос.

— Только через трое суток.

— Трое суток? Да вы представляете, что такое для них
трое суток? Я привезу не детей, а трупы. Надо отправлять как
можно скорей!

— Я сделать ничего не в силах.

Ответ вывел Мотю из себя. Хлопнув дверью, она
вышла. Мысли лихорадочно метались: "Что делать? Как
выйти из этого положения?". Она решила отправить
телеграммы в Москву, Иваново, Горький. Состав тем
временем загнали в тупик.

Идя вдоль вагонов, Мотя видела, что большинство
ребят уже не выходят, нет сил. Узнав о том, что их
задерживают на трое суток, ребята давать советы:

— Матрена Исаевна, а вы идите опять к начальнику и
сидите там, а мы группами будем приходить каждые пять
минут. Небось, надоест он нас отправит.

— А может, ввалиться к нему сейчас всем!

— Уж ты ввалишься! С полатей-то еле слазишь, а тут к
начальнику.

При вечерней переключке 12 августа обнаружили, что не
хватает пятнадцати человек.

— Бибиковцы ушли, — сказала Полякова. — пока мы в столовой были, они ушли.

— Мои три сестренки, двоюродные, тоже, наверное, ушли, нет их нигде, — добавил Коля Тихонов.

— Эх, к чему придут-то? — заметил кто-то из мальчишек.

Это известие потрясло Мотю. Она бросилась к милиции. Да разве можно было найти тех ребят в военной сумятице!

Прошел еще один день. А в ночь с 12 на 13 августа, дав длинный гудок, состав тронулся. Казалось война отступила, и теперь они долго не услышат воя бомб и свиста пуль. Но Иваново встретило их грохотом воздушного боя. Не доехав до станции, дав короткие гудки, поезд остановился. Переждав бомбежку, кто где мог, ребята долго собирались. Обедать повели в город. Шли медленно, растянувшись на несколько улиц. Впервые они шли по улицам большого города. На улицах останавливались люди и смотрели на этих истощенных, измученных ребят. Женщины вытирали слезы, многие подбегали, совали в руки картофельные лепешки — "лейтенантики"

— Откуда вы, ребятки?

— Со Смоленщины.

— Ой, настрадались, видно, родимые!

— Далеко ли едете?

— Сами не знаем.

Доброжелательность, с которой встречали. действовала на ребят как лекарство. Они обменивались впечатлениями.

— Гляньте, сами-то ивановцы бледные да худые.

— Тоже не сладко живется! Война-то у всех!

Столовая поразила ребят. Первая группа топталась у дверей, не решаясь зайти.

— Вы что не проходите, ребята? — подойдя, спросила Мотя.

— Матрена Исаевна, поглядите-ка, чистота-то какая! А мы...

— Там дорожки, скатерти белые, а мы в таком виде, — добавила Маша Тронина.

Мотя подбодрила ребят:

— Не смущайтесь, ведь для вас старались! Будьте только поаккуратнее.

Ребята входили несмело и осторожно усаживались. На столах мгновенно появились тарелки с горячими щами. Ребята ахнули.

Они ели горячие щи. Мотя обходила столы, просила есть не торопясь. Таня Касаткина старательно подбирает крошки хлеба и, прежде чем отправить их в рот, держит на ладони.

— Хлеб-то как наш, домашний.

Сема Филиппенков завернул кусок хлеба и положил в карман.

— Сема, не волнуйся, нам на дорогу дадут хлеба, — подойдя к нему, сказала Мотя.

— Да я не себе, а сестренке. Она в Москве живет, ей тоже трудно.

— А мы в Москву не попадем, она в стороне осталась. Так что ешь сам вдоволь.

В Ярославле Моте не удалось перекусить, а здесь ее усадили за стол и поставили тарелку дымящихся щей. От аромата и вкуса по-домашнему наваристых щей кружилась голова, дрожали руки. И сама обстановка, в которой они сейчас находились, и обед — все это помогло хоть ненадолго снять напряжение и подавленное настроение. После обеда на дорогу выдали по буханке хлеба на двоих.

Кто-то из мальчишек достал "Правду" от 13 августа, где вновь было сообщение о смоленских партизанах. Передовая "Правды" писала:

"Весь советский народ с любовью и глубоким вниманием следит за боевыми делами наших славных партизан. Недаром народ называет партизан народными мстителями. Народные мстители — люди беззаветной храбрости, отваги, истребляющие врага за его дикие зверства над беззащитными женщинами, детьми, стариками, за пожары наших сел, деревень и городов, за любые муки,

которым подвергают немцы бойцов и командиров. Кровь за кровь — таков железный закон народных мстителей".

Не сговариваясь, подняли ребята сжатые кулаки и проскандировали: "Кровь за кровь!" Газета передавалась из вагона в вагон. Ребята ожили.

Настроение явно поднималось. Слышались песни, шутки.

Расставаясь с гостеприимным городом, Мотя еще раз подумала о том, где же примут их эшелон? Вся надежда на Горький. Сидя в проеме вагона, наблюдая за проплывавшими деревнями, ребята размышляли:

— А здесь уже мирной жизнью пахнет. Деревни целые стоят, станции не разрушены.

— Зато отсюда оружие идет.

— Скоро и мы будем фронту помогать, доехать бы к месту!

— А вдруг нас Горький не примет?

— Так мы ж партизаны! Сами его возьмем! С ходу!

Ранним утром поезд подходил к Горькому. Мотя с тревогой вглядывалась в силуэт приближавшегося вокзала. Еще издали она заметила на перроне группу людей. "Ждут! Нас встречают!"

Их действительно ждали. Среди встречавших были представители городских властей, трудовых резервов, народного образования, врачи. Все огромное напряжение, вся воля, что держала Мотю все эти тяжелейшие дни, ежесекундная тревога за ребят и эта, бьющаяся постоянно мысль: "Только бы довести всех живыми!" — все это сейчас отступило, и она почувствовала, как теряет силы. Сходя с трапа, она пошатнулась, но тут же кто-то из встречавших подхватил ее.

— Да вам самой в больницу надо!

— Нет, нет! Принимайте ребят!.. По спискам...

Из вагонов спускались ребята. Многих выносили на носилках.

— Куда их теперь? — спросила Мотя.

— Не волнуйтесь, товарищ Вольская, всех на ноги поставим! Подлечим, подкормим в больницах, госпиталях, в деревнях. А остальных отправим в ФЗО, ремесленные училища. Они еще фронту помогать будут!

— Об этом ребята всю дорогу только и мечтали, — ответила Мотя.

К ней подошел представитель облоно.

— Ребят мы выстроили на площади перед вокзалом, сейчас проведем перекличку.

Как во сне проходили перед Мотей последние минуты прощания. Она видела ребят, заполнивших площадь, слышала обрывки разговоров, слезы застилали глаза...

— Товарищ Вольская, не хватает 15 человек.

— Я знаю. Это те, что сбежали, захотели вернуться домой.

— Подпишите акт о приеме ваших детей.

Мотя быстро пробежала его глазами: "...Дети имеют ужасный внешний вид, совершенно не имеют одежды и обуви... Приняли от Вольской 3225 детей..."

Все расписались. Она держала в руках этот листочек белой бумаги, а перед ней проходили ребята, что-то крича, махая руками.

Глаза выхватывали из рядов знакомые лица: Коли Анищенкова, Вани Москалева, Вити Фомичева и многих своих, басинких.

"Увидимся ли когда, ребята?" - хотелось крикнуть ей, но горло сжал спазм. Вот прошла последняя колонна и скрылась.

Кто-то тронул ее за рукав. Женщина-врач что-то говорила ей. Мотя с трудом заставила себя вслушаться в ее слова:

— У вас опухли ноги, руки, вам необходимо в госпиталь!

— Нет! Нет! Работать и только работать! Я должна еще помогать своей Родине!

Распрощавшись с Варварой Сергеевной и Катей, взяв за руки племянников Ваню и Таню, прямо с вокзала Мотя направилась в облоно. Она получила назначение в

Смольковскую школу Городецкого района. Здесь вскоре родится ее старший сын, сюда вернется с войны ее муж.

Здесь она выучит не одно поколение мальчишек и девчонок, обретет вторую родину. И здесь спустя много лет, встретится со своими смоленскими ребятишками, для которых с того августовского утра 1942 года началась новая жизнь в тылу.

Операция "Дети" для Моти была успешно завершена. А для партийных и комсомольских органов Смоленщины и партизан соединения "Батя" она была началом крупных акций по спасению детей. Инструктор ЦК ВЛКСМ Федор Исайченков 21 сентября 1942 года в своей записке в ЦК ВЛКСМ "О работе комсомольских организаций партизанских отрядов северо-западных районов Смоленской области" отмечал, что из этих районов в июле – августе 1942 года вывезено в тыл страны в ремесленные училища и школы ФЗО 13 500 подростков и 450 детей-сирот.

ГЛАВА "ЗАБЫТЬ МЫ НЕ ИМЕЕМ ПРАВА..."

14 августа 1942 года стало для всех 3225 смоленских ребят началом другой жизни. Без выстрелов, без постоянного страха перед налетом карателей и без свиста бомб. Они привыкали к тишине. Все были пристроены, учились в ФЗО, работали. Работали как одержимые, по 12-14 часов в сутки, а перед праздниками вообще не ходили домой. Ели, как и все, плохо. И все равно были счастливы. Сводки по радио сообщали о наступлении советских войск. И где бы они не жили: в Дзержинске, Муроме, Михайловском, Горьком - они всегда помнили о доме. Вести из родных мест получали редко, а получив, обсуждали, и невольно возникал вопрос: "Что было бы с нами, останься мы там, на оккупированной врагом Смоленщине?"

Убийство мирного населения стало частью той политики, которую фашисты "внедряли" на оккупированной территории. Так было всюду, где находился враг: в Крыму и Молдавии, под Москвой и Ленинградом, в Прибалтике и на Украине, в Белоруссии и на Смоленщине.

В сентябре 1942 года первый секретарь Духовщинского райкома партии Петр Цуранов напишет своей жене на Большую землю: "Дорогая Веруся, голубка моя! Сегодня мы приняли решение об активизации борьбы с немецкими оккупантами. Силы наши выросли, и мы вооружены не так уж плохо. Это не значит, что мы до этого дня отдыхали. Отряд провел шесть боевых операций. Немцы совсем озверели. 12 числа я вернулся из-под Духовщины. Как раз в эти дни там развернулись сильные бои. Фашистские банды за три дня сожгли 24 деревни. Деревню Кишкинцы немцы сожгли, население поголовно уничтожили. Чудом спаслись двое из 75 жителей. Детей рядами клали на дорогах. Затем подавили их танками. Одну женщину бросили в огонь, когда ее дом уже догорал, затем туда же бросили трех ее малюток. Трудно представить, что там творилось. Кажется, камни поднялись бы и посыпались на головы злодеев, если бы могли видеть

весь кошмар их преступлений. Ну им за это дают сполна наши партизаны! Духовщина сейчас похожа на кладбище — так уж здесь много немецких могил. Наш дом сгорел, я видел только Неллину кровать..."

Жестокость фашистов трудно даже порой представить. Сохранившиеся документы, фотографии и очевидцы, оставшиеся в живых, свидетельствуют: совершенное — дело рук извергов и палачей.

Начиная с 1942 года, гитлеровцы стали в массовом масштабе угонять население с захваченной советской территории, прежде всего молодежь, на работу в Германию и оккупированные страны. Для осуществления этой чудовищной акции был создан огромный чиновничий аппарат. 21 марта 1942 года Гитлер назначил матерого нациста Заукеля главным уполномоченным по использованию рабочей силы.

В апреле 1942 года Заукель издал директиву. В ней говорилось о том, что, если не удастся получить рабочую силу в захваченных советских районах на добровольной основе, "надо немедленно приступить к ее изъятию или принудительной депортации". Была поставлена задача: "наряду с военнопленными, которые еще находятся на оккупированных территориях... мобилизовать прежде всего гражданских лиц и квалифицированных рабочих и работниц в советских районах, начиная с пятнадцатилетнего возраста, для использования на работе в Германии". В директиве также указывалось: "Для того, чтобы заметно разгрузить от работы крайне занятую немецкую крестьянку, фюрер поручил доставить в Германию из Восточных областей 400—500 тысяч отборных здоровых и крепких девушек..."

Фашисты вывозили в Германию в качестве рабочей силы даже детей. С весны 1944 года, особенно в районах действия группы армий "Север" и "Центр", гитлеровцы принудительно сгоняли в так называемые "детские деревни" детей в возрасте десяти—пятнадцати лет (родственников детей убивали), затем их угоняли в Германию. 1 августа 1944 года гауптбанфюрер "Гитлерюгенда" Никель доложил, что из

40 тысяч детей, предназначенных для депортации, 2500 вывезены заводом "Юнкерс".

Специальные команды оцепили деревни и сёла, сгоняли жителей в колонны и, не разрешая людям ничего брать с собой, гнали их на запад. Тех, кто ослабевал в пути, в том числе детей, стариков и женщин, конвоиры пристреливали. Об этом злодеяния цинично говорил военный преступник Хейниш на процессе в Харькове в 1943 году: "Того, кто отказывался эвакуироваться, расстреливали на месте. Дети, старики, а также женщины, угоняемые в Германию, погибали от голода, так как их никто не снабжал продовольствием, от болезней и лишений.

Ясно, что такого рода мероприятия не имеют другого смысла, кроме уничтожения максимального количества советских людей с тем, чтобы большевики не получили рабочей силы и пополнений в армию".

Не дать фашистам осуществить до конца свой чудовищный план, помочь советским людям избежать ужасов "немецкого рая" — стало задачей подпольных обкомов партий, действовавших в партизанских зонах.

Несмотря на трудности, партизаны и подпольщики западных областей РСФСР освободили из концлагерей и отбили у врага свыше двух тысяч мирных жителей, направлявшихся на принудительные работы в Германию.

Через Нелидовские, Слободские и Киевские коридоры — разрывы в линии вражеского фронта — в советский тыл было переброшено 100 тысяч человек. Уже в декабре 1942 года из немецкой группы армии "Центр" докладывали "Мероприятия по вербовке рабочей силы Германии, привели к массовому переходу жителей в банды". Успешное наступление Красной Армии на Сталинградском и Центральном фронтах, боевые операции партизанских отрядов серьезно поколебали не только дух немецких армий на фронте, но и позиции их в тылу. С весны 1943 года оккупанты начали усиленно охотиться за советскими людьми. Главнокомандующий группы "Центр" распорядился: "Изъять все пригодное к работе население... и отправить в Германию".

А ведь еще недавно гитлеровские газеты, издававшиеся на оккупированной территории писали о "восторженной встрече немцев на Смоленщине и Орловщине". Советские люди сорвали расчеты оккупантов на широкое использование дешевой рабочей силы. Оккупанты намеревались отправить для работы в Германию пятнадцать миллионов советских граждан. Десять миллионов мужчин, женщин и детей истребили и замучили гитлеровские палачи на оккупированной советской территории - почти треть первоначальной наметки плана "Ост".

Особенно много населения уничтожили гитлеровцы под предлогом борьбы с партизанами. Советских людей вешали или расстреливали часто лишь по подозрению в связях с партизанами и подпольщиками.

Поскольку партизанское движение на оккупированной советской территории "угрожает превратиться в серьезную опасность для снабжения фронта и хозяйственного использования страны", в августе 1942 года Гитлер потребовал "до начала зимы в основном истребить отряды партизан и тем самым умиротворить восток позади линии фронта, чтобы избежать решающего ущерба для ведения боевых действий вермахта". В сентябре 1942 года гитлеровцы во что бы то ни стало решили прорвать оборону в районе "Слободских ворот" и ликвидировать Северо-Западный партизанский край Смоленской области, который удерживали соединение "Батя" под командованием Н.З. Коляды и партизанские полки и отряды. Фашистские оккупанты для устрашения населения сжигали в Смоленской области селения, уничтожали жителей, в том числе женщин, детей, стариков.

В сводке Совинформбюро от 23 декабря 1942 года сообщалось: "Немецко-фашистские мерзавцы учинили кровавую расправу над мирным населением деревень Снорки и Головицы Смоленской области. В деревне Снорки гитлеровцы сожгли 18 домов вместе с находившимися в них людьми. Заживо сгорело семьдесят жителей. Фашистские изверги изнасиловали семнадцатилетнюю колхозницу

Александр Гвардейцеву. После гнусных издевательств они отрезали ей груди и расстреляли. В деревне Головицы немецкие бандиты расстреляли колхозницу Марию Заболотскую с тремя детьми в возрасте от года до шести лет. Годовалый ребенок был убит выстрелом на руках у матери. Расстреляна вся семья Денисенковых, состоящая из пяти взрослых и двухлетнего ребенка. Всего в этих деревнях гитлеровцы расстреляли и зверски замучили 166 ни в чем не повинных жен, детей, стариков.

Упомянутая в сообщении фамилия Денисенковых имела прямое отношение к Маше и Оле Денисенковым, которые в это время уже учились и работали в Дзержинске. Погибла их старшая сестра Нина, от которой они успели получить три письма. В последнем она писала: "На некоторое время, девочки, мы остаемся без связи. У нас сейчас "плохая погода". Но вы не унывайте! Время такое. А если останемся в живых, обязательно друг друга разыщем. Как хочется жить, девочки! А в Рибшеве фашисты положили под танки детей, женщин — всех, кого застали в селе...". Трех месяцев не дожила Нина Денисенкова до своего двадцатилетия.

Осенью, зимой прорывались письма со Смоленщины. Получали их ребята в Дзержинске, Муроме, Горьком. Писали Тане Касаткиной из дома: "Погибла Нина Кашталева. Шла на задание в Смоленск. Немцы ее поймали и сильно издевались... Погиб Сережа Кашталев. Расстреляли его у своего дома. Погибли Коля Касаткин, Ваня Сухарев...". Вскоре письма перестали приходить и Тане. Только после освобождения Смоленщины узнала она страшную судьбу своей родной деревни Никуленка, которую немцы сожгли вместе со всеми жителями.

"В марте 1943 года в нашей деревне кто-то убил одного немца, — рассказывали потом Тане очевидцы, — Убитого жители убрали, но из деревни все ушли. Двое суток в деревню никто не возвращался. Но дома оставался скот. И люди снова вернулись. А утром, часов в 10, деревню окружили фашисты. Людей согнали в одно место, облили

керосином и подожгли...". Погибли мать, отец, братишка Тани.

Лишь после освобождения Смоленщины пришло письмо от двоюродной сестры и Нине Пастернак: "Дорогая сестренка, — писала она, — ты будешь нам теперь за родную сестру, а нашей маме за родную дочь. Твои родители погибли. Твой отец держал во время оккупации связь с партизанами — возил им хлеб. От взрыва однажды лошадь шарахнулась в сторону, отец упал с воза и сильно ушибся, а лечить было некому, через три недели он умер. Мать осталась одна, уехала в Никуленку. Однажды ее попросила посидеть с двумя детьми беженка из Ярцева. Мать согласилась, а та уехала на два дня. Когда она вернулась, ни деревни, ни детей уже не было".

Аня Сергеева оказалась в той группе ребят, что решила во время остановки эшелона в Ярославле вернуться домой. Аня выжила, но ужас тех дней она не забыла: "Жить в деревне стало просто невозможно. Почти каждый день шли бои немцев с партизанами. Сначала сгорело в наших Бибиках шесть домов, погибла одна женщина. А 1 ноября 1942 года приехало много немецких конников, собрали на улице народ и стали спрашивать о партизанах. Но все молчали. Немцы уехали, но по пути им встретилась Люда Чугуренкова с сыном. Они их расстреляли. По дороге на немцев налетели партизаны и здорово их поколотили. От партизан мы узнали, что немцы хотят сжечь всю нашу деревню вместе с жителями 6 ноября. Мы в ночь на шестое все ушли в лес. А утром шестого все 82 дома в Бибиках сгорели. Долго искали нас каратели с собаками по всему лесу. Нас спрятали партизаны. Потом мы вернулись в деревню, вырыли землянки. Но каратели не забыли про нас. Нагрянули неожиданно, всех схватили и угнали в лагерь около Смоленска — в село Катынь. Ну а как жили в лагерях — передать невозможно..."

Судьба трех двоюродных сестренок Коли Тихонова оказалась трагичной. Они вернулись в Заборье к своему деду и вскоре были сожжены карателями вместе с жителями деревни.

Сотни тысяч советских людей, в том числе и дети, погибли в "лагерях смерти" в Германии и в оккупированных гитлеровцами европейских странах от голода, изнурительного труда, истязаний и болезней. Многие из тех, кто прошел через концлагеря и германский "рай", остались на всю жизнь инвалидами. Среди них и Зинаида Владимировна Скородина, которую угнали в Германию со Смоленщины ребенком.

Когда началась война, отец Зины погнал скот в тыл страны. Семья взяла свои небольшие пожитки и ушла из Смоленска в деревню Холм. Там в колхозной избе они жили до прихода немцев. Брат Саня ушел к партизанам. Когда начались очень сильные бои партизан с немцами и полициями, они уходили в сторону деревень Кадищи, Желуды, Чача, поближе к партизанам. А когда становилось потише, снова возвращались в деревню. Но однажды не успели уйти, всех посадили в амбары, закрыли и поставили охрану. Потом на машине увезли в Холусы на допросы. Там били и спрашивали: "Где твой брат? Куда девалась корова?"

Вскоре повели в рощу около школы и сказали, что здесь всех будут вешать. Попугали, но никого не повесили. Только у всех на глазах били маму Зины. Потом еще раз допросили и сказали: "Идите домой, и чтобы звуку от вас не было, чтобы подчинялись властям".

В конце 1942 года партизанские семьи забрали и повезли в лагерь, в Каменку, недалеко от села Верховье. Все, что было, дорогой отобрали, даже фотографии. Сопровождали их местные полицаи. В Каменке уже много было таких, как они, со всех районов: дети, старики, подростки. Все чистили дороги от снега и копали дзоты и окопы. В апреле 1943 года подростков и женщин, которые могли работать, увезли в Касплю, а из Каспли отправили в Германию, пообещав райскую жизнь.

На сборном пункте в Витебске больных сразу же отобрали и убили. Остальных посадили в машины и повезли дальше. На каком-то человечьем рынке женщин и девушек из каменского лагеря никто не взял для работы.

Одеты плохо, в зимней разорванной одежонке, на ногах чуть держатся лапти. Их опять куда-то повезли.

Так Зина оказалась в Гамбурге в концлагере. Впоследствии она вспоминала: "Одели лагерную одежду, пришили на рукаве знак национальности "ост" и на груди номер. Мой номер 18267, и не стало у меня имени. С мая 1943 по май 1945 года работали на заводе, что был рядом с лагерем. Заставляли нас драить в цехе полы, мыть и убирать станки, работать на станках. С работы и на работу водили под охраной с собаками. Били нас жестоко и за всякий пустяк. И за то, что плакали и не так глянули на немцев, и за то, что делали брак, а это было очень часто. Бывало даже, ломали станки. Но среди немцев были и хорошие люди. Один мастер каждую субботу приносил хлеб и давал нам потихоньку с подружкой Шурой, чтобы никто не видел. С нами в цехе работали французы, бельгийцы, итальянцы, сербы, хорваты, чехи. Все они нас, русских, очень любили. Жили они также в лагере, но отдельно от русских и ходили вольно. Нас кормили прямо в цехе из бачка. Утром давали баланду без ничего, в обед — суп из брюквы или квашеной капусты и 150 г хлеба и одну-две нечищенные картошины. Картошка часто была гнилая, и все равно ее съедали с кожурой. Хлеб мы не ели, прятали за пазуху, так как на ужин давали только горячую воду. Голодных, худых, нас заставляли работать наравне со взрослыми.

Недалеко от нашего барака были мужские бараки, отделенные колючей проволокой и решеткой. Работать мужчинам было еще тяжелее. Они выполняли самую тяжелую физическую работу, а кормили их так же, но били сильнее.

Потом Гамбург стали бомбить, и пошел разговор, что скоро кончится война и мы уедем домой. Однажды пришел комендант и сказал, что завтра на работу не пойдем, так как нет света. Никто не знал, что война уже кончилась, город сдан без боя и мы остались живы.

Утром 28 мая нас освободили американцы. Мы сразу не поверили, что на свободе. Потом нас перевели в советскую

зону. Что было, когда мы встретились со своими солдатами и офицерами, не передать! Нас было — тысячи! Худые, полуживые скелеты, бледные и обессиленные, но радостные бесконечно! Вернулись домой. А дома, на Смоленщине, у нас ничего не осталось. И то, что произошло с моим поколением, забыть мы не имеем права".

С фашистской чумой боролась вся Советская страна — одни с оружием в руках, другие ковали победу над врагом в тылу. В войну город Горький был тыловым городом. Он являлся надежным арсеналом страны. Ежедневно из ворот Горьковских заводов уходили на фронт танки, самолеты, пушки, снаряды. В каждом из них был труд сотен тысяч горьковчан, среди которых наравне со взрослыми стояли у станков мальчишки и девчонки военного времени. Настоящую рабочую смену привезла в Горький в августе 1942 года Матрена Исаевна Вольская. Эти ребята, в короткий срок овладев основами производства в ФЗО и РУ, смогли внести и свою лепту в дело победы.

"Все для фронта, все для победы!" — эти слова были у всех на устах. А для смоленских ребят они имели особый смысл. Их не надо было убеждать, они сами рвались к работе, к своему "участку боя". Спустя много лет они вспоминали о времени, о людях, которые были с ними рядом, о своих мастерах, воспитателях.

Группа, в которой был Сергей Долгушев, попала в Муром. До Мурома плыли по Оке. Большая река, пароходы — все было в диковинку. Мальчиков распределили в ФЗО № 21, девочек — в ФЗО № 10. Ребят стали учить строительным профессиям, девочек — работе в цехах завода. Сергей был зачислен в группу штукатуров. Они учились, а потом стали работать. Работали по 12 часов и очень ждали вестей из дома.

Двести человек из эшелона попали в ФЗО № 7 в селе Михайловском. Проучились 5 месяцев, получили специальность судоплотника и с 1 января 1943 года стали работать на судовой верфи. В этой группе был Сема Филиппенков. Работали по 10 – 12 часов. Еще в училище он

получил письмо с фронта, что брат погиб. А позже из письма сестры узнал, что мать и отца угнали на Украину, отец по дороге умер.

Колю Логинова из Горького направили в Борский район в деревню Шерстнево. Привели к председателю колхоза Трофиму Ивановичу Чекушину. Он провел мальчика в дом и шепнул своей жене: "Смотри не перекорми парня, видишь он какой". Прожил Коля у них с неделю, а потом Трофим Иванович отвел его в Ситниковский совхоз. Директор совхоза Валентин Федорович Пестов предложил пасти коров и спросил: "Сумеешь? Тебе помогут". Мальчик делал все, что надо. Зимой возил воду в коровник, а когда окреп, работал в кузнице молотобойцем.

Большая группа ребят попала в Сормово в ФЗО № 15. Через шесть месяцев они стали самостоятельно варить сталь. Начальником смены у них был Николай Сергеевич Агазарьянц. Заслуженный металлург РСФСР, заслуженный сормович Николай Сергеевич Агазарьянц их хорошо помнит: "В августе сорок второго передо мной встали 50 гавриков — худых, изможденных смоленских ребят, выведенных с оккупированной территории. Смотрел на них и думал: "Что же они смогут? Тем более в нашем деле! Ведь для варки стали нужны люди особые. Маститым сталеварам, прошедшим школу у мартеновских печей, стоило огромных трудов, мужества, чтобы "стоять смену и дать нужное количество стали для фронта, а тут — мальчишки".

В то время людей в цехе не хватало, а стали требовалось все больше.

Шли бои под Сталинградом. И надо было учить искусству сталеварения вот этих мальчишек. Я начал с того, что сказал:

— Из стали, которая варится сейчас, будет сделана броня для танков.

Надо было видеть глаза мальчишек! Я знал, у каждого из них остались на Смоленщине родные, у многих погибли родители, братья, сестры. И в этих глазах я прочитал решимость преодолеть себя, свою немощ, свой возраст,

лишь бы помочь победе. Мы распределили их по печам по шесть-семь человек. Работали они посменно, сначала по 8 часов в сутки, а с ноября сорок второго года и по 12 часов. Им было очень нелегко в первые недели и месяцы. Ужасно трудно давались ночные смены. Но ребята делали все, чтобы выстоять. С первого дня на предельно высоком сознании и дисциплине они учились нашему делу. Я никогда не слышал, чтобы они ныли. Их рвение в работе переходило даже допустимые границы. Помню Володю Сидоренкова. Он родом из Духовщины, не раз видел расстрелы, казни. На каждую плавку он и шел, как в бой — неистово. Но силенки-то не хватало, и однажды при выпуске стали он упал в обморок. Отправили в медпункт. Но, как только он пришел в себя, вскочил и говорит: "Ничего, ребята, пройдет! Все равно одолею!"

Или Ваня Москалев. Росточком мал, а какая сила душевная в нем сидела! Просто удивительно! Удивлял нас Ваня Черников. Помню, надо было ремонтировать свод печи. Он, не задумываясь, лез туда, где температура свыше 100 градусов. Обжигал спину, но никогда не хныкал. Однажды из печи чуть живым вытащили. Подлечился и снова к мартену. Взрослые дивились, на него глядя. Коля Анищенков всегда был заводилой. Выдумкой, шуткой он ободрял ребят. Воду принесет, приберется... Успевал и радио послушать, и музыку не забывал, газеты читал. Все вести с фронта ребята знали отлично. Шли бои на Курской дуге... И, если надо было постоять лишний час, а то и смену, они стояли. Тогда не было механической загрузки печей, все делали вручную, лопатами. Надо было овладеть ловкими приемами: совковой лопатой поддеть больше трех килограммов металла, размахнуться и с разворотом бросить точно на заднюю стенку в печь, на расстоянии более шести метров. В лицо — нестерпимая жара, а сзади уже поджигает товарищ с полной лопатой. И так на едином вздохе за десять минут. На заправку многотонной печи каждому надо было бросить не менее тридцати лопат. Ребята не только себя не жалели, а соревновались, да еще

шутили при этом: "Бери больше, кидай дальше, отдыхай, пока летит!"

С первого дня в нашем цехе эти смоленские ребята стояли насмерть. Им тоже было понятно это слово "надо".

А еще им было у кого поучиться. Ефим Петрович Курдюков, обер-мастер. К тому времени уже 20 лет он у мартена простоял. Во время своей первой беседы с ребятами сказал:

— Ну, пойдемте, я покажу вам истинную красоту! Но увидеть ее дано только настоящему человеку. Им можно стать только в мартене!

Он учил их, замечая недостатки, подсказывая, оказывая, он делал из них мастеров нашего дела.

Сердце и душу свою вложил в этих мальчишек и Михаил Сергеевич Синев, помогая растить настоящих сталеваров.

С этими ребятами можно было горы vorочать".

Каждый день, каждый час приближал Победу. Ее ждали все. Ждали мальчишки и девчонки из Смоленщины!

День, когда кончилась война, Аня Ткачева запомнила на всю жизнь. Работала в ночную смену. Кругом гудели конвейеры да станки. В два часа вдруг бежит мастер и выключает рубильник. Все удивились, думали, где-то авария. А мастер помолчала и тихо сказала:

— Девочки, сейчас спокойно уберите рабочие места, всю продукцию на станочки, а сами идите в комнату питания.

А потом не выдержала да как закричит:

— Девчата, война кончилась! Германия капитулировала!

Сколько было радости, криков "ура!". У проходной вся ночная смена плясала, пела, все кричали одно только слово: "Победа!".

ГЛАВА "И СКОЛЬКО БЫ НИ МИНОВАЛО ЛЕТ..."

Мальчишки и девчонки в 12 лет — самый любознательный народ. Их интересует буквально все. И когда в 1972 году в школе № 4 г. Бор на встрече с пятиклассниками военрук, бывший партизан соединения "Батя", рассказал о Матрене Исаевне Вольской и предложил начать поиск, от желающих не было отбоя. Поддержал ребят и директор, сам фронтовик, заслуженный учитель РСФСР Василий Николаевич Гребнев. Начинали поиск пятиклассники вместе с классным руководителем Капитолиной Ивановной Башляевой.

И уже в 1975 году, к 30-летию Победы, была проведена встреча с первыми тридцатью двумя. Это были те самые мальчишки и девчонки, которых в 1942 году Матрена Исаевна Вольская привезла в Горький. На встречу приехала и Матрена Исаевна. Не только для следопытов, но и для всей школы встреча была незабываемой.

"Радости и гордости ребят не было границ, — вспоминает Капитолина Ивановна. Вместе с Матреной Исаевной приехали тогда скульптор Людмила Федоровна Кулакова, ее товарищ по партизанской борьбе; Иван Романович Шлапаков, партизанский комбриг. Уже тогда Матрена Исаевна была тяжело больна. Ребята знали об этом".

Матрена Исаевна рассказывала на встрече о своих товарищах больше, чем о себе.

В Первой партизанской бригаде, где Матрена Исаевна воевала до двадцатых чисел июля 1942 года (когда получила задание по операции "Дети"), числилось более 1500 бойцов. По ее сведениям, в живых осталось только 60. В феврале 1943 года в одном из боев погиб Петр Феоктистович Цуранов, секретарь Духовщинского Райкома партии. В том же бою погибла и директор Басинской школы Наталья Ивановна Матвеева.

В феврале 1943 года, защищая выход из окружения своих товарищей, героически погиб

Федор Яковлевич Апретов, командир Первой Смоленской партизанской бригады. Подпустив гитлеровцев близко, он подорвал себя и фашистов. В июле 1943 года погиб и командир ее отряда — Анатолий Евлампиевич Соколов. Окруженный врагами, видя, что погибли все его товарищи, последнюю пулю он оставил для себя. Невыносимо тяжело было Матрене Исаевне рассказывать о гибели тех, чья дружба и преданность были проверены в самых лихих условиях.

Но как ни горька была утрата друзей, самым горьким было полное неведение о Бате. Долгие годы после войны никто из оставшихся в живых не мог доподлинно сказать — где он, что случилось с ним. Почему враз были оборваны все нити, которые могли бы привести к нему? О легендарном Бате словно все забыли. Ни слова не просочилось в печать о судьбе человека, о котором в 1941 – 1942 годах редко не писала хоть какая-то из центральных газет. И лишь в 1979 году – первая статья в "Правде" "Товарищ Батя". Это было официальное снятие запрета с имени человека, чья судьба и жизнь встает в один ряд с лучшими из лучших и может быть мерилем истинного члена партии. Встреча с сыном Бати — Александром Никифоровичем Колядой, с бывшим начштаба соединения Бати — Л.В. Громовым и бывшим комиссаром соединения П.И. Соколовым прояснили все, на что было наложено табу многие годы. Участники разговора восстанавливали картины событий тех лет и вспоминали.

Вспоминает Л.В. Громов:

— Для начала надо познакомиться с обстановкой, которая сложилась в северо-западных районах Смоленщины с весны 1942 года.

Перед фронтом 4-й Ударной и 41-й армий развернулся обширный партизанский край. На 60 км по фронту и 80 км в глубину расположения вражеских войск вклинилось партизанское соединение Бати, партизанские полки Гришина, Садчикова, находившиеся в оперативном подчинении штаба Бати. На всей этой территории была восстановлена Советская власть, действовали сельские советы Слободского, Демидовского, Касплянского, Руднянского, Духовщинского

районов. Партизаны контролировали стратегически важные транспортные магистрали Москва – Смоленск, Смоленск – Витебск, Смоленск – Орша.

"Партизанское движение перед фронтом нашей армии превратилось в могучую силу, способную решать более сложные и ответственные задачи, чем до сего времени" — так оценивало командование 4-й Ударной армии значение партизан на этом участке. Да и немцы прекрасно понимали, как велика для них опасность усиления партизанского влияния. В конце июля, августа 1942 года они проводят постоянную разведку партизанского края боем. А в 20-х числах августа разведотдел штаба "Бати", которым руководил В. И. Брусов (кличка "Степанов") получил точное сообщение о готовящейся против партизан карательной экспедиции. Указывались сроки — 10 сентября 1942 года. По плану немцев ликвидация Велижского выступа и разгром 4-й Ударной армии открывал путь на Москву. Это сообщение было срочно передано в Центр, командованию Калининского фронта. Штаб "Бати" разработал оперативные мероприятия по эвакуации населения. 10 сентября 1942 года каратели начали операцию с двух направлений: со стороны Демидова – Каспли и Духовщины – Рибшева. Партизаны вели ожесточенные бои. И хотя численность карательных отрядов превышала в 4—5 раз, в день они продвигались не более чем на 3 километра.

Командование Калининского фронта, понимая всю серьезность сложившейся ситуации, обратилось к Бате и комиссару Ф. Н. Муромцеву (П. И. Соколов в это время уже командовал спец-отрядом): сделать все возможное, чтобы задержать продвижение карателей в район Слободы до подхода частей 43-й армии. Именно в этот ответственный момент Н. З. Коляду вызывают в Москву.

Вспоминает сын, А. Н. Коляда:

— 24 сентября 42-го года отец получил срочную телеграмму из Центрального штаба партизанского движения о немедленном прибытии в Москву для получения спецзадания. Он возмутился, недоумевал: как в такое

критическое время, когда идет ответственное сражение, командиру приказывают покинуть свой пост?

Все стало ясно потом.

П. И. Соколов:

— *Дело в том, что к этому времени в Центральном штабе партизанского движения уже был готов план расформирования партизанского соединения Бати на бригады и отряды. Кому-то Батя, с его соединением, мощным, сплоченным, очень и очень мешал. Но кому? Еще до вылета в Москву, уже зная об этом плане, Батя добился, чтобы готовящийся приказ был приостановлен. Лично генерал Конев дал ему устное заверение, и расформирование соединения было задержано. Конев согласовал этот вопрос со Ставкой Верховного главнокомандования.*

А. Н. Коляда:

— *Отец прекрасно понимал, что обращение в верха не пройдет для него бесследно, и сторонники расформирования партизанского соединения ему не простят этой "вольности". Так все и случилось. И хотя официального приказа пока не было, неофициальные вступали в силу. И примером этого стал полк Гришина, который вышел из оперативного подчинения Бати, действовал самостоятельно. В такой момент Батя не мог покинуть соединение, и он 3 дня не выезжал по телеграмме.*

П. И. Соколов:

— *Уехал Батя на лошади в сопровождении бойца. В Ильино встретился с генералом Курасовым, командующим 4-й Ударной армией. Он дал Бате легковую машину, пожелал счастливого пути. О дурном, очевидно, не помышляя.*

А. Н. Коляда:

— *И все же, где-то в глубине души, отец, вероятно, подозревал, что этот вызов в Москву в разгар боев — не случайность. Еще до войны он нет-нет да и скажет: "Удивительно, я еще на воле. Судьба его соратников — Постышева, Блюхера, Промахова, расстрелянных перед войной наводила на определенные*

раздумья. Дорога до Москвы давала возможность взвесить все. Я рассказываю сейчас со слов отца, восстанавливая события так, как помнил их он, какими остались они в моей памяти. В Москве отца принял по поручению Сталина А. А. Андреев, а 7 октября — Ворошилов, который и командовал тогда по поручению Ставки партизанским движением. Три часа продолжалась беседа. О содержании ее я не знаю, но, как рассказывала потом мама, отец был очень расстроен и самой встречей и тем, что Ворошилов "уходил" от разговора о судьбе партизанского соединения. Он не мог, конечно, тогда знать, что судьба его решена, что Ворошиловым подписан приказ о его аресте. Это произошло в ночь на 8 октября 1942 года. Отец побелел, как полотно, но внешне остался спокоен, когда за ним пришли. Видимо, те раздумья, на которые наводили его аресты старых товарищей, друзей — внутренне подготовили отца. А вот мама была в шоковом состоянии. Она была на 16 лет моложе его, и все происходящее той ночью казалось ей кошмарным сном. Она только причитала: "Что же будет? Что же будет?" Когда отца уводили, он, стараясь успокоить маму, сказал: "Совесть моя чиста, не поминайте лихом!"

Как это бывало после ареста, описывали имущество. То же самое должны были сделать и у нас. Но маме запомнились слова одного из сотрудников НКВД, говорившего по телефону, что и описывать-то нечего: все имущество — стол да кровать. А жили мы действительно предельно скромно. И хотя отец всю жизнь был на ответственных должностях, у нас, кроме самого необходимого — смены белья и верхней одежды, не было ничего. Нас в полном смысле выкинули на улицу. Мама осталась с двумя ребятами почти без средств на жизнь. О том, как мы росли — разговор особый. Главное — об отце. Его арестовали с 7 на 8 октября 1942 года, а обвинение предъявили 14 июля 1943 года! Ему дали 20 лет. Из них он просидел 11 лет. И лишь 20 марта 1954 года Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда СССР дело о Н. З. Коляде производством было прекращено за отсутствием состава преступления. Что же за преступление

ему приписывали? Статья 58 УК РСФСР "по аналогии". Понять это "определение" невозможно. Отец сам пытался впоследствии разобраться — как это "быть врагом народа по аналогии"? Но ответа не нашел. На допросах от него добивались признания "связи" с фашистами. Кому-то надо было придумать эту чудовищную мысль! Батя, отец — и связь с фашистами! Абсурд! Но ведь в то время абсурды зачастую были "истиной".

Писатель Наум Мар, собиравшийся написать книгу о Бате, высказал мысль о том, что в 1942 году, когда была утечка информации к врагу, Берия, чтобы оправдать свое бессилие, решил подставить авторитетную фигуру. Таковым оказался Батя.

Л. В. Громов:

— *И это произошло в то время, когда партизанское соединение Бати буквально грудью защитило фланги и тылы 4-й и 41 -й армий. Значение действий соединения было впоследствии оценено: "Командование Калининского фронта на основании данных партизан своевременно начало перегруппировку войск. И пока соединения 43-й армии перемещались в направлении удара противника, партизаны вместе с частями Красной Армии более двух недель держали линию фронта. Слободу противник не взял, замыслы его были сорваны".*

Были сохранены партизанские силы, планы Бати были выполнены и реализованы на деле... Значит, благодарить его надо было за умелое руководство, и за стойкость и мужество товарищей по оружию, за тот дух, что он всеми силами поддерживал в соединении. Его же обвинили в измене Родине!

А. Н. Коляда:

— *Когда он появился в апреле 1954 года дома, его с трудом можно было узнать: седой сгорбленный старик. Об одежде не говорю, какая из лагеря одежда?! А вот глаза, глаза оставались прежними... Наверное, сейчас, когда столько открылось для нас о том времени, отец многое бы рассказал: и где сидел, кто пытал, издевался, с кем сидел...*

Но тогда, в 54-м, если мы спрашивали, он уходил от разговора. Лишь иногда, в редкие минуты откровения, раскрывались перед нами дикие картины его жизни "в неволе". После возвращения он любил подолгу у окна стоять. Я как-то спросил его об этом. Он ответил: "Я сутки стоял в камере под прожектором... А здесь—Москва, солнце, небо... Это же счастье, вот так просто стоять и смотреть".

И ещё факт. До войны он очень любил тихоокеанскую селедку пряного посола. А тут глядеть на неё не мог. Признался: пытали селедкой. Сначала накормят, а потом не дают пить. Доходило до галлюцинаций, до мыслей о самоубийстве, но пересиливал себя.

Чего только не придумывали, чтобы он подписал ложные обвинения: подсаживали уголовников и тех, кто пытался спровоцировать... Батя все выдержал.

Я знал, что он все время после возвращения из лагеря искал в Москве партизан Смоленщины. Как-то прихожу домой, на столе записка: "Шура! Я узнал адрес Воронченко. Каляевская 29, кв. 111. Я уехал к нему. Папа". (Воронченко — командир прославленного на Смоленщине другого партизанского соединения "Дедушка"). Эта записка была последней. 11 лет пыток, лагерей не прошли бесследно. Он упал на площади Восстания... Шел 1955 год...

В "Отчете о работе Комитета партийного контроля при ЦК КПСС за период с октября 1952 г. по 1 января 1956 г.", опубликованном в "Известиях ЦК КПСС" (1989, № 11 (298), с. 44), сообщается: "Тов. Коляда Н.З. (партийная кличка "Батя"), член КПСС с 1920 г., бывший командир объединенных партизанских отрядов в Смоленской области, в октябре 1942 г. был арестован органами госбезопасности и осужден к длительному сроку заключения по ложному обвинению "в невыполнении заданий командования и обмане директивных органов". В действительности партизанские отряды под его командованием только с 15 апреля по 25 мая 1942 г. провели 79 боевых операций, уничтожили более 1800 вражеских солдат, офицеров и полицейских, пустили под откос 3 воинских эшелона и освободили от фашистских

захватчиков 230 населенных пунктов. Тов. Коляда полностью реабилитирован и восстановлен в партии".

О смерти Бати, его исковерканной судьбе Матрена Исаевна узнала на одной из партизанских встреч. Если бы Батя мог побывать хоть на одной из них! После встреч с боевыми товарищами Матрена Исаевна возвращалась домой и могла подолгу рассказывать о них. О себе же всегда помалкивала, считая, что ничего особенного не совершала. Даже об ордене Красного Знамени ребята узнали случайно и попросили рассказать о бое.

Выступали тогда и те, кого разыскивали следопыты. В рассказе каждого проходила мысль: Вольская не только выполнила приказ, она проявила мужество, совершила подвиг. Когда прошло столько лет, можно твердо сказать: это был подвиг.

С той первой встречи поиск продолжался. Передачи по Горьковскому телевидению, материалы в газетах "Советская Россия", "Труд", "Горьковская правда" помогли отыскать и других участников похода. Ушли из школы ребята, начинавшие поиск, а эстафета передается уже третьему поколению, пионерской дружине имени Матрены Исаевны Вольской в Смольковской средней школе, отрядам имени Володи Огурцова в Смольках и в школе № 40 г. Дзержинска.

Прошло еще несколько лет. В один из майских дней по сельской дороге шел автобус. Пассажиры автобуса с интересом смотрели в окно. Ехали они в незнакомое пока село Смольки Горьковской области на встречу. Из окна — куда ни глянь, березовые да хвойные леса, дорога то уходила в это зеленое царство, то вырывалась на простор полей. Был разгар пахоты. Каждый из тех, кто был в автобусе, помнил другую землю, перепаханную снарядами и танками. Ехали бывшие партизаны.

Дорога пошла лесом.

— Леса-то, как наши, смоленские, — заметил кто-то.

Показалось село.

— Смольки, — объявил водитель.

— Смоленск да Смольки — почти земляки, — пошутил один из пассажиров.

У школы, куда подкатил автобус, собралось почти все село. И больше всех здесь было, конечно, ребят. Мальчишки и девчонки вглядывались в орденские планки, ордена, медали.

Три поколения встретились на горьковской земле в селе Смольки. Бывшие партизаны из соединения "Батя", бывшие смоленские мальчишки и девчонки, разысканные следопытами борской школы № 4, сами следопыты и хозяева — смольковские школьники. Словно незримая ниточка соединила поколения.

Тихо было в школьном, до отказа заполненном зале. Взгляды всех то и дело обращались к небольшому постаменту, стоявшему в центре. На нем — запечатленное в бронзе лицо молодой девушки. Для партизан — отважная разведчица Мотя Вольская, для смоленских ребят — неутомимая и бесстрашная руководительница похода 1942 года — Матрена Исаевна Вольская, для сегодняшних ребят — сельская учительница. Это ее память собрались почтить.

В шеренге бывших смоленских ребят стояли: первый в Сормове Герой Социалистического Труда, заслуженный металлург Николай Иванович Анищенков; кавалер ордена Ленина, заслуженный сормович Владимир Дмитриевич Сидоренков; кавалер ордена "Знак Почета", строитель Василий Пименович Анисимов; сормовичи: Борис Максимович Тихонов, Иван Егорович Москалев, ударник коммунистического труда Николай Никитич Арещенков; кавалер ордена Трудового Красного Знамени Иван Ефимович Шестаков; бывшие воспитанники ФЗО Дзержинска, Мурома. Их было много на этой встрече. Они все говорили об одном:

— Матрене Исаевне мы обязаны жизнью, и, сколько бы ни миновало лет, мы ее никогда не забудем. Помнят ее и те, кого она учила. Нина Александровна Частова вспоминает:

— Матрена Исаевна была моей первой учительницей в той старой школе, что стоит за окнами новой школы. Нас было тридцать человек. Много было ребят из разных уголков

страны, оставшихся без родителей. Матрена Исаевна заменила им мать. Бывало, кусок от себя оторвет, а с нами поделится. Трудное тогда было время, но Матрена Исаевна старалась как-то скрасить тяжесть тех дней. У меня с детства была мечта стать учительницей. И я ею стала. В этом для меня примером была Матрена Исаевна.

"У каждого была своя война, свой шаг вперед, свои участки боя", — сказал поэт. У Моти Вольской война шла за жизнь трех тысяч ребят, за их будущее, будущее их детей. И она эту войну выиграла! Это была ее победа!

Все дальше отступает тот день, когда к перрону Московского вокзала в августе 1942 года подошел не совсем обычный эшелон. Следопыты школы № 4 г. Бор провели первую и самую кропотливую работу. Вспоминает Владимир Жаров, выпускник школы № 4 г. Бор:

— Мы не только писали письма везде и всюду, но и организовывали встречи. Поиск нас сдружил, встречи с партизанами, с бывшими смолянами помогли нам во многом, в том числе и выбрать свою дорогу в жизни. Матрена Исаевна Вольская для меня — человек из легенды.

А после выхода книги "Операция "Дети" в 1986 году откликнулись руководители и участники аналогичных "операций", проходивших на Смоленщине.

Написала Мария Никитична Ивченкова из Костромы: "Вместе с Дарьей Аксеновной Кушаковой в роно пригласили Александру Дмитриевну Ульяновскую, Зинаиду Федоровну Макаренко и меня и вручили удостоверение...". В нем подтверждалось, что "она действительно является воспитательницей интерната детей-сирот Смоленской области и направляется в Куйбышевскую область вместе с детьми, эвакуированными согласно решению СНК РСФСР".

Мария Григорьевна Григорьева (Можар) из Житомирской области рассказывает, что они с Ольгой Сергеевной Терентьевой (проживает сейчас в Смоленской области) спасли более сотни детей, выполняя задание Бати. Она пишет: "Признаюсь, долго не могла взяться за перо, прочитав книгу... Ведь мы с Ольгой Сергеевной говорили с

ним (Батей. — Л.Н., Н.Д.). Я его даже сравнивала с Денисом Давыдовым. Тогда, при встрече, он говорил с нами так, словно ждал нас. Рассказал, куда нам идти, кто нас встретит, накормит, поможет в организации вывода детей... А вот судьба этого легендарного человека, оказывается, трагична".

Тайся Федоровна Бабичева вместе с Анастасией Гавриловной Медведковой сопровождали группу малышей (23 человека). Многие идти не могли, приходилось нести их на руках. Это были дети-сироты из Духовщинского района. Лишь к концу августа (через 3 недели) они добрались до Куйбышева.

Прислал весточку из Свердловской области и Михаил Кузьмич Крюков: "Из 80 ребят, приехавших в Н. Туру из Смоленской области, проживает только двое — я и Ерофеенков Василий. Мы вместе прочитали книгу "Операция "Дети" и пришли к выводу, что наша эвакуация проходила в то же время и по тому же маршруту. Но мы ехали в другом эшелоне. Почти месяц (август) ушел на проезд от Торопца до Свердловска. Все "прелести" перехода описаны точно. К концу маршрута на нас, видимо, было страшно смотреть..."

Алевтине Васильевне Жарковой из Смоленской области довелось сопровождать 30 детей от 7 до 15 лет из Духовщинского района. На станции Андреаполь они сели в поезд. В этом же эшелоне ехали воспитанники Демидовского детдома. В Ярославле они были пересажены на пароход до Саратова...

Иван Степанович Крылов, бывший работник штаба Бати, пишет из Омской области: "В конце октября — начале ноября под моим руководством прошел "отставной партизанский отряд" ребят 15 – 16 лет в количестве более 30 человек, бывших юных партизан из соединения "Батя". Проследовали по тому же маршруту, что и ребячье формирование под командованием М. И. Вольской. 6 ноября 1942 года мы прибыли в Ярославль".

Сколько еще подобных — больших и маленьких групп выбиралось с оккупированной Смоленщины на Большую землю! И вели их в основном (по свидетельствам очевидцев)

молодые женщины... Низкий поклон им от всех, кого спасли, от детей и внуков спасенных! И будем помнить, что первую и самую крупную операцию по спасению детей Смоленщины возглавила Матрена Исаевна Вольская, проложив путь десяткам и сотням детей и взрослых.

ГЛАВА "ВНОВЬ ПО СТАРЫМ ДОРОГАМ СМОЛЕНЩИНЫ"

Необычно выглядела эта группа на автотрассе. Вытянувшись в цепочку, в ярких майках, с надписью "Операция "Дети", велосипедисты сосредоточенно "наматывали" километры. Из проносившихся мимо машин выглядывали любопытные: "Что за пробег? Что за "операция" и почему столько участников-детей?" Замыкал колонну велосипедист лет 35. Он то стремительно мчался вперед, подбадривая ребят, а то просто, идя "колесо в колесо", помогая преодолеть подъем, вновь уходил в хвост группы, растянувшейся километра на два.

Алексей Чкалов. С него-то и началось продолжение той истории, которую мы вам рассказали. Началась вторая жизнь поиска и книги. Скажем сразу: фамилией своей громкой он гордится. От своего знаменитого родственника унаследовал характер твердый, в чем-то упрямый, но справедливый. Ему не сидится на месте, до всего есть дело. Забот у него хватило бы и на работе и дома: в семье как-никак трое детей. Семью он тоже приобщил к тому, чем увлечен сам. Более 10 лет назад в поселке, где

Алексей вырос, он организовал велосипедный кружок. И была тогда мечта: создать настоящий клуб — с тренажерами, залом и коллективом, где рождались бы свои традиции, где местные мальчишки (прямо скажем, не ангелы) проходили школу закалки и мужества, учились взаимовыручке, постигали бы азы трудолюбия и рыцарства. Да-да, рыцарства, потому что в кружок стали приходиться и девочки.

И вот в руках удостоверение члена туристического поискового клуба имени Героя Советского Союза В.П. Чкалова. Рядом с фотографией летчика слова:

*Возьми свое сердце,
Зажги его смело,
Отдай его людям,
Чтоб ярче горело!*

Минуло десять лет, пройдено и "намотано" на колеса немало километров, создана история клуба, есть тот актив, что начинал и помогал все эти годы. И коллектив школы № 116, где разместился клуб, и областная станция юных туристов и еще много-много тех, кто просто был верным другом и помощником. На празднике среди гостей — ребята из Смольков. Здесь они чувствуют себя как дома. А как же иначе? С момента знакомства членов клуба и смольковцев прошло 3 года, за это время не один походный костер разожжен, не один котелок каши вместе съеден. Сейчас есть что вспомнить из того памятного похода по дорогам Смоленщины, по тем местам, где проходил маршрут 1942 года. Решение совершить с ребятами этот велопробег Алексей принял сразу. Оговорены сроки: с 19 по 29 июня 1987 года. Маршрут: Горький – Смоленск – Духовщина – Елисеевичи – Духовщина – Петрищево – Демидов – Пржевальское – Велиж – Кресты – Ильино – Старая Горопа – Москва – Горький.

Участники – три группы школьников: 6-й класс Смольковской школы, турклуб при школе № 116 г. Горького, клуб "Факел" при школе № 35 г. Смоленска. Всего — 35 ребят.

Если для смолян и горьковчан этот пробег хоть и был новым, но очередным, то для смольковских ребят — первая проба сил. Предложение Чкалова вызвало бурю восторга. Причин для него было несколько. Ну, во-первых, пройти маршрутом бывшей учительницы их школы — Матрены Исаевны Вольской, увидеть места партизанских боев, о которых уже столько слышали, встретиться с людьми, которые знали Володю Огурцова и побывать на месте его гибели. Во-вторых, овладеть велосипедом, подготовиться физически, чтобы выдержать весь этот путь. Ну, а в-третьих,

чтобы попасть в группу, надо было выполнить массу требований. Из 26 отбиралось только 14. Вот тут и началось соревнование. Возобновилась работа клуба бегуна, начались ежедневные тренировки на велосипеде, ребята участвовали во всех школьных и совхозных делах. А как поднялась успеваемость! Ребятам словно подменили. И привычной стала картина в Смольках: бегающие мальчишки и девчонки, пронсящие по сельской улице велосипеды... Комиссии пришлось немало потрудиться, чтобы из лучших выбрать "самых-самых". Утирали слезы, не попавшие в группу, но что поделаешь — конкурс!

Галина Леонидовна Серова — классный руководитель и Надежда Филипповна Толокнова — вожатая вместе с ребятами проходили весь курс подготовки. Ведь им идти в поход рядом.

Часто приезжал Алексей Чкалов. Проверял снаряжение, готовность велосипедов, техническое состояние, обговаривались все детали. Он понимал, какую ответственность и груз взваливает на себя! Ведь в велопрактике походов, пожалуй, впервые на такое расстояние пойдут ребята, некоторым из которых едва исполнилось 12 лет. Сумеют ли выдержать, да и непредвиденных ситуаций может быть немало. Этим маршрутом с 1942 года никто еще не ходил. Даже карта Смоленщины не давала порой ответа — где дорога, а где бездорожье. И все же Алексей решился. Пусть ребята испытают себя, пусть из рассказов очевидцев, местных жителей долетит до них страшное эхо войны... Останется в их сердцах, в их памяти этот поход...

Все тщательно обдумывается, обговаривается, шьется парадная форма для участников пробега, руководитель смоленской группы Александр Федорович Головачев еще раз проверяет маршрут...

Лето 1987 выдалось на редкость неудачным. Смоленщину залили дожди. И как подарок, солнечный день в Смоленске — первый день перед основным походом.

Что за чудо этот древний и вечно молодой Смоленск! 1612, 1812, 1941 — какую дату не "перелистнешь", везде

Смоленск — центр Руси, России – прямой участник исторических событий, щит и меч родины.

Смоляне с интересом поглядывали на многочисленную группу ребят в парадной форме, пилотках с надписью "Память", "Операция "Дети". Редко кто проходил мимо без вопроса: откуда? что за "операция"? В музее Великой Отечественной ребята с трудом узнавали Смоленск военной поры, задержались у фотографии Матрены Исаевны Вольской... И как ни интересен Смоленск, его прошлое, сегодняшний день, все торопили время — поскорей на велосипеды и в дорогу!

21 июня. Подъем в 7.00. Парадную одежду сменяет рабочая, последняя проверка велосипедов, крепежа рюкзаков. Пока они огромны и некоторые выглядят больше самих велосипедистов. К горьковской группе присоединилась смоленская. Последние наставления перед дорогой дает Алексей Чкалов:

— Итак, мы начинаем. Впереди 300 километров смоленских дорог, дорог, овейных партизанской славой. Будет трудно... Среди нас много новичков. В этом походе они поймут, что это такое, когда нет рядом мамы и папы. Но надо испытать себя. Надеемся, что все будет хорошо... Осторожнее на спусках, при торможении, соблюдать дистанцию...

Чкалов не случайно предупреждал об осторожности на дороге. Ведь прежде чем начнутся те, маршрутные, предстояло почти 60 километров пройти по очень оживленной трассе Москва— Минск.

Начинает моросить дождь. В центре колонны идут помощники А. Чкалова — Роман Погосткин и Леонид Почепский — заядлые велотуристы, по профессии — инженеры. Первый привал через 45 километров. Александр Федорович Головачев ушел на трассу первым, и когда последние ребята добрались до стоянки, в котелке уже весело булькал походный суп. И как ни тяжелы были эти первые десятки километров (а впоследствии ребята скажут, что они-то и стали для них самыми трудными. Ведь надо было войти в ритм движения, разработать ноги, дыхание...), а от

походной похлебки не отказался никто. Эх, мамы, мамы! Видели бы вы своих чад у походного костра, под морозящим дождем, усталых, чумазных, но с таким аппетитом уплетавших немудреное варево!

И вновь в путь! Впереди — Духовщина. В годы войны — это центральный район партизанской войны. В городе ребят уже ждали. И вечером, после ужина — воспоминания, рассказы. А в гостях — Петр Николаевич Антонов — "Антончик", бывшие партизаны М. П. Волков, М. Е. Волкова, В. С. Степичев. Через Духовщину проходила прифронтная полоса. Как нелегко приходилось партизанам, говорит статистика: на 50 тысяч квадратных метров Смоленщины — 1,5 млн немецких солдат и офицеров! На Смоленщине партизанам отступать было некуда — только драться до конца... Израненная смоленская земля рассказывала о себе заросшими дорогами, брошенными селами, предельной скромностью сельских жилищ. Откуда здесь взяться населению, если за годы войны оккупированная Смоленщина потеряла большую часть своего населения. Есть слабая надежда, что возрождение Нечерноземья поднимет и эту многострадальную землю, вернет сюда людей и вдохнет новую жизнь в пустующие уголки.

22 июня... День начала войны. Случайно совпало, но именно в этот день довелось ребятам услышать из уст очевидцев страшные рассказы о днях оккупации.

Из Духовщины надо было попасть в Елисеевичи — деревню, откуда начался поход 1942 года. Добраться туда оказалось непростым делом. Все дороги размыты, велосипеды пришлось оставить в Духовщине. Используя транспорт горьковской киногруппы, которая с первого дня шла за ребятами, добрались до села Булгаково. Встретились здесь с ветераном, бывшим партизаном — Александром Егоровичем Шошиным. И радость, и слезы были при этой встрече. Поинтересовались дорогой на Елисеевичи. "Да вот она, перед вами", — и жители показали на уходившие вдаль водные просторы. "Довезем, не волнуйтесь", — и к сельсовету подкатил ГАЗ-66. В кузов забрались все, да еще и

попутчиков прихватили. Ну и "дорога"! Машина местами проваливалась почти до бортов, потом с натужным ревом выбиралась наверх, и так весь путь. На пригорке показались строения. Елисеевичи... У машины собралась вся деревня... Когда-то большое село, теперь — это несколько жилых домов — один из заброшенных уголков Смоленщины. Доживают здесь свой век старики — все те, кто пережил оккупацию. Здесь, на месте, ребята слушали их рассказы. Прошло столько лет после войны, а они без слез не могут вспоминать. У Татьяны Гавриловны Ивановой (Морозовой) на глазах сожгли ее деревню Снорки. Сожгли со всеми жителями.

— Собрали народ в одну хату и зажгли. Как кричал народ, окна выбивали, а они стреляли... Я спаслась потому, что сховалась в речке. У меня вся семья погибла: батька, три сестры, мужнин брат... 12 человек моих родных... Никого не осталось...

Татьяна Гавриловна плачет, и у слушателей тоже на глазах слезы.

— Да разве я одна такая здесь? У нас каждый такое повидал! — И она показывает рукой на стариков. — Вон Петр Иванович Ильющенков тоже лиха хватил.

— Мы ведь пацанами были, когда немцы пришли. Какие они — враги, не знали. А вот когда наших 7 деревень сожгли да стали гонять с места на место, из одной деревни в другую... Отца расстреляли за связь с партизанами. Нас, молодежь, погнали в Германию. Из 3600 по дороге многие были убиты, умерли, человек 600 осталось. А из наших мест только двое — я да Юрка Наседкин. Из концлагеря нас взял помещик, и работали мы на него с утра до ночи, по 20 часов. Не доведи, господь, такой войны, ребятки, чтобы не видали ее вы и дети ваши...

Тихо в деревне... Александра Ермолаевна Кульчаева пригласила к себе. Ведь в тот первый военный год в ее доме в Елисеевичах находился подпольный райком партии, где работал Петр Феоктистович Цуранов.

Ребят интересуется место, где собирались перед отправкой.

— Да вот же оно, здесь вы и стоите, — поясняют им. Как же надо было организовать, обеспечить порядок, чтобы под носом у немцев собрать целую армию! Несмотря на скопление народа, тишина тогда не нарушалась. Сергей Иванович Долгушев еще раз напоминает, как 23 июля здесь собралось 1500 детей, не считая тех, кто пришел проводить из Басинского, Заусинского, Петрищевского, Веденского сельсоветов.

В разговоре вдруг услышали:

— А ведь я тоже среди тех ребят был...

Невысокого роста мужчина подошел ближе.

— Ключев я, Николай Иванович. До Горького доехал, а из Мурома сбежал... Думал, как же я без своей деревни-то... Дурак был. Досталось мне тогда на полную катушку. Чего только не испытал! А если бы не сбежал, глядишь, и жизнь бы моя совсем по-другому пошла. Я читать очень любил. А вернулся назад в деревню — до чтения ли тогда было! Так и школу не кончил. Эх, сломал себе жизнь сам! — Николай Иванович отвернулся.

Недолго побыли в Елисеевичах, но здесь, в этой деревне, ребята получили, пожалуй, самый сильный эмоциональный заряд. На обратном пути уже не было шуток по поводу дороги. Все молчали... В памяти стояли лица, глаза стариков, звучали их рассказы.

В этот же день из Духовщины путь лежал в село Петрищево. Дорога грунтовая, солнышко, словно желая подбодрить ребят, осветило округу, и 25 километров проехали без приключений, не считая мелких поломок. В Петрищево ждали. В школьном интернате можно было располагаться на ночлег.

Село Петрищево — центральная усадьба совхоза. Здесь, благодаря усилиям бывших партизан, установлен мемориал партизанам Первой партизанской бригады. На памятной стене записаны имена всех, кто погиб, подорвал себя, был замучен фашистами, чьи могилы неизвестны. Здесь встретились ребята с участниками перехода 1942 года — Анной Ниловной Киреенковой, Марией Трифоновной

Быстровой, Полиной Ильиничной Простаковой, Натальей Николаевной Мигуновой, Надеждой Павловной Гульбасовой, Анной Артемьевной Самохваловой. И сколько ни расспрашивали ребята, в ответах было одно: "Не дай бог повториться войне!"

Ведь только в нашем селе каждый из стариков прошел через трагедию!"

А сколько таких сел по Смоленщине! В этом убеждали Елисеевичи, Булгаково, Петрищево...

Прежде чем выйти на дорогу Петрищево — Демидов, сделали небольшой крюк. О том, чтобы посетить это место, говорили еще в Смольках. Отряд смольковцев носит имя Володи Огурцова. В стороне от оживленных дорог стоит гранитная плита. Володе было 13 лет, когда его зверски замучили эсэсовцы. Похоронили его партизаны здесь, у дороги, а чтобы не затерялась могила, сделали зарубку на молодом деревце. Кажется, все знали ребята о жизни Володи, а приехала сюда из г. Ярцево Мария Романовна Михалочкина (она училась, росла вместе с ним), и здесь, у памятного места, ребята вновь открывали для себя характер Володи.

— Из него мог вырасти талантливый человек, — говорит Мария Романовна. — Ему было 13, а он все умел. Развит был не по годам.

Минута молчания...

И вновь дорога. В годы войны это был оживленный большак Демидов—Смоленск. Немцы тщательно следили за ним. Были вырублены по обеим сторонам дороги деревья (от партизан), и по дороге безостановочно грохотала немецкая техника. Сейчас здесь глушь... До Демидова — путь неблизкий, и решено его сократить — идти почти нехоженой дорогой. Местные жители отговаривают, но... "Чем труднее, — считают ребята, — тем интереснее".

Узик киногруппы отправляется по старому большаку, а велосипедисты — напрямую. Да, это было настоящее испытание! Хорошо, что не шел дождь. Но была другая напасть — слепни. Дорога — если это можно назвать дорогой — местами просто опасна, приходится обходить пешком. Да и

ехать почти невозможно — постоянные колеи, педали не проворачиваются. Лишь у деревни Холм дело пошло веселей. Дорога стала лучше, а чтобы убежать от слепней, быстрее закрутили колеса. Перед глазами — великолепная панорама озера Диво. Не случайно ему такое название дали. А из сельсовета навстречу группе уже спешили: "Вас разыскивает Демидов".

Город Демидов стал как бы серединой маршрута. Интернат, куда приехали ребята, разместился на берегу двух небольших, но очень красивых рек — Каспли и Гобзы. Они текут параллельно друг другу, поэтому и звался город раньше Поречьем.

86 пройденных за этот день километров "свалили" ребят. Это на следующий день — знакомство с городом, местным музеем...

На территории интерната стоит мрачноватое кирпичное здание. Здесь интернат размещался прежде, а в годы войны — гестапо. Сколько народу прошло через его стены! Не случайно почти рядом — памятник расстрелянным и замученным.

Есть в Демидове Вздохов мост. Когда-то это было место встреч и свиданий, а в годы войны он стал мостом слез. Рядом за колючей проволокой томились пленные советские солдаты. Местные жители старались им помочь: кидали за проволоку хлеб, картофель. Но тысячи умирали от голода, истощения, болезней.

В демидовском музее ребята нашли записку. Ее оставил наш земляк. Как она попала на волю — трудно сказать, но вот она, на клочке бумаги, перед нами: "10 октября 1941 года. Дорогие русские люди, соотечественники. Не забывайте, что мы могли бороться, боролись с фашистским псом. Но вот пришел конец. Нас захватили в плен раненых. Истекаем кровью, нас морят голодом, издеваются над нами, гонят нас насильно в Починки. А что дальше будет, — не знаем. Много народа уже померло от голода и погибло. Кто найдет эту записку, пускай передаст в любые организации: в сельсовет или в колхоз, или в архив, может быть, останутся люди живы,

кто-нибудь на русской земле. Не может быть, чтобы эти гады всех перебили. Кто после нас будет живой, пусть помнят, что люди боролись за свою родину, любили ее как мать. Мы непобедимы. Я — рядовой красноармеец 45-й танковой дивизии 59-го полка Крутов Степан Маркелович, рождения 1915 года, Горьковской области, Ковернинского района..." Дальше было неразборчиво. 47 лет спустя читали записку Степана Маркеловича его земляки (Городецкий и Ковернинский район — соседи), мальчишки и девчонки из 1987 года. А значит, будут помнить и его, и тех, кто был с ним рядом.

Город Демидов для наших путешественников особенно дорог. Ведь здесь живет человек, который вместе с Матреной Исаевной Вольской прошел весь многотрудный путь — Варвара Сергеевна Полякова (Сладкова). Помните, их было трое: Матрена Исаевна, Варвара Сергеевна и Екатерина Ивановна Громова (медсестра).

Тихая, почти сельская улочка — Гобзянская, 16. Удивительный все же человек Варвара Сергеевна — столько пережила и не ожесточилась, осталась доброй, отзывчивой, хотя жизнь после войны складывалась тяжело. Вместе с Матреной Исаевной она после прибытия эшелона в Горький работала в колхозе им. К. А. Тимирязева Городецкого района (теперь колхоз им. И. А. Емельянова). А потом вернулась домой, в Демидов. До приезда велогруппы никто не знал в Демидове об операции "Дети" и о роли в этой операции Варвары Сергеевны. Сама она человек скромный, не напомнила о себе.

— Кого в этих местах удивишь рассказами о войне? Люди такого навидались, что со своими рассказами и соваться-то неловко. Помню день тот, первый, жаркий был. Природа как чувствовала, что детей в добрую жизнь поведут. Но дети плакали — тяжело уходить из дома, от матери. Такой плач стоял, упаси бог услышать еще когда-нибудь! И у нас троих не было уверенности полной, что все обойдется благополучно. У меня часы золотые были, мне сестренка перед войной подарила, я их оставила. Мол, не буду жива, так

хоть часы сохранятся. Надо же, сама удивляюсь, о себе не подумала, а о часах... Не сообразила, что жива не буду, так и часы не понадобятся. А дорога?! Где заминировано, где самолеты над головами. Уже в пути нас предупредили, чтобы изменили маршрут: оказывается, немцы нас поджидали. Тяжело даже представить...

Варвара Сергеевна проработала учительницей всю свою жизнь. Ушла на пенсию, не имея ни наград, ни удостоверения участника Великой Отечественной войны. Лишь выход книги "Операция "Дети", публикация в местной печати расставили все по своим местам и воздали должное человеку, которому за 3225 спасенных жизней не грешно было бы и памятную доску на ее доме установить.

После этой встречи в Демидове Варвара Сергеевна станет настоящим другом смольковских и горьковских ребят.

24 июня — выезд из Демидова. Можно уже подводить кое-какие итоги. Завтра расставание со смоленской группой. Для них это маршрут средней сложности, да и сами они постарше. Но за эти дни узнали друг друга, помогали. Александр Федорович Головачев, руководитель смолян, оказался незаменимым на маршруте. О себе рассказывал мало, но удалось узнать, что в годы войны он сестренкой чуть не попал в концлагерь. Чудом удалось спастись. И всю жизнь тоже отдает ребятам. Спасибо ему за помощь, за доброту!

Сергей Батиков, первый секретарь Демидовского райкома комсомола, предложил съездить в Пржевальск. Ведь там музей партизанской славы и дом-музей знаменитого русского путешественника, чье имя носит городок. Кто откажется?!

Дорога на Пржевальск отличная, на полях — целые колонии черно-белых аистов. В музее партизанской славы много знакомых имен: Батя, П. Ф. Цуранов, Ф. Я. Апрегов, тех, кто был связан с операцией "Дети". Сам Пржевальск — небольшой, зеленый. Музей Н. М. Пржевальского в большом саду. В доме — дневники, личные вещи, карты его путешествий, фотографии.

Вечером в Демидове ребята отдыхали — кто-то купался (погода позволяла), а смоляне пригласили на свой прощальный костер.

Утром уезжали из гостеприимного Демидова. Путь на город Велиж. Расстояние — 50 километров, дорога — асфальт. Эти километры для ребят уже не страшны. Александр Федорович

Головачев проверил маршрут до Демидова, и последующую информацию о трассе получали "со слов". Карты не соответствовали действительности. И первым доказательством было отсутствие моста через Западную Двину. Как попасть в Кресты, а потом в Ильино? Выход один — переправа. А как быть съемочной группе? Для нее объезд, и неблизкий, 200 с лишним километров. Встреча в Ильино.

До Крестов можно было ехать на велосипедах. Всюду ребят встречали гостеприимно: живо интересовались поездкой, удивлялись и, конечно, поили молоком. Так что горевать, что питание осталось в уазике, не приходилось.

Стояли последние длинные дни июня. В 22 часа в Крестах было светло, погода отличная, а за селом — бурная стремительная Западная Двина, через которую и предстояла переправа. Решили отложить ее до утра, ведь за день прошли 83 километра. Очень хотелось спать. В старом заброшенном клубе быстро навели порядок, набили спальники душистым сеном. Глаза закрывались. Но... Комары здесь тоже были хозяева. Как ни прятались ребята от них, они все равно находили щелку. Ночь прошла в непрерывной борьбе с назойливыми комарами.

Перед руководителями вопрос переправы встал со всей серьезностью: плотов нет, есть только лодка бакенщика, который наладил переправу через широкую и быструю Двину весьма остроумно, перекинув с одного берега на другой канат, к которому прикреплена лодка. Ее не сносит течением, и переправиться можно быстро.

Но это при наличии 2—3 человек. А если это группа в 30 человек, да еще с велосипедами?!

И все же переправа состоялась. Е. Ф. Зуев, паромщик, за несколько рейсов переправил всю группу. Ночевали на Псковской земле, а на этой стороне уже Калининская. По карте здесь должна быть дорога. Это, вероятно, в сухое, погожее лето. А сейчас, в поле, на этом месте, можно только предполагать, где она была. Первые четыре километра велосипеды проходили, а дальше их везли на себе, утопая в жидкой грязи по колено. Переход до Ильино занял почти 8 часов. Мальчишкам доставалось вдвойне — тащили свои велосипеды и рюкзаки девочек.

В Ильино ребят ждали. Их появление со стороны Крестов было полной неожиданностью для селян.

— Да там никто уж давным-давно не ходит! А в такую распутицу и тем более! Как вы отважились?!

Этот предпоследний участок действительно оказался крепким орешком. Он показал, что большинство ребят справились, проявили настоящий характер, выдержку и волю.

Вечером в Ильинском клубе собралось почти все село. Ребята рассказали о предыстории похода, самом походе. И тут же в зале нашлось несколько участников операции "Дети". Расспросы, рассказы до глубокой ночи. А утром — расставание с гостеприимным Ильино. Завтра — Старая Торопа. Вспомнились рассказы участников перехода 1942 года — какими мучительными были для них эти последние километры!

А для наших ребят поход стал испытанием собственных сил и возможностью "соединить" время прошлое и сегодняшний день.

Когда ребята вернулись в Смольки, они вновь и вновь перебирали в памяти походные дни, оставили свои впечатления в письменных рассказах.

"Если бы мне предложили поехать в велоэкспедицию, я бы с удовольствием поехала еще раз. Я больше узнала о трудностях пути, по которому в 1942 году М. И. Вольская провела детей. Теперь могу представить себе, как было трудно в те сороковые годы. Перед походом маленько побаивалась, а вдруг не выдержу, но во время пробега я

приобрела уверенность в себе и теперь мне кажется, я выдержу любой поход".

Оксана Плеханова, 13 лет, с. Смольки.

"Поход был очень нужным. Мы немного приблизились к тому 1942 году. У меня останутся в памяти встречи и ребята, с которыми мы подружились".

Наташа Серова, 12 лет, с. Смольки.

"Я много читал книг про войну и всегда хотел побывать в местах, где она была. Наш велопробег помог проверить нас физически, и оказалось, что мы подготовлены не так уж плохо. Мы побывали на местах сражений, пройдя частично путь Матрены Исаевны Вольской, и, наконец, мы, новое поколение, доказали, что будем помнить имена тех, кто отдал свою жизнь за наше будущее".

Андрей Знаменский, 13 лет, с. Смольки.

"Из моих трех походов этот был самым трудным. Очень трогательны были встречи с ветеранами, очевидцами тех минувших дней. Поражало гостеприимство, с каким нас встречали везде".

Наташа Планкова, 16 лет, г. Горький.

"Поход был тяжелый. Мы ехали по разным дорогам. Самой трудной была из Крестов. Но после окончания похода я жалел, что он кончился. В этом походе я много нового узнал о войне, о партизанских подвигах, о героизме советских людей".

Сергей Шульгин, 14 лет, г. Горький.

"Я считаю поход очень трудным и нужным. Потому что нельзя забывать о войне..."

Оля Сметанина, 14 лет, с. Смольки.

Все дни подготовки к походу и во время его Галина Леонидовна Серова, классный руководитель, была рядом с ребятами:

— Рада, что ребята совершили и выдержали поход, многое узнали, испытали, прочувствовали. Никакие слова учителя не смогут заменить те дни похода, наполненные яркими впечатлениями от встреч с замечательными людьми Смоленщины, со славными уголками родины, общением с

настоящими друзьями. Верю, что многие из них стали чище, добрее. Многие качества их открылись вновь, хотя думала, что знала их прекрасно. Поход обновил душу, заставил иначе смотреть на многое в жизни, оценивать ее.

Поход завершился в 1987 году. И можно было бы на этом поставить точку. Но в 1988 году ребята получили приглашение на Всесоюзные соревнования по велоспорту в Тулу во главе с А. А. Чкаловым и приглашение от муромчан. Разделились на две группы. Обсудили письмо из Смоленска Лидии Михайловны Петищенко. Она сообщала: "В марте я была в Муроме и заглянула в свое ремесленное училище. Встретилась с Элеонорой Андреевной, зав. библиотекой, и рассказала ей, как мы, смоляне, попали в это училище. Сначала она просто слушала, а потом стала записывать в тетрадь, а потом на пленку... Мой рассказ заинтересовал руководство училища... Обещают встречу от всей души".

А потом пошли письма от самих муромчан. Писала Мария Ефимовна Утина (Груздова): "Прочитала книгу "Операция "Дети", очень она меня взволновала, ведь к тем детям отношусь и я! Вот бы встретиться!"

Прислала весточку и Татьяна Григорьевна Москалева (Склярова): "Руководитель штаба "Поиск" Надя Толокнова прислала нам 4 книги "Операция "Дети". Я сразу стала читать, и мне все вспомнилось, как было на наших глазах. Я не могла уснуть всю ночь... Очень тревожно и больно. Нам надо обязательно встретиться. Приезжайте к нам!" И ребята решили: "Едем!" Городецкий горком ВЛКСМ помог в экипировке, обеспечил продуктами. Члены горкома ВЛКСМ Надежда Толокнова и Татьяна Ивановна возглавили операцию "Поиск". И вот 9 велосипедистов отправились по маршруту Городец — Правдинск — Богородск — Павлово — Муром.

В средней школе № 2 поселка Вербовский Муромского района подготовлен класс для отдыха. Рядом с ребятами постоянно были Нина Ефимовна Логашова, Мария Ефимовна Утина, сестры Новиковы и многие другие смоленские муромчане.

И список вновь пополняется. Теперь в нем стало на 62 человека больше. Помогали поиску и ребята из средней школы № 40 г. Дзержинска. Здесь созданы областное общество "Спасенные дети войны" (председатель А. К. Кудрявцев) и музей партизанской славы. А один из пионерских отрядов школы носит имя Володи Огурцова. А это значит, что поиск живет! И в списке найденных участников перехода 1942 года вновь новые имена. Теперь их уже 406.

ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

1. Василий Дмитриевич Абраменков
2. Анастасия Абраменкова
3. Мария Абраменкова
4. Елена Ивановна Аверочкина
5. Татьяна Яковлевна Аверочкина (Азонова)
6. Виктор Алексеевич Алехнович
7. Екатерина Макаровна Алехнович
8. Мария Ивановна Алексеева
9. Лидия Алешина
10. Антонина Исаевна Амбросова
11. Мария Ефимовна Амбросова
12. Прасковья Ефимовна Амбросова
13. Николай Романович Ананьев
14. Анна Ефимовна Андреева
15. Мария Кузьминична Андреева
16. Надежда Андреева
17. Василий Пименович Анисимов
18. Николай Иванович Анищенков
19. Иван Ефимович Антоненков
20. Петр Николаевич Антонов
21. Любовь Антоненкова
22. Николай Никитич Арещенков
23. Анастасия Ивановна Артамонова
24. Анна Капитоновна Артеменкова
25. Евдокия Астапова
26. Мария Пантелеймоновна Астапова
27. Михаил Иванович Астахов
28. Федор Петрович Афанасьев
29. Мария Пантелеймоновна Афанасьева
30. Мария Белякова
31. Александра Борисовна Биюшкина
32. Егор Иванович Богатырский
33. Алексей Терентьевич Богданов
34. Иван Кириллович Богов
35. Евдокия Андреевна Бодрикова

36. Ефросинья Андреевна Бодрикова
37. Мария Николаевна Бодрикова (Паранькова)
38. Лидия Бодрова
39. Антон Борисович Борисов
40. Анна Ефимовна Борисова
41. Мария Захаровна Борисова
42. Надежда Григорьевна Борисова (Петрова)
43. Александра Михайловна Борщевская
44. Евдокия Брусенкова
45. Наталья Брусенкова
46. Степан Быков
47. Мария Трифонова Быстрова
48. Захар Ваиулин
49. Елизавета Тихоновна Валесевич
50. Любовь Федоровна Валуева
51. Анисим Степанович Ваньков
52. Анастасия Яковлевна Василевская
53. Евгения Васильева
54. Мария Васильева
55. Анна Ивановна Вертахова (Пряникова)
56. Мария Петровна Волкова
57. Надежда Волкова
58. Николай Ильич Володькин
59. Александр Иванович Воронов
60. Анна Воронова
61. Надежда Галонова
62. Василий Тихонович Гамникин
63. Александра Матвеевна Гарусина
64. Анна Глазова
65. Полина Герасимова
66. Константин Пантелеевич Гольнев
67. Надежда Тихоновна Гольнева (Галенко)
68. Екатерина Гончарова
69. Ефросинья Ильинична Гончарова
70. Галина Сергеевна Городецкая
71. Анна Гравит
72. Юрий Терентьевич Гришин

73. Евгения Акимовна Гришутина
74. Мария Ефимовна Груздова (Утина)
75. Любовь Яковлевна Гудкова
76. Надежда Павловна Гульбасова
77. Татьяна Егоровна Гурченкова
78. Александр Федорович Давыдов
79. Татьяна Федоровна Давыдова
80. Егор Степанович Дальников
81. Евгения Григорьевна Дальникова
82. Аркадий Филиппович Девяткович
83. Мария Денисовна Денисенкова
84. Мария Егоровна Денисенкова (Белышева)
85. Ольга Егоровна Денисенкова (Кольберг)
86. Александр Павлович Денисов
87. Петр Денисович Денисов
88. Семен Трофимович Державцев
89. Мария Григорьевна Десятникова
90. Мария Егоровна Десятникова (Баронская)
91. Мария Марковна Десятникова (Калинина)
92. Антонина Дивакова
93. Александра Дмитроченкова
94. Евгения Дмитриевна Дмитроченкова
95. Евгения Дмитриевна Дмитроченкова (Морозова)
96. Сергей Иванович Долгушев
97. Мария Долотовская
98. Надежда Степановна Дроздова
99. Мария Моисеевна Дубецкая
100. Мария Васильевна Дубровина
101. Татьяна Дыдылева
102. Дмитрий Андреевич Евсеев
103. Евдокия Никитична Евстафиева
104. Мария Илларионовна Евстратова (Мацкевич)
105. Мария Васильевна Егоренкова
106. Мария Григорьевна Екименкова
107. Александр Хрисанович Елисеенков
108. Екатерина Дмитриевна Ермакова (Баринова)
109. Евдокия Ершова

110. Александра Ефимова
111. Антонина Петровна Ешина
112. Мария Петровна Жарова
113. Петр Ефимович Жеглов
114. Зинаида Ефимовна Жеглова
115. Вера Егоровна Желудова (Шошина)
116. Анатолий Иванович Жеребцов
117. Евдокия Жигмонтова
118. Надежда Степановна Жидкова
119. Владимир Арсентьевич Журов
120. Мария Макаровна Жученкова (Пшеницина)
121. Александра Михайловна Забавкина
122. Анна Моисеевна Забавкина
123. Евдокия Прокофьевна Забавкина
124. Екатерина Андреевна Зайцева
125. Клавдия Мироновна Закревская (Косарева)
126. Николай Захарович Захаров
127. Лилия Ивановна Зверзина
128. Нина Дементьевна Зуева (Пастернак)
129. Евгений Яковлевич Иванов
130. Павел Иванович Иванов
131. Петр Данилович Иванов
132. Александра Ильинична Иванова
133. Анна Абрамовна Иванова
134. Анна Никифоровна Иванова
135. Антонина Тереховна Иванова
136. Евгения Федоровна Иванова
137. Мария Абрамовна Иванова
138. Мария Варфоломеевна Иванова
139. Анатолий Иванович Ильин
140. Николай Константинович Исаев
141. Анастасия Ивановна Кайран
142. Иван Иванович Кайран
143. Мария Савельевна Калиленкова (Зайцева)
144. Екатерина Кузьминична Калунина
145. Анна Ефимовна Канашенкова
146. Мария Изотовна Капшурова (Данилина)

147. Ольга Каретникова
148. Зинаида Ивановна Карпенко
149. Надежда Ивановна Карпенко (Кейсова)
150. Мария Кузьминична Карпенкова
151. Александра Карпеченкова
152. Прасковья Тихоновна Картавенкова
153. Александра Каршкова
154. Полина Каршкова
155. Анна Дементьевна Касьянова
156. Надежда Тихоновна Касьянова
157. Ольга Федоровна Касьянова
158. Зинаида Кашекина
159. Мария Киреева
160. Мария Васильевна Киселева
161. Сергей Клименков
162. Николай Иванович Клюев
163. Екатерина Егоровна Ковалева (Калачева)
164. Екатерина Сафроновна Ковалева
165. Зинаида Павловна Ковалева
166. Мария Сафроновна Ковалева
167. Мария Сафроновна Ковалева (Сауткина)
168. Татьяна Ковалева
169. Любовь Васильевна Ковындикова (Валовичева)
170. Николай Александрович Кожеуров
171. Петр Терентьевич Кожиров
172. Иван Прокофьевич Козлов
173. Яков Арсеньевич Козлов
174. Анна Егоровна Козлова
175. Зинаида Васильевна Козлова
176. Наталья Мартыновна Колякина
177. Александра Комиссарова
178. Зинаида Петровна Комиссарова
179. Александра Тихоновна Копшурова
180. Екатерина Николаевна Кордикова
181. Зинаида Матвеевна Коренина
182. Анна Николаевна Коренкова
183. Мария Афанасьевна Коренкова

184. Валентина Матвеевна Корчагова
185. Пелагея Нестеровна Коршакова
186. Анастасия Георгиевна Космакова
187. Анастасия Григорьевна Космакова
188. Варвара Максимовна Кривенкова
189. Галина Сергеевна Крылова (Городецкая)
190. Александра Васильевна Ксенофонтова (Лушина)
191. Татьяна Кудрявцева
192. Иван Кузьменков
193. Иван Владимирович Кузьмин
194. Александра Тихоновна Кулаженкова
195. Мария Никитична Куликова
196. Нина Ефимовна Куликова (Логашева)
197. Александр Васильевич Левшинов
198. Варвара Александровна Леденцова
199. Татьяна Федоровна Лобазова
200. Мария Андреевна Лобанова (Тимашова)
201. Мария Ефимовна Лобанова (Мирошниченко)
202. Наталья Григорьевна Лобанова (Ташимова)
203. Николай Иванович Логинов
204. Мария Луканова
205. Леонид Федорович Лукашенков
206. Ефросинья Лукашова
207. Василий Петрович Лукояненков
208. Анастасия Сергеевна Львова (Шлюнина)
209. Мария Егоровна Львова
210. Прасковья Исаевна Львова
211. Василий Макаренков
212. Зинаида Федоровна Макаренкова (Фомченкова)
213. Татьяна Федоровна Макарова
214. Ефросинья Николаевна Макушева (Савина)
215. Анна Маркелова
216. Алексей Семенович Мартынов
217. Татьяна Ефимовна Марченкова
218. Татьяна Антоновна Масыгина (Лебедева)
219. Михаил Андреевич Мацкевич
220. Петр Петрович Медведев

221. Прасковья Медведева
222. Татьяна Гавриловна Медведкова
223. Александра Меркушева
224. Мария Меркушева
225. Наталья Николаевна Мигунова
226. Екатерина Миронова
227. Мария Ерофеевна Мирошниченко
228. Евгения Михайловна Михайлова
229. Анастасия Михальченкова
230. Мария Тимофеевна Михальченкова
231. Анна Даниловна Модилова
232. Елизавета Ивановна Моисеева
233. Ольга Григорьевна Моренцова
234. Екатерина Мормылева
235. Петр Александрович Морозов
236. Анна Петровна Морозова
237. Зинаида Морозова
238. Мария Морозова
239. Раиса Ивановна Морозова
240. Иван Егорович Москалев
241. Евдокия Никитична Москалева
242. Ксения Григорьевна Москалева
243. Татьяна Григорьевна Москалева (Склярова)
244. Ульяна Кирсановна Москалева
245. Екатерина Васильевна Моторова
246. Татьяна Александровна Неброева
247. Михаил Иванович Немков
248. Антонина Яковлевна Нестерова
249. Василий Петрович Никитенков
250. Анастасия Прокофьевна Никитенкова
251. Екатерина Макаровна Никитина (Иванова)
252. Нина Васильевна Никитина
253. Александр Стефанович Новиков
254. Антонина Васильевна Новикова
255. Валентина Новикова
256. Варвара Степановна Новикова
257. Евгения Лукинична Новикова (Туркина)

258. Екатерина Сафроновна Новикова
259. Наталья Афанасьевна Новикова
260. Нина Афанасьевна Новикова
261. Нина Ефимовна Новикова
262. Софья Степановна Новикова
263. Александра Лукьяновна Овчинникова
264. Мария Лукьяновна Овчинникова
265. Анатолий Григорьевич Орешнов
266. Юрий Григорьевич Орешнов
267. Иван Трофимович Орлов
268. Екатерина Осипенкова
269. Григорий Емельянович Панасенко
270. Петр Трофимович Паненков
271. Евгения Федоровна Панова
272. Лидия Михайловна Петищенко
273. Ольга Ефимовна Петрова (Прибыткова)
274. Наталья Николаевна Петрусова
275. Екатерина Платонова
276. Татьяна Еремеевна Плетнева (Вольская)
277. Полина Даниловна Полущенко
278. Александра Фоминична Полякова (Ефимова)
279. Евгения Никифоровна Пономарева
280. Евгения Прокофьевна Пономарева
281. Мария Ивановна Пономарева
282. Ольга Парфеновна Пономарева
283. Мария Максимовна Потапова
284. Прасковья Денисовна Принева
285. Мария Николаевна Прокофьева
286. Анастасия Дмитриевна Простакова (Федорова)
287. Мария Ильинична Простакова
288. Надежда Дмитриевна Простакова
289. Василий Прохорович Прохоров
290. Мария Афанасьевна Птичкина
291. Надежда Федосеевна Пыжикова
292. Татьяна Семеновна Пятова (Касаткина)
293. Евгения Рассумакина
294. Мария Васильевна Рашенкова

295. Виктор Петрович Рогов
296. Анна Захаровна Родченкова
297. Нина Николаевна Родченкова (Тобеева)
298. Луиза Гавриловна Романенкова
299. Михаил Семенович Романов
300. Мария Ивановна Рытенкова
301. Евгения Никифоровна Рябчикова
302. Нина Капитоновна Рязанова (Цветкова)
303. Нина Дорофеевна Сабова
304. Екатерина Семеновна Савченкова
305. Екатерина Павловна Садовникова
306. Татьяна Садовникова
307. Татьяна Павловна Садовникова
308. Татьяна Васильевна Самарина
309. Анна Артемьевна Самохвалова
310. Анна Петровна Сафронова
311. Антонина Николаевна Седова
312. Анатолий Иванович Семенов
313. Вера Семенова
314. Николай Иванович Сергеев
315. Анна Ивановна Сергеева
316. Александра Владимировна Сергученкова
317. Анна Моисеевна Сетченкова
318. Владимир Дмитриевич Сидоренков
319. Анна Андреевна Сидоренкова (Шинева)
320. Анна Егоровна Сидоренкова (Жукова)
321. Анастасия Романовна Скобелева
322. Виктор Игнатьевич Слесарев
323. Анатолий Александрович Смесивцев
324. Анастасия Ивановна Смирнова
325. Татьяна Федоровна Смурова
326. Анастасия Солдатенкова
327. Василий Сергеевич Соловьев
328. Анна Яковлевна Соловьева
329. Александра Лукьяновна Сосюкина
330. Пелагея Даниловна Спиридонова (Полушенкова)
331. Евдокия Сергеевна Ставрова (Солдатова)

332. Антонина Яковлевна Стальченкова
333. Александр Иванович Старовойтов
334. Александр Павлович Старовойтов
335. Иван Васильевич Старовойтов
336. Иван Павлович Старовойтов
337. Александр Степанюк
338. Михаил Васильевич Строганов
339. Зинаида Павловна Сулиленко
340. Александра Агеевна Терехова (Киреенкова)
341. Екатерина Терещенкова
342. Иван Федорович Титов
343. Вера Васильевна Титова
344. Мария Ивановна Титова (Шорина)
345. Борис Максимович Тихонов
346. Иван Фролович Тихонов
347. Вера Ермолаевна Тихонова (Ракова)
348. Лидия Леоновна Тихонова (Цветкова)
349. Ольга Дмитриевна Тихонова
350. Татьяна Павловна Тишкина
351. Анна Ниловна Ткачева
352. Ульяна Васильевна Ткачева
353. Лидия Васильевна Токарева
354. Василий Ефимович Трусов
355. Марианна Павловна Турецких
356. Анна Петровна Туркова
357. Александра Ильинична Ульянова
358. Полина Ульянова
359. Прасковья Ульянова
360. Ирина Федоренкова
361. Нина Прокофьевна Федоренкова
362. Семен Захарович Филиппенков
363. Григорий Филиппович
364. Николай Дмитриевич Фоменков
365. Александр Леонидович Фомин
366. Виктор Григорьевич Фомичев
367. Вера Егоровна Фомичева
368. Зинаида Фомичева

369. Екатерина Романовна Хартова
370. Нина Андреевна Хартова
371. Татьяна Андреевна Хартова
372. Татьяна Николаевна Хартова
373. Евгения Николаевна Хохлова
374. Ольга Андреевна Царева
375. Николай Александрович Чайкин
376. Екатерина Ивановна Чайкина
377. Мария Александровна Чайкина
378. Зинаида Ефимовна Чеботарева
379. Анатолий Иванович Черносов
380. Мария Чернышева
381. Зинаида Черткова
382. Анна Михайловна Чумденкова
383. Екатерина Шайкова
384. Ольга Федоровна Шалушкина
385. Михаил Иванович Шеводрилов
386. Мария Федоровна Шелаева (Егоренкова)
387. Нина Шеньрева
388. Иван Ефимович Шестаков
389. Вера Даниловна Шестернева
390. Татьяна Даниловна Шестернева
391. Александра Егоровна Шилова
392. Ксения Павловна Шилова
393. Мария Ивановна Шилунова
395. Надежда Никитична Шитова
396. Елена Макаровна Шумилина
397. Александр Спиридонович Щербаков
398. Петр Спиридонович Щербаков
399. Александра Спиридоновна Щербакова
400. Алексей Константинович Юденков
401. Анастасия Юденкова
402. Евдокия Николаевна Юденкова
403. Наталья Васильевна Юденкова
404. Раиса Макаровна Юденкова
405. Евгения Васильевна Язенина
406. Евгения Ефимовна Язенина

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ КНИГИ

Кабанова Светлана, лидер областного актива детских и молодежных общественных организаций Нижегородской области, корреспондент "Классного радио РДШ", г.Арзамас:

Память дана, чтобы жить! Именно так ассоциируется у меня сейчас эта военная история, которую я прочитала по совету своего наставника. Военных историй, на первый взгляд много. Они трогают, вызывают слёзы, но эта книга особенная, она о подвиге молодой сельской учительницы, комсомолки-разведчицы Первой бригады из партизанского соединения "Батя" Матрены Исаевны Вольской, которая по лесам и болотам Смоленщины вывела из тыла врага свыше трех тысяч детей, это настоящий урок мужества.

Эпизод, где колонна детей, растянувшаяся на несколько километров, шла обессиленная, ребята еле передвигались, часто спотыкались и падали, трудно представить. Нет еды, нет воды, только отравленные колодцы оккупантами, обстрелы, все это преодолевали маленькие дети, а пока отряд пробирался по лесам, к ним из сёл и сожжённых деревень присоединялись новые. Какое нужно обрести упорство и мужество молодой девушке, чтобы довести дело до конца, чтоб спасти более 3000 жизней!

Удивительно, что Матрена Исаевна не считала операцию "Дети" подвигом. Для нее это было просто партизанское задание. Есть такие, казалось бы, простые события, в масштабах Великой Отечественной войны, которые нужно помнить всегда, как героические страницы нашей истории. Мне бы хотелось, чтобы данная книга вошла в перечень школьных библиотек нашей Нижегородской области, чтобы имя нашей землячки помнили и знали еще много поколений, ведь великая история нашей страны складывается из таких небольших страничек героических подвигов самых обычных людей.

Савинов Егор, ГКОУ «Санаторная школа-интернат №5», активный участник областных патриотических проектов "Каждый шаг для ЖИЗНИ!" и "Страницы памяти"

Я считаю, что это очень интересная, познавательная, патриотическая книга. Именно благодаря таким произведениям человек осознаёт все ужасы Великой Отечественной войны и через эти истории мы можем узнать о героях тех времён. Партизанская операция, которой руководила Матрёна Вольская, стала самой масштабной операцией по спасению детей за всю историю Великой Отечественной войны. Это удивительная история женщины, рискнувшей всем ради спасения детей.

Мне очень понравилась эта книга, потому что в ней показывается настоящий героизм, который проявила обыкновенная женщина, которая смогла спасти от смерти более 3 тысяч детей.

Щербакова Мария Геннадьевна, руководитель районного детского общественного объединения "Ветла", педагог дополнительного образования Муниципального общеобразовательного учреждения "Ветлужская школа №2", муниципальный координатор Всероссийского проекта "Навигаторы детства", Ветлужский муниципальный район

Есть такие события, о которых нужно помнить всегда. К ним относится Великая Отечественная Война и подвиги обычных людей.

Книга "Операция "Дети" описывает масштабную операцию по спасению детей в период Великой Отечественной войны. Поразительная книга! Читая её просто не представляешь, как дети могли выдержать все эти мучения! А также в очередной раз убеждаешься в том, какую опасность и страх несла война! Пока читала, несколько раз принималась плакать...Удивляет, что, проведя самую большую в истории Великой Отечественной войны операцию по спасению детей, смоленская девушка Матрена Исаевна не считала, что совершила подвиг. "Я просто выполняла задание. И все", - говорит она.

Я убеждена, что данная книга – лучшая форма патриотического воспитания. В ней все: личный пример, сила характера, воля к победе.

Чкалов Алексей Александрович, чемпион СССР по велотуризму, КМС СССР по велотуризму, организатор вело и автопоходов по маршруту "Операции "Дети"

1986 год. Конец года. Меня пригласили на Горьковское телевидение в редакцию "ФАКЕЛ" на обсуждение фильма о проблемах молодежи. После просмотра фильма и обсуждения меня попросили задержаться. Ко мне подошла Наталья Михайловна Дроздова. Познакомились. Она мне рассказала о книге "Операция "Дети" и предложила организовать поход по тем местам, где описаны события книги. Я взял книгу, приехал домой, до 3-х часов этой же ночи она была прочитана мною и возникло много вопросов... Утром я позвонил Наталье Михайловне и сказал, что мне это очень интересно. От неё получил предложение съездить в п. Смольки Городецкого района 23 декабря. В этот день Наталья Михайловна приехала на машине и мы вместе с ней поехали в Смольки. Там в школе педагоги вспоминали о своей бывшей коллеге Матрене Исаевне Вольской. Была очень красивая и теплая атмосфера памяти Матрене Исаевне и военным годам. Наталья Михайловна рассказала о своем поиске и намерении совершить переход по маршруту "Операция "Дети", затем она предоставила мне слово. Я сказал, что идти в этот поход я очень хочу со своими детьми из школы № 116 – членами клуба "Русланчик" им. В.П.Чкалова, но только если будут участвовать дети Смольковской школы. К директору школы Горбаконенко Н.А. подошла Серова Галина Леонидовна и сообщила о желании детей её 6 класса, где она была классным руководителем, участвовать в этом походе.

Так началась череда наших походов на Смоленщину, которые состоялись в 1987, 1992, 1997, 2002, 2004, 2005, 2006 годах — их было много, они были очень разнообразные...

В 1987 г. – более 60 человек, участники п. Смольки, школа №116 г. Н.Новгород — г. Смоленск — А.Ф. Головачев с детьми школы № 34, плюс участница перехода с дочерью и

внучкой и киногруппа ГТРК – "ФАКЕЛ" на автомобиле во главе с Дроздовой Н.М. Надо отметить, что весь маршрут на велосипеде проехал Новиков Леонид Кондратьевич, а ему на тот момент исполнилось 65 лет!

В 1992 году — был пеший маршрут, 107 участников, делегации — п. Смольки, г. Смоленска, г. Н. Новгорода, г. Москвы.

В 1997 году — руководитель Серова Г.Л. – поход на автобусах. Участвовало 176 человек.

В 2002 году – на одном автобусе поход совершила — Наталья Серова с 20 -ю детьми, она была участником 1-го похода 1987 года.

Далее были экспедиции г. Н. Новгород — Смоленск (2 раза) и Н. Новгород — Брест (1 раз) с обязательным заездом в Смоленск и в Демидов в гости к Варваре Сергеевне Поляковой.

В первом походе, общаясь с нами, Л.К. Новиков много раз говорил о том, что книги об "Операции "Дети" и похода мало, надо поставить памятник этому событию и людям, которые его организовали, а также представить к государственным наградам руководство партизанской операции – Коляду Н.З, Вольскую М.И., Полякову В.С. и Громову Е.И.

Все эти годы эти события были в моей жизни очень важными и остаются таковыми сейчас. И вот сегодня мы можем сказать, что мечту Новикова Л.К. мы частично выполнили – памятник Смоленским партизанам, спасавшим детей во время Великой Отечественной войны – будущее нашей страны России – установлены в г. Городец Нижегородской области (п. Смольки находится в этом районе, где жила, работала и покоится М.И. Вольская — Почетный гражданин Городецкого района (посмертно) и в г. Смоленск – в Кремле, где установлены величественные памятники истории нашей Родины и подвигов Смоленской земли и людей ее — в войне 1812 года, в Великой Отечественной войне, могила Егорова, водрузившего знамя над Рейхстагом в 1945 году 2 мая.

Путь к памятнику у нас занял 33 года с момента моего знакомства с Новиковым Л.К. и Дроздовой Н.М.

Эти удивительные люди, гордо идущие по жизни, для меня – образец, наставники, опора по жизни.

Об этом можно говорить долго и много. За эти годы осознано, пережито, реализовано и создано очень много событий, фактов, эпизодов.

Главный вывод – я очень благодарен судьбе, что мне это все даровало!

Познакомиться и подружиться с Дроздовой Н.М., Новиковым Л.К., Серовой Г.Л., Головачевым А.Ф. и его преемниками на нашей земле.

Но это "еще не вечер", впереди — много идей, которые мы сможем реализовать еще. Впереди год 80-летия "Операции "Дети".

СОДЕРЖАНИЕ

Мы – помним! Мы – гордимся!	3
К читателю	6
Глава "Оккупация"	8
Глава "Батя"	23
Глава "Лучше Вас никто не справится"	29
Глава "Был первый день"	42
Глава "Двести километров пути"	65
Глава "Пятьсот веселый..."	99
Глава "Забыть мы не имеем права"	146
Глава "И сколько бы ни миновало лет..."	158
Глава "Вновь по старым дорогам Смоленщины"	170
Поиск продолжается	186
Отзывы читателей книги	197

**Выражаем благодарность лидерам и активистам,
учащимся общеобразовательных организаций
Нижегородской и Смоленской области,
их руководителям и учителям, принявшим участие в
перепечатке страниц книги "Операция "Дети"
(авторов Л.К.Новикова и Н.М.Дроздовой):**

Мельникову Егору, студенту Городецкого Губернского
колледжа, советнику по воспитанию и взаимодействию с
детскими общественными объединениями
МБОУ "Средняя школа №5";

Смирновой Елизавете, обучающейся МБОУ "Смольковская
средняя школа", д.Смольки, Городецкий район;

Сташкиной Надежде Филипповне, учителю истории МБОУ
"Смольковская средняя школа", д.Смольки,
Городецкий район;

Кабановой Светлане, обучающейся МБОУ "Лицей",
г.Арзамас, лидер областного актива детских и молодежных
общественных организаций Нижегородской области;

Добролюбовой Людмиле Моисеевне, учителю истории
МАОУ "Средняя школа №4", г.Бор;

**Бурдиной Алёне, Устимовой Дарье, Илюшиной Елене,
Князьковой Еве, Кононкову Даниилу, Байкову Артёму**,
обучающимся МАОУ "Средняя школа №4", г.Бор;

Болдиной Елизавете, студентке
ННГУ им.Н.И.Лобачевского, Московский район,
г.Нижний Новгород;

Зориной Татьяне Николаевне, старшей вожатой МАОУ
"Средняя школа №2", г. Бор;

Даниловой Светлане Николаевне, учителю истории
МАОУ "Средняя школа №2", г. Бор;

Батуриной Людмиле Викторовне - заместителю директора,
учителю русского языка,

Галдиной Екатерине Борисовне, старшей пионервожатой,
Яворской Наталии Анатольевне, старшему воспитателю
ГКОУ "Санаторная школа-интернат №5",
г.Нижний Новгород;

Савинову Егору, Гнатенко Ивану, Архипову Дмитрию,
Кашину Олегу, Лепулину Денису, Гурылёву Илье,
Пальгуюеву Константину, Кокшарову Анатолию,
обучающимся ГКОУ "Санаторная школа-интернат №5",
г.Нижний Новгород;

Десятникову Константину, обучающемся МБОУ
"Воскресенская СШ", Воскресенский район, лидер
областного актива детских и молодежных общественных
организаций Нижегородской области;

Лизогуб Екатерине, Ремизовой Ксении, Ключевой Арине,
обучающимся МАОУ СШ №2 г. Ворсма, Павловский округ

Смоленская область:

Сидоренковой Марине Александровне, Бариновой Елене
Александровне, методистам, педагогам дополнительного
образования МБУ ДО "Дворец творчества детей и молодёжи;

Денисенковой Олесе Николаевне, старшей вожатой
МБОУ "Средняя школа №23";

Иваненкову Александру, Чекулаеву Никите,
обучающимся МБОУ "Средняя школа №23"

ОПЕРАЦИЯ

«ДЕТИ»

Эта книга о подвиге простой советской учительницы начальных классов Матрены Исаевны Вольской, которая в годы Великой Отечественной войны спасла более 3 тысяч детей с территории оккупированной Смоленской области.

Партизанская операция по спасению детей, которой она руководила, стала самой масштабной за всю историю Великой Отечественной войны. Назвали ее - Операция «Дети».

С ТЕРРИТОРИИ ОККУПИРОВАННОЙ
СМОЛЕНЩИНЫ

3225

СПАСЁННЫХ
детей

МАТРЕНА ИСАЕВНА
ВОЛЬСКАЯ

23 ДНЯ

изнурительного
перехода

23 ИЮЛЯ - 14 АВГУСТА 1942 ГОДА

200

КИЛОМЕТРОВ
в пути

МАРШРУТ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ДЕТЕЙ

